PG3386
.P64
1908

II Π 497

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

Acq. Dept., Library
Univ. of North Carolina
Chapel Hill, N. C. 27514

CF
CD
CD
SR

asilii Ivanovich,
omp.

i. Ego zhizn' i sochineni
Ed: Vols:
atunnykh statei
2 ed
1908

27

C
SR

Init:

Vendor: LENIN

Recommended By:

Y-LC

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3386
.P64
1908

2464 n/73

C. M. N 497.

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
AUG 31 1984	JAN 18 '85		
FEB 18 1983 W	FEB 22 '83		
MAR 22 1983 W	MAR 28 '83		
APR 22 1983 W			
	APR 25 '83		

Form No. 513

VI 395. 9.
ПРОВЕРЕНО 1958
PG3386 .P6A 1908

Левъ Николаевичъ ТОЛСТОЙ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

17565/11
ПРОВЕРЕНО 54г.

СОСТАВИЛЪ
В. Покровскій.

ПРОВЕРЕНО 54г.

Изданіе второе, дополненное.

Цѣна 50 коп.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова.
Телефонъ 120—95.
1908.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во **второмъ изданіи** помѣщены слѣдующія новыя статьи: Родина Толстого, его родители и дѣтство, *Андреевича.* — Толстой въ университетѣ, *Загоскина.* — Толстой на Кавказѣ, *Бирюкова и Соловьева.* — Дворянская среда и ея разновидности по роману Толстого: «Война и миръ», *Коробки.*

В. Покровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Родина Толстого, его родители и дѣтство, *Андреевича* 1
Толстой въ университетѣ, *Загоскина* 9
Толстой на Кавказѣ, *Бирюкова и Соловьева* 31
Личное участіе Толстого въ оборонѣ Севастополя, *Левенфельда* 45
„Дѣтство, Отрочество и Юность“ Толстого, какъ художественная автобіографія автора, *Овсянико-Куликовскаго* 53
Постепенное измѣненіе жизни, какъ неизбѣжное слѣдствіе метаморфозъ души — основная идея „Дѣтства и Отрочества“, *Бар. Дистерло* 60
Форма и содержаніе „Дѣтства и Отрочества“ и способъ изображенія, *Анненкова* . 73
Художественныя достоинства „Дѣтства и Отрочества“. *Изъ „Отечественныхъ Записокъ“ 1854 г.* 78
Военный бытъ въ изящной литературѣ до Толстого, *Дружинина* 81
Типы и картины въ военныхъ разсказахъ Толстого, *Дудышкина* 83
Правдивость и самобытность военныхъ разсказовъ Толстого, *Дружинина* 98
Общее содержаніе и идея разсказа „Казаки“, *Цабеля* 103
Дѣйствующія лица въ разсказѣ „Казаки“ и ихъ характерныя черты, *Маркова* . . 106
Общее содержаніе и построеніе „Войны и мира“, *Цабеля* 119
Лица и событія въ романѣ „Война и миръ“, *Бадена* 121
Русское образованное общество въ романѣ „Война и миръ“, *Цабеля* 147
Смыслъ произведенія Толстого „Война и миръ“, *Страхова* 154
„Война и миръ“, какъ художественное цѣлое, *его же* 159
Художественность, объективность, образность и правдивость, какъ отличительныя черты романа „Война и миръ“, *его же* 163
Дворянская среда и ея разновидности по роману Толстого „Война и миръ“, *Коробки*. 170

Родина Толстого, его родители и дѣтство.

Ясная Поляна — родовое имѣніе князей Волконскихъ, перешедшее теперь въ родъ графовъ Толстыхъ, — внѣшнимъ своимъ видомъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ барскихъ помѣстій средней полосы Россіи, и если имя его стало общеизвѣстнымъ, то лишь потому, что здѣсь родился, провелъ свое дѣтство и почти безвыѣздно всю вторую половину своей жизни Левъ Николаевичъ Толстой. „Война и Миръ", „Анна Каренина" и всѣ многочисленныя произведенія послѣднихъ лѣтъ: „Исповѣдь", „Въ чемъ моя вѣра", „Смерть Ивана Ильича", „Крейцерова соната" и т. д., были созданы въ Ясной Полянѣ. Какъ Ферней Вольтера или Коппе m-me Сталь или Мекка Магомета, оно извѣстно всему міру.

Ясная Поляна, ея веселое и живописное положеніе, окружающій ее огромный казенный лѣсъ „Засѣка", самая усадьба съ вѣковыми липовыми аллеями, посаженными прадѣдомъ княземъ Волконскимъ, четыре пруда и вѣчно запущенный барскій садъ, обнесенный валомъ, описывались десятки разъ какъ русскими, такъ и иностранцами. Про двѣ круглыя кирпичныя башни, стоящія въ замкѣ вала, возлѣ которыхъ когда-то, въ началѣ вѣка, постоянно дежурилъ часовой, свидѣтельствуя своимъ присутствіемъ о знатности помѣщика, генерала временъ Павла I — знаютъ одинаково и у насъ, и въ Европѣ, и въ Америкѣ. Теперь эти старыя кирпичныя башни полуразрушены, обросли мохомъ, а наслѣдникъ гордаго генерала и князя Волконскаго, въ простой рабочей блузѣ синяго цвѣта и высокихъ сапогахъ, бесѣдуетъ съ своими посѣтителями и поклонниками о жизни по ученію Христа и тайнѣ смерти, „отстранить которую отъ себя не можетъ человѣкъ никакими грозными каменными башнями, никакими вѣчно дежурящими часовыми".

Въ Ясной Полянѣ возвышался когда-то почтенный барскій домъ съ безконечной анфиладой залъ и комнатъ, гдѣ старое барство, окруженное покорною толпой холоповъ, питало свою гордость громадными доходами и безмѣрною властью надъ крѣпостными подданными. Почтенный барскій домъ сгорѣлъ уже давно, и вся усадьба состоитъ теперь изъ двухъ флигелей, — изъ которыхъ въ одномъ живетъ гр. Толстой съ своимъ семействомъ, очень многочисленнымъ, а другой пред-

назначенъ для паломниковъ Ясной Поляны и гостей. Флигель, занятый семействомъ графа Толстого и имъ самимъ, — двухъэтажный, очень простой архитектуры и безъ всякихъ украшеній снаружи. Внизу находятся кабинетъ графа, его библіотека и спальня. Нигдѣ и ни въ чемъ незамѣтно даже слѣдовъ роскоши и того огромнаго милліоннаго состоянія, которымъ обладаетъ хозяинъ. Напротивъ, обстановка помѣщенія поражаетъ своей простотой, и лишь портреты предковъ, развѣшенные въ залѣ верхняго этажа, говорятъ еще, что посѣтитель находится въ гнѣздѣ стариннаго барства.

Кабинетъ самого Л. Н. Толстого напоминаетъ комнату прилежнаго и небогатаго студента. Столъ, нѣсколько стульевъ, диванъ, этажерка — составляютъ всю мебель. Въ углу стоитъ бюстъ давно умершаго старшаго брата Льва Николаевича, Николая Толстого; по стѣнамъ развѣшено нѣсколько картинъ. Между этими послѣдними есть портретъ Шопенгауэра и фотографически снятая въ 1856 году группа русскихъ писателей: Толстого, Григоровича, Гончарова, Тургенева, Дружинина и Островскаго. На этой группѣ Л. Н. Толстой изображенъ въ военномъ мундирѣ съ скрещенными на груди руками; въ выраженіи всей его гордо выпрямившейся фигуры, а особенно въ небрежномъ взглядѣ вдумчивыхъ глазъ есть, какъ намъ показалось, что-то Лермонтовское...

Библіотека графа богата и заключаетъ въ себѣ сочиненія на шести или семи языкахъ, которыми Л. Толстой свободно владѣетъ. Здѣсь можно найти всѣхъ классиковъ русской литературы и массу сочиненій по богословію. Наперекоръ духу конца нашего вѣка, Тертулліанъ и Василій Великій замѣняютъ собой Дарвина и Маркса, а холодныя, огромныя книги Спенсера уступили свое мѣсто толкованіямъ Евангелія. Самъ хозяинъ и кабинета и библіотеки, графъ Толстой, свободно допускаетъ къ себѣ каждаго, кто вздумаетъ притти или пріѣхать къ нему. Онъ никогда не отказывается отъ разговора и поученія, и для всякаго у него есть если не ласковое слово утѣшенія, то, по крайней мѣрѣ, всегда искреннее и правдивое слово. Слишкомъ многочисленные посѣтители, быть можетъ, и утомляютъ его; но графъ не жалуется. Не жалуется онъ и на то, что многіе изъ этихъ посѣтителей вкривь и вкось разсказываютъ о своихъ съ нимъ бесѣдахъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ. И назойливость и ложь исчезаютъ какъ незамѣтная мутная струя въ морѣ обожанія и восторга, окружающемъ графа Толстого. Это обожаніе и восторгъ растутъ изо дня въ день и наперекоръ общему правилу растутъ по мѣрѣ того, какъ мы ближе знакомимся съ жизнью писателя и даже семейной его обстановкой. Въ этой жизни, какъ кажется, нѣтъ уже болѣе тайнъ: самъ графъ Толстой не считаетъ нужнымъ скрывать ничего, что касается его лично. Увлеченія и ошибки своей молодости, свои душевныя муки, едва не доведшія его до самоубійства, онъ подробно и страстно описалъ самъ въ своихъ произведеніяхъ. Его поклонники, какъ Левенфельдъ, родственники, какъ Берсъ, разсказываютъ намъ объ обстановкѣ его жизни, которую видѣли собственными глазами. „У меня ни отъ кого на свѣтѣ

нѣтъ никакихъ тайнъ! пусть всѣ знаютъ, что я дѣлаю, если хотятъ" — часто говорилъ Л. Толстой.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился 28 августа 1828 года. Родоначальникомъ Л. Н. Толстого былъ современникъ и другъ Петра I, пожалованный за свои заслуги и, между прочимъ, за измѣну царевнѣ Софіи — Петръ Андреевичъ Толстой, потомокъ выходца изъ Пруссіи, носившаго прозваніе Dick, что̀ по-русски и значитъ „толстый". Отсюда и фамилія — Толстые. Графъ Петръ Андреевичъ занималъ важный дипломатическій постъ — былъ посломъ въ Константинополѣ, не разъ сиживалъ въ Семибашенномъ замкѣ въ случаѣ разногласія султана и императора, и по смерти завѣщалъ своему роду хорошее состояніе и легкую карьеру при дворѣ...

Отецъ графа Л. Н. Толстого, подполковникъ Павлоградскаго гусарскаго полка, Николай Ильичъ Толстой участвовалъ въ кампаніи 12-го и 13-го годовъ. Видный, плѣнительный мужчина, пользовавшійся большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ, онъ получилъ отъ отца своего, графа Ильи Андреевича, совершенно разореное состояніе. Чтобы не положить тѣни на память отца, онъ, какъ Николай Ростовъ въ „Войнѣ и Мирѣ", удовлетворилъ всѣхъ кредиторовъ и остался совершенно ни при чёмъ. На рукахъ его была старая мать, урожденная княжна Горчакова, привыкшая, разумѣется, къ роскошной и не думающей о завтрашнемъ днѣ жизни, и родственница Т. А. Ергольская, впослѣдствіи воспитавшая Льва Николаевича и жившая съ нимъ до самой своей смерти. На скромное жалованье офицера Николай Ильичъ существовать не могъ, и родственники его для поправленія обстоятельствъ прибѣгли къ обычному средству стараго барства и женили его на немолодой, некрасивой княжнѣ Марьѣ Ивановнѣ Волконской, единственной наслѣдницѣ одного изъ богатѣйшихъ русскихъ вельможъ. Эта семейная исторія послужила впослѣдствіи канвой для другой исторіи, съ такой поэтической прелестью разсказанной въ „Войнѣ и Мирѣ". Разореніе семейства Ростовыхъ, расчетъ съ кредиторами, выходъ Николая Ростова въ отставку, его женитьба на некрасивой княжнѣ Болконской извѣстны всякому русскому читателю. Но дѣйствительность преломилась сквозь призму поэзіи, и, идеализируя преданія своей семьи и стараго барства вообще, графъ Толстой ввелъ цѣлую любовную эпопею между Николаемъ Ростовымъ и Марьей Болконской, почему на страницахъ романа бракъ является устроеннымъ по любви, а не по расчету. Каковъ бы, однако, онъ ни былъ, бракъ оказался вполнѣ пристойнымъ. Родители Льва Николаевича жили преимущественно въ Ясной Полянѣ, и семейная жизнь ихъ протекала счастливо и безмятежно. Графиня Толстая, мать Льва Николаевича, умерла въ 1831 г., когда ея сыну было всего три года съ небольшимъ. 6 лѣтъ спустя сошелъ въ могилу и графъ Николай Ильичъ, и будущій великій писатель 9 лѣтъ отъ роду остался круглымъ сиротой.

Что были за люди родители графа Толстого, мы знаемъ очень мало. Портреты ихъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ (Николай Ростовъ и Марія Болконская), очевидно, идеализированы, чтобы можно было положиться на нихъ, какъ на документъ. Въ романѣ Николай Ростовъ—прекрасный хозяинъ, влюбленный въ свою жену, духовность и нѣжность ея натуры,— человѣкъ недалекій, недолюбливающій разсужденій и неумѣющій разсуждать,— прекрасный офицеръ и завидный служака, успокоившійся на томъ, что для разсужденій поставлены другіе, высшіе его,— и вмѣстѣ съ тѣмъ честная, открытая, непосредственная натура, обаяніе которой въ ея правдивости, хотя и узкой. Такой же характеръ и у Вронскаго. Въ этихъ натурахъ нѣтъ разума, но есть разсудительность; нѣтъ героизма, но есть мужество; нѣтъ справедливости, но есть честь и честность. Они—исполнители, и мѣсто самостоятельнаго мышленія для нихъ замѣняютъ приказанія и указанія. Что именно такимъ не былъ отецъ Льва Николаевича, это можно утверждать навѣрное, и одинаково навѣрное можно утверждать, что во многомъ портретъ и подлинникъ схожи между собою. Графъ Николай Ильичъ во всякомъ случаѣ не былъ творческой натурой, что никакъ нельзя сказать о его женѣ. Про эту послѣднюю разсказываютъ, что „когда она, въ молодости, бывала на балахъ, то собирала вокругъ себя въ уборной молодыхъ дѣвушекъ и занимала ихъ ею же выдуманными сказками. Напрасно ждали кавалеры въ большой залѣ своихъ дамъ: тѣ не могли оторваться отъ сказокъ княжны Волконской“. Въ „Войнѣ и Мирѣ“ княжна Марья, некрасивая и слезливая, очерчена, однако, такими нѣжными штрихами, что вся ея фигура является сотканной изъ тончайшихъ нитей и производитъ впечатлѣніе чего-то неземного, высокаго и истинно-христіанскаго, несмотря на суевѣріе и пристрастіе къ странницамъ и легендамъ. Болѣзненная даже духовность натуры, воображеніе мистически настроенное, жажда самоотреченія и самопожертвованія, чудная привѣтливость и мягкость характера, порывъ къ небу и вѣчное стремленіе уходить со своими мечтами въ міръ, гдѣ нѣтъ болѣзни и печали — всѣмъ этимъ графъ Толстой надѣлилъ тотъ образъ, въ которомъ онъ хотѣлъ изобразить свою мать. И вообще всякая женщина, при созданіи которой графъ Толстой жилъ нѣжными воспоминаніями о своей безвременно умершей матери, является у него человѣкомъ не отъ міра сего, натурой мечтательной и съ экзальтированнымъ воображеніемъ, про какихъ говорятъ: „не умираютъ онѣ, а улетаютъ на небо“.

По смерти матери, воспитаніемъ дѣтей — четырехъ мальчиковъ и одной дѣвочки, совсѣмъ крохотнаго ребенка, — занялась дальняя родственница Толстыхъ, Ергольская. Въ 1837 г. вся семья переѣхала изъ Ясной Поляны въ Москву, такъ какъ старшій братъ Льва Николаевича, Николай, долженъ былъ готовиться въ университетъ; но лѣтомъ того же года скоропостижно умеръ графъ Николай Ильичъ, оставивъ послѣ себя пять человѣкъ дѣтей и очень разстроенное состояніе. Для сокращенія расходовъ часть семьи съ Ергольской вернулась опять

въ Ясную Поляну. Дѣтей, разумѣется, учили, и учителями были и гувернеры-нѣмцы — одинъ изъ которыхъ достигъ безсмертія подъ именемъ Карла Ивановича въ „Отрочествѣ“, — и русскіе семинаристы въ тиковыхъ сюртукахъ, съ удареніемъ на „о“.

По свидѣтельству покойной тетки Льва Николаевича, П. И. Юшковой, „въ дѣтствѣ онъ былъ очень шаловливъ, а отрокомъ отличался *странностью,* а иногда *неожиданностью* поступковъ, живостью характера и прекраснымъ сердцемъ“.

П. И. Юшкова разсказывала Берсу, что „однажды въ пути на почтовыхъ лошадяхъ, когда всѣ уже усѣлись въ экипажи, стали искать Льва Николаевича, который былъ тогда мальчикомъ. Въ это время голова его высунулась въ окнѣ станціи со словами: „ma tante, я сейчасъ выхожу!“ Половина головы его была обстрижена. Фантазія обстричь голову во время короткой остановки, повидимому, не объяснялась никакою надобностью.

Самъ Левъ Николаевичъ разсказывалъ при Берсѣ въ семейномъ кругу, что въ дѣтствѣ, лѣтъ семи или восьми, онъ возымѣлъ страстное желаніе *полетать по воздуху.* Онъ вообразилъ, что это вполнѣ возможно, если сѣсть на корточки и обнять руками свои колѣни; при этомъ, чѣмъ сильнѣе сжимать колѣна, тѣмъ выше можно полетѣть. Мысль эта долго не давала ему покоя, и, наконецъ, онъ рѣшился привести ее въ исполненіе. Онъ заперся въ классную комнату, влѣзъ въ окно, и въ точности исполнилъ все задуманное. Онъ упалъ съ окна на землю съ высоты около двухъ съ половиной саженей, отшибъ себѣ ноги и не могъ встать, чѣмъ не мало напугалъ домашнихъ. Таковы немногіе — (слишкомъ даже!) — подлинные факты изъ дѣтства великаго писателя.

Это время уже послужило Толстому темой для его перваго произведенія „Дѣтства“, напечатаннаго въ „Современникѣ“ 1852 года. Разумѣется, какъ во всемъ, что вышло изъ-подъ пера Толстого, такъ и здѣсь, правда и вымыселъ переплетаются; но можно замѣтить, что въ художественной фантазіи Толстого есть одна характерная черта: всѣ свои усилія она сосредоточиваетъ не на томъ, чтобы отдѣлиться отъ дѣйствительности, а напротивъ, чтобы освѣтить и одухотворить ее. Въ большинствѣ произведеній Толстого героемъ является онъ самъ, его собственное душевное настроеніе, несомнѣнно, имъ пережитое и перечувствованное. На эти произведенія мы смѣло можемъ положиться, какъ на автобіографическіе документы изъ области духовной жизни писателя.

Герой „Дѣтства“, Николенька Иртеньевъ, въ разсказѣ, который ведется отъ его лица, знакомитъ насъ со всѣми своими дѣтскими впечатлѣніями и лицами, его окружавшими. Мать и отецъ, нѣмецъ-гувернеръ Карлъ Ивановичъ Мауэръ, братъ Володя и сестра Любочка, нянька Наталья Саввична, юродивый Гриша — всѣ эти люди описаны съ удивительной художественностью, и ихъ разговоры, развлеченія, поступки переносятъ насъ въ давно минувшую эпоху стараго бар-

ства, его привольнаго, а подчасъ и разнузданнаго житья. Передъ нами семейная жизнь, гдѣ соблюдены всѣ приличія, гдѣ внѣшній лоскъ закрылъ ея зло и неправду, — страдалица мать, мистическая и экзальтированная натура, — принципы порядочнаго комильфотнаго существованія, безпечнаго и неодухотвореннаго ничѣмъ высокимъ. Самъ Николенька, наслѣдовавшій отъ матери свою впечатлительность, свою наклонность къ мечтанію, свою неуравновѣшенную талантливую натуру — полностью обрисованъ въ первыхъ же сценахъ. Онъ просыпается съ „разстроенными нервами“ и чувствуетъ себя до глубины души обиженнымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что его добродушнѣйшій гувернеръ Карлъ Ивановичъ неловко убилъ хлопушкой муху надъ его кроваткой. За чувствомъ обиды какъ-то сразу слѣдуетъ раскаяніе, а затѣмъ слезы. На вопросъ, почему онъ плачетъ, мальчикъ сказалъ, что „плачетъ оттого, что видѣлъ дурной сонъ: будто — maman умерла, и ее несутъ хоронить“. Все это онъ выдумалъ, но когда Карлъ Ивановичъ, тронутый разсказомъ, сталъ утѣшать и успокоивать его, ему показалось, что онъ точно видѣлъ страшный сонъ, и слезы полились уже отъ другой причины“. Но еще нѣсколько минутъ, и мрачное настроеніе смѣнилось безпричинной веселостью и шаловливостью. За какихъ-нибудь полчаса и гнѣвъ, и обиженность, и раскаяніе, и слезы, и веселье.

Мальчикъ въ классной. Отсюда изъ оконъ направо видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большіе до обѣда. „Бывало, покуда поправляетъ Карлъ Ивановичъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину, и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ, — такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь: когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю? Досада перейдетъ въ грусть: Богъ знаетъ отчего и о чемъ такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Ивановичъ сердится за ошибки“.

Уже по этимъ и имъ подобнымъ сценамъ вы видите передъ собой даровитую, неуравновѣшенную натуру, съ удивительно чуткими нервами, себялюбивую и увлекающуюся, не умѣющую ни на іоту владѣть собой и сосредоточиваться на томъ, что нужно и приказано. Неожиданные рѣзкіе переходы отъ одного къ другому, преобладаніе чувствительности, застѣнчивость, съ одной стороны, желаніе всѣмъ нравиться и стать на первомъ планѣ — съ другой, подготовляютъ читателя къ будущему, гдѣ ребенка ждетъ столько ошибокъ, увлеченій, разочарованія, столько мучительныхъ минутъ раскаянія и сокрушенія о грѣхахъ своихъ.

Мучительный разладъ между мечтою и дѣйствительностью, т.-е. тотъ самый, который впослѣдствіи такъ тяжело далъ себя почувствовать Толстому — начался очень рано уже въ дѣтскіе годы: мальчику хочется сидѣть на балконѣ вмѣстѣ съ большими, а вмѣсто этого его заставляютъ въ классной заниматься діалогами и диктантами; онъ хо-

четъ всѣмъ нравиться, быть находчивымъ, выдержаннымъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ свою полную неприспособленность къ этому; его мучитъ даже некрасивое лицо, непокорные вихристые волосы, широкій носъ, маленькіе сѣрые глаза. Спасеніе отъ всѣхъ этихъ бѣдствій онъ ищетъ въ мечтѣ, которой предается до одурѣнія, до полнаго умственнаго наркоза. Онъ еще не знаетъ страданія, но слишкомъ уже хорошо знакомъ съ грустью и даже любитъ грустить, любитъ уходить въ созерцаніе и смакованіе собственнаго своего, подчасъ выдуманнаго, страданія, и вы чувствуете, какъ будущій князь Нехлюдовъ — этотъ ненужный и неумѣлый, хотя и порывисто благородный баричъ, подготовляется къ обстановкѣ, гдѣ родился и росъ Николенька Иртеньевъ.

Въ 1840 году умерла опекунша сиротъ Толстыхъ, графиня Остенъ-Сакенъ, и опека перешла къ ихъ теткѣ П. И. Юшковой, жившей съ мужемъ въ Казани, куда и переѣхала вся семья Толстыхъ. Въ Казань же перешелъ изъ московскаго университета и старшій братъ Николай.

П. И. Юшкова, богатая знатная дама, принимала въ своей гостиной все „лучшее общество“, и въ ея домѣ уже не было и помину о простой ясно-полянской жизни; напротивъ, все отъ обихода до взглядовъ свидѣтельствовало о родовитости, богатствѣ, связяхъ. Здѣсь, какъ мы скоро увидимъ, полностью расцвѣли и распустились комильфотныя стремленія Льва Николаевича. Все этому способствовало, и самая атмосфера юшковскаго дома, казалось, была проникнута заботою о томъ, чтобы все было на лучшій ладъ. Сама Юшкова мечтала для своихъ титулованныхъ племянниковъ о карьерѣ дипломатовъ или флигель-адъютантовъ. Ни въ чемъ другомъ не видѣла она смысла и счастья, какъ въ густыхъ эполетахъ, большихъ доходахъ, полной независимости. Сохранилось и ея изреченіе: rien ne forme un jeune homme comme une liason avec une femme comme-il-faut, т.-е. ничто такъ не полезно для молодого человѣка, какъ связь съ порядочной женщиной. Этой связи она, разумѣется, желала и для Льва Николаевича.

Съ переѣздомъ въ Казань закончилось и дѣтство Толстого. Почти неуловимые и неопредѣлимые штрихи отдѣляютъ эту первую пору жизни человѣческой отъ второй — отрочества, и чтобы охарактеризовать эти штрихи, обратимся опять къ духовной автобіографіи нашего писателя.

„Случалось ли вамъ, читатель, — спрашиваетъ онъ, — въ извѣстную пору жизни вдругъ замѣчать, что вашъ взглядъ на вещи совершенно измѣняется, какъ будто всѣ предметы, которые мы видѣли до тѣхъ поръ, вдругъ повернулись къ вамъ другою, неизвѣстной еще стороной? Такого рода моральная перемѣна произошла во мнѣ въ первый разъ, во время нашего путешествія, съ котораго я и считаю начало моего отрочества.

„Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, т.-е. наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь людей,

ничего общаго не имѣющихъ съ нами, не заботящихся о насъ и даже не имѣющихъ понятія о нашемъ существованіи. Безъ сомнѣнія, я и прежде зналъ все это, но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ.

„Когда я глядѣлъ на деревни и города, которые мы проѣзжали, въ которыхъ въ каждомъ домѣ жило, по крайней мѣрѣ, такое же семейство, какъ наше; на женщинъ, дѣтей, которыя съ минутнымъ любопытствомъ смотрѣли на экипажъ и навсегда исчезали изъ глазъ; на лавочниковъ, мужиковъ, которые не только не кланялись намъ, но не удостоивали насъ даже взглядовъ, — мнѣ въ первый разъ пришелъ въ голову вопросъ: что же ихъ можетъ занимать, если они нисколько не заботятся о насъ? Изъ этого вопроса возникли другіе: какъ и чѣмъ они живутъ, какъ воспитываютъ своихъ дѣтей, учатъ ли ихъ, пускаютъ ли играть, какъ наказываютъ?...

„Между дѣвочками и нами появилась какая-то невидимая преграда: у нихъ и у насъ были уже свои секреты, какъ будто онѣ гордились передъ нами своими юбками, которыя становились длиннѣе, а мы—своими панталонами въ рейтузахъ“.

Кончилось дѣтство — эта счастливая невозвратимая пора. Ребенокъ, все время жившій только собой и для себя, вдругъ неожиданно разсмотрѣлъ передъ глазами обширный Божій міръ, съ милліонами такихъ же людей, какъ и онъ самъ, — людей, погруженныхъ въ собственныя думы, радости, печали. Онъ не сознавалъ, да и не могъ еще сознать своего мѣста въ этомъ обширномъ Божіемъ мірѣ: онъ не сознавалъ, да и не могъ еще сознать тѣхъ отношеній, въ которыя онъ вступитъ и долженъ будетъ вступить съ этими милліонами ему подобныхъ, но онъ въ минуту прозрѣнія почувствовалъ себя частицей чего-то огромнаго, сложнаго, необъятнаго. Рамки дѣтскаго эгоизма раздвинулись, и кончилось дѣтство. А какъ жаль, что кончилось оно!

„Послѣ молитвы, — пишетъ Толстой, — завернешься, бывало, въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ не уловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ—и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастье, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать... Потомъ любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы всѣ были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ...“

Кончилось дѣтство.

„Вернутся ли когда-нибудь,— продолжаетъ Толстой,— та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь

въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели, — невинная веселость и безпредѣльная потребность любви, — были единственными побужденіями въ жизни?...

„Гдѣ тѣ горячія молитвы, гдѣ лучшій даръ — тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію.

„Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?“

Но и однѣ воспоминанія, особенно такія чистыя, свѣтлыя, святыя, которыя сохранилъ Толстой на всю жизнь — ужасно много значатъ. У многихъ ли остались они? да и этихъ немногихъ съ каждымъ днемъ становится все меньше и меньше!

Андреевичъ.

Толстой въ университетѣ.

Въ минувшемъ году, занимаясь нѣкоторыми изысканіями въ богатомъ архивѣ Казанскаго университета, я случайно напалъ здѣсь на слѣдъ документовъ, проливающихъ свѣтъ на казанскій, именно студенческій, періодъ жизни нашего маститаго литератора, педагога и мыслителя, графа *Льва Николаевича Толстаго,* а равно и его старшихъ трехъ братьевъ — Николая, Сергѣя и Дмитрія.

Читатель легко можетъ представить себѣ, насколько долженъ я былъ заинтересоваться своею находкою, которая приподнимала завѣсу съ знаменательной поры жизни одного изъ выдающихся людей земли Русской, той поры, когда слагается въ душѣ человѣка многое такое, чему суждено бываетъ отмѣтить собою въ будущемъ черты его духовной жизни; когда совершается процессъ формаціи его характера, убѣжденій, міровоззрѣнія; той поры, которая кладетъ глубокій слѣдъ на послѣдующую жизнь человѣка, нерѣдко давая ключъ къ уразумѣнію многихъ явленій этой послѣдней, не всегда легко поддающихся объективному, стороннему, анализу.

Студенческіе годы графа Л. Н. Толстого представляютъ собою крупный пробѣлъ въ имѣющихся налицо попыткахъ біографіи почтеннаго ветерана русской литературы и русской мысли и должны будутъ представить немалыя затрудненія для его будущаго біографа, неизбѣжно требуя архивныхъ изысканій на мѣстѣ. Извѣстное сочиненіе графа Л. Н. Толстого: „Дѣтство, отрочество и юность“, справедливо принимаемое за замаскированную семейную хронику автора, рельефно возстановляетъ лишь психологическія черты ранней юности героя, оставаясь, какъ читатель будетъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ, въ большинствѣ случаевъ весьма неточнымъ съ фактической стороны. На сколько мало знакомы студенческіе годы жизни графа даже людямъ, къ нему близкимъ, наглядною иллюстраціею тому служитъ біографическій очеркъ Льва Николаевича, составленный его шуриномъ

С. А. Берсомъ, и напечатанный въ журналѣ „Царь Колоколъ“ за 1892 годъ. Авторъ повѣствуетъ здѣсь, напримѣръ, будто бы графъ Л. Н. Толстой изъ Казанскаго университета „ушелъ съ третьяго курса факультета восточныхъ языковъ, побывавъ предварительно на математическомъ, медицинскомъ и юридическомъ“. Все это оказывается чистѣйшею выдумкою. Читатели увидятъ, что графъ Л. Н. поступилъ (въ 1844 г.) на восточный факультетъ, а затѣмъ, не будучи допущенъ за малоуспѣшность къ переводнымъ испытаніямъ, перешелъ на юридическій факультетъ, со второго курса котораго въ 1846 г. и уволился по прошенію, никогда не подвизаясь ни по математическому ни по медицинскому факультетамъ. Утверждаю это самымъ категорическимъ образомъ, такъ какъ 2 года и 7 мѣсяцевъ пребыванія графа въ Казанскомъ университетѣ тщательно и изъ семестра въ семестръ прослѣжены мною по архивнымъ документамъ.

Дополнивъ матеріалы, почерпнутые мною изъ университетскаго архива, личными воспоминаніями казанскихъ старожиловъ, еще помнящихъ графа Л. Н. Толстого въ его университетскіе годы, а также генеалогическими и другими данными, я задался мыслью набросать очеркъ казанской жизни маститаго писателя, который въ настоящее время и предлагаю вниманію читающей публики, такъ жадно ловящей каждую печатную строчку о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ. Таково происхожденіе настоящей статьи, которая дополняетъ, а отчасти и исправляетъ, свѣдѣнія о студенческихъ годахъ графа Л. Н. Толстого, имѣющіяся въ очеркахъ В. Н. Назарьева: „Жизнь и люди былого времени“, въ свое время печатавшихся въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (за 1890 г., кн. XI и XII), и въ новѣйшей нѣмецкой критико-біографіи Р. Лёвенфельда (R. Löwenfeld: L. N. Tolstoj. Sein Leben, seine Werke, seine Weltanschauung“, ч. I, Берлинъ, 1892 г.).

Я далекъ отъ претензіи выступить біографомъ хотя бы только юношескихъ лѣтъ графа Л. Н. Толстого. Моя статья преслѣдуетъ весьма скромную задачу: восполнить по мѣрѣ силъ и возможности, болѣе нежели скудныя данныя относительно студенческихъ годовъ знаменитаго писателя. Если мои наброски будутъ способны дать хотя нѣсколько пригодныхъ камней для будущаго обширнаго зданія біографіи графа Льва Николаевича Толстого, я буду почитать трудъ и время мои потраченными не напрасно.

Еще два слова: Левъ Николаевичъ явился въ области своего высшаго университетскаго образованія, какъ принято выражаться, „неудачникомъ“, въ противоположность тремъ братьямъ своимъ, благополучно завершившимъ кругъ университетскаго ученія, — всѣ трое по математическому, или, какъ называли въ то время, второму отдѣленію философскаго факультета. Невольно возникаетъ вопросъ: не является ли въ виду этого щекотливымъ обнародовать еще при жизни Льва Николаевича данныя относительно его студенческой жизни? Я не могу согласиться съ такимъ предположеніемъ. Имя нашего маститаго писателя должно стоять выше соображеній такого узко-мелоч-

наго характера, тѣмъ болѣе, что его университетскія неудачи, оставшіяся не безъ воздѣйствія и со стороны условій общественнаго характера, въ которыхъ находился въ ту пору Л. Н., волею-неволею погруженный въ круговоротъ пустой, суетной, провинціальной барской жизни, еще рѣзче оттѣняютъ крупныя черты его мощной и въ интеллектуальномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ натуры. Какъ это ни прискорбно, но приходится сознаться, что далеко не всегда является университетскій дипломъ рѣшительнымъ мѣриломъ духовныхъ силъ человѣка; вспомнимъ хотя бы нашего безсмертнаго критика В. Г. Бѣлинскаго, который былъ уволенъ изъ Московскаго университета за неуспѣшность и тупоуміе. Значитъ академическая ферула и присущая нѣкоторымъ избранникамъ „искра Божія" не всегда идутъ рука объ руку... Нагляднымъ примѣромъ тому служатъ и юношескіе годы Льва Николаевича Толстого...

Получивъ студенческую шпагу, а вмѣстѣ съ нею и право, обусловленное еще болѣе того его родовитостью, матеріальнымъ положеніемъ и мѣстными связями, на званіе „молодого человѣка хорошаго общества", графъ Левъ Николаевичъ Толстой неминуемо долженъ былъ съ головою погрузиться въ пучину веселой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пустой и безсодержательной казанской великосвѣтской жизни сороковыхъ годовъ. Это былъ фатумъ, это былъ почти неодолимый импульсъ той среды, въ которой вращался онъ въ годы своей ранней юности.

Весело, очень весело жили въ Казани въ ту дореформенную пору, конечно, въ высшихъ сферахъ общества, дававшихъ главный колоритъ мѣстной общественности. Широкій размахъ казанской великосвѣтской жизни сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ носилъ характеръ послѣдней агоніи крѣпостного строя старой Россіи и давалъ себя особенно сильно чувствовать по зимамъ. Въ ту пору не только отдаленное Заволжье, но и болѣе центральныя части нашего отечества еще не были связаны съ столицами рельсовыми путями, не существовало еще и правильнаго пароходства, а потому Казань служила дѣйствительно центромъ, къ которому тяготѣло все среднее Поволжье и Прикамье, являясь по отношенію къ нимъ маленькою столицею. Сюда съѣзжались на зиму богатыя помѣщичьи семьи не только изъ уѣздовъ, но и изъ окрестныхъ губерній, съ тѣмъ, чтобы повеселиться здѣсь послѣ лѣтней деревенской жизни, поразвлечься, сдѣлать заказы, обшиться и пріодѣться, отдать въ ученіе подростающихъ ребятъ, а при случаѣ подыскать „приличную партію" и дочкамъ своимъ. Въ ту пору татарская Казань распространяла на далекій востокъ не только свѣтъ науки и знанія, но служила для этого востока и посредницею въ дѣлѣ распространенія модъ и той совокупности условій, которая характеризуется французскимъ понятіемъ savoir vivre, а также и всякаго рода житейскихъ мелочей, которыя, принявъ на себя неизбѣжные штрихи провинціальной окраски, входили въ пресловутое представленіе о „великосвѣтскомъ тонѣ".

Особенности интеллектуальной жизни Казани, обусловленныя главнѣйшимъ образомъ ея университетомъ и весьма рано зародив-

шеюся въ ней литературою, уже въ то время породили въ этомъ центрѣ часть общества, которая жила въ интересахъ мѣстной науки, мысли и слова, охотно посѣщала университетскія публичныя чтенія, ходила на диспуты и засѣданія казанскаго общества любителей отечественной словесности, увлекалась литературными вечерами въ славившемся въ ту пору своею интеллигентностью домѣ профессора К. Ф. Фукса... Но не такова была та общественная среда, въ которую попалъ въ Казани Левъ Николаевичъ Толстой. Это была среда, всецѣло проникнутая сословными предразсудками, пропитанная условными понятіями „комильфотности", но, съ другой стороны, не находившая ничего лучшаго, какъ воскуривать ѳиміамы „ихъ высокопревосходительствамъ Сергѣю Павловичу и Аннѣ Евграфовнѣ" (Шиповымъ — вліятельная губернская чета 40-хъ годовъ) и раздѣлять свое досужное время между картами, танцами, и сплетнями, присоединяя къ этимъ развлеченіямъ и по истинѣ безпримѣрное чревоугодіе. Благодаря этой послѣдней особенности, въ Казани, по словамъ одного изъ иностранныхъ хроникеровъ мѣстной жизни того времени, холостому человѣку „можно было вовсе не имѣть у себя стола, такъ какъ существовало, по крайней мѣрѣ, 20—30 домовъ, куда ежедневно сходятся обѣдать много лицъ безъ всякаго приглашенія: остается лишь избирать тотъ домъ, гдѣ можно надѣяться на большее удовольствіе". „Вскорѣ, послѣ окончанія обѣда, выпивъ кофе и поболтавъ о всякой всячинѣ, — продолжаетъ тотъ же хроникеръ, — всѣ отправляются по домамъ спать, что̀ составляетъ общее обыкновеніе. Вечеромъ снова отправляются куда-нибудь на раутъ или балъ, всегда оканчивающійся лукулловскимъ ужиномъ; такія пиршества затягиваются далеко за полночь, и нерѣдко гостямъ приходится возвращаться домой въ 5—6 часовъ утра. На слѣдующій день встаютъ не ранѣе полудня, съ тѣмъ чтобы начать продѣлывать то же самое"... Для тѣхъ, кто чувствуетъ себя счастливымъ лишь на пирахъ да на празднествахъ, — обобщаетъ тотъ же авторъ, — кто любитъ разъѣзжать по баламъ, дѣлать и принимать визиты, для тѣхъ, наконецъ, кому для счастья нужны шумныя удовольствія, Казань — настоящее Эльдорадо; я смѣло могу сказать, что нѣтъ другого города въ мірѣ, гдѣ чаще устраивались бы собранія для веселья, гдѣ обнаруживалось бы больше соревнованія въ устройствѣ пировъ и удовольствій" [1])...

Домъ тетки молодыхъ графовъ Толстыхъ, Полины Ильиничны Юшковой, на попеченіе которой они были приняты, являлся однимъ изъ видныхъ аристократическихъ домовъ Казани. Очень естественно, что этотъ домъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ тѣ условія пустой безсодержательной провинціальной великосвѣтской жизни, о которой только что шла у насъ рѣчь. Впечатлительная, отъ природы даровитая, склон-

---

[1]) Изъ книги Е. П. Турнелли, бывшаго лектора Казанскаго университета: „Kasan et ses habitants" (Spb., 1841). Подробности объ условіяхъ казанской общественности того времени см. въ рядѣ моихъ статей: „Казанская старина. Очерки г. Казани и казанской жизни въ 40-хъ гг.", въ газетѣ „Волжскій Вѣстникъ" за 1891—1892 гг.

ная къ созерцанію и болѣе или менѣе сознательная въ своемъ стремленіи къ добру, натура юнаго графа должна была инстинктивно чувствовать протестъ противъ той обстановки, въ какую былъ онъ поставленъ въ домѣ своей казанской тетки и среди окружавшаго его общества, въ особенности послѣ тихой дѣтской жизни въ уютной, родной Ясной Полянѣ. Юноша хотѣлъ серіозно учиться, что̀ несомнѣнно подтвреждается и выборомъ имъ факультета, а его насильно втискивали въ пошлыя рамки провинціальной великосвѣтской жизни, гдѣ простая „комильфотность", понимаемая въ смыслѣ безусловнаго подчиненія себя нерѣдко безсмысленнѣйшимъ правиламъ и условіямъ пустой свѣтской жизни, ставилась выше всякой науки и учености. Левъ Николаевичъ былъ отъ юныхъ лѣтъ „склоненъ умствовать", заслуживъ себѣ этою чертою со стороны окружающихъ прозваніе „чудака и философа"[1]), а его неустанно втягивали въ мишурный кругъ развлеченій и увеселеній большого свѣта, среди которыхъ уже не было мѣста для тѣхъ усиленныхъ занятій, которыя обусловливались избраннымъ имъ факультетомъ. Отсюда та двойственность жизни Льва Николаевича въ Казани, та путаница понятій, внѣдрившаяся въ его молодую голову, въ которыхъ онъ впослѣдствіи самъ сознавался и которыя дѣлали юнаго графа загадкою въ глазахъ товарищей по университету. Какъ тетушка Полина Ильинична, такъ и окружавшіе ее, систематически портили юношу, ломали его хорошую отъ рожденія натуру, развращали и его умъ, и его душу, и его сердце. И много, должно быть, въ Львѣ Николаевичѣ врожденнаго добра, если онъ, все-таки, сумѣлъ устоять противъ этихъ деморализующихъ вліяній, смогъ уцѣлѣть отъ засасывающаго омута, въ который былъ брошенъ въ самые опасные годы своей юности! Въ этомъ отношеніи, быть можетъ, приходится даже радоваться университетскимъ неудачамъ Льва Николаевича, которыя, какъ центробѣжный водоворотъ, выбросили его изъ этого гибельнаго омута и спасли его для русской мысли и русскаго дѣла...

Некрасивъ былъ въ молодости графъ Левъ Николаевичъ: широкоплечій, мясистый, неуклюжій, съ короткими щетинистыми волосами, онъ мало подходилъ къ роли легкомысленнаго свѣтскаго дэнди, которую ему навязывали. Такимъ помнятъ Л. Н. Толстого казанскіе старожилы; такимъ представляетъ намъ его В. Н. Назарьевъ; такими же внѣшними чертами рисуетъ нашъ романистъ своего Иртеньева („Дѣтство, отрочество и юность"), который утѣшаетъ себя словами своего отца, что хотя онъ и некрасивъ, но у него „умная рожа". Отсюда легко объясняется и постоянная погоня Льва Николаевича за „комильфотностью", которой отъ него требовали, и его напускная холодность и его кажущаяся надменность, черты, страннымъ образомъ соединявшіяся въ немъ съ застѣнчивостью, которую многіе принимали

---

[1]) Сравни: „Дѣтство, отрочество и юность", гр. Л. Н. Толстого, стр. 225, 377, 407 (Сочиненія, изд. 6, ч. I), В. Н. Назарьева — цитированная выше статья, стр. 438.

за стремленіе къ недоступности. Всѣмъ этимъ обусловливался, конечно, и тотъ ореолъ *загадочности*, о которой говорятъ всѣ знавшіе Л. Н. Толстого въ студенческіе годы. „Бирюкъ, котораго всѣ мы звали не иначе, какъ философомъ и Левушкой, неуклюжій и постоянно стѣсняющійся“, вотъ какъ характеризовалъ мнѣ Льва Николаевича одинъ изъ здравствующихъ казанскихъ старожиловъ, сверстникъ его по университету. Братья Льва Николаевича представляли съ нимъ совершенный контрастъ. Сергѣй — былъ яркимъ типомъ бонвивана, студента-франта, дамскаго поклонника и ловеласа, который никогда не прочь кутнуть и охотно беретъ отъ жизни все, что она способна дать ему; впослѣдствіи онъ женился на цыганкѣ изъ хора, а въ архивѣ Казанскаго университета до сихъ поръ сохранилось дѣло о задержаніи выдачи ему выпускного аттестата, вслѣдствіе надѣланныхъ имъ въ Казани долговъ. Дмитрій былъ, напротивъ, ханжа и мистикъ, избѣгавшій всякихъ удовольствій и развлеченій свѣта, ходилъ по всѣмъ церковнымъ службамъ, постился, велъ абсолютно „чистую“ жизнь и заслужилъ отъ своихъ сотоварищей прозваніе „Ноя“, какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Л. Н. Толстой; даже попечитель округа Мусинъ-Пушкинъ вынужденъ былъ уговаривать Дмитрія Николаевича танцовать на вечерахъ тѣмъ аргументомъ, что „и царь Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ“ [1]). Въ противоположность брату, Левъ Николаевичъ, какъ онъ самъ въ томъ сознавался впослѣдствіи, впалъ во время студенческой жизни своей въ полное безвѣріе, будучи далекъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ свѣтской безшабашности Сергѣя Николаевича. Съ такимъ-то рѣзкимъ различіемъ въ характерахъ трехъ братьевъ доводилось считаться Полинѣ Ильиничнѣ Юшковой, принявшей на себя попеченіе о своихъ юныхъ племянникахъ.

Много искусовъ и опасностей грозило Льву Николаевичу въ годы казанской жизни его въ домѣ тетушки Полины Ильиничны, этого „чистѣйшаго существа“, раздѣлявшаго свое время между ханжествомъ и культомъ большого свѣта, культомъ, исполненнымъ самыхъ дикихъ понятій и предразсудковъ.

„Безъ ужаса, омерзѣнія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ“, говоритъ Л. Н. Толстой въ своей „Исповѣди“, вспоминая свое пребываніе въ домѣ казанской тетки.—„*Я всей душой хотѣлъ быть хорошимъ*. Но я былъ молодъ, у меня были страсти, а я былъ одинъ, совершенно одинъ, когда искалъ хорошаго. Всякій разъ, когда я пытался высказать то, что составляло самыя задушевныя мои желанія, то, что я хочу нравственно быть хорошимъ,—я встрѣчалъ презрѣніе и насмѣшки, а какъ только я предавался ѣдкимъ страстямъ, меня хвалили и поощряли. Честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе, любостяжаніе, гордость, гнѣвъ, лесть — все это уважалось. Отдаваясь этимъ страстямъ, я становился похожимъ на большого, и я чувствовалъ, что мною довольны“.

---

[1]) „Исповѣдь“ графа Л. Толстого.

Своеобразны были и тѣ понятія и pia desideria большого свѣта, которыя внушались Льву Николаевичу въ домѣ его тетки. „Добрая тетушка моя, — продолжаетъ онъ, — чистѣйшее существо, съ которою я жилъ, всегда говорила мнѣ, что она ничего не желала бы такъ для меня, какъ того, чтобы я имѣлъ связь съ замужнею женщиною: Rien ne forme un jeune homme, comme une liaison avec une femme comme il faut[1]), — говорила она. Еще другого счастья она желала мнѣ: чтобы я былъ адъютантомъ, и лучше всего у государя, а самаго большого счастья того, чтобы я женился на богатой дѣвушкѣ, и чтобы у меня было какъ можно больше рабовъ“...

Неудивительно, конечно, что, будучи поставленъ въ разсмотрѣнныя нами условія жизни своей, графъ Л. Н. Толстой долженъ былъ тѣсно примкнуть къ кругу казанской аристократіи, хотя онъ и примкнулъ къ ней въ силу фатальной необходимости, примкнулъ „пассивно“, — какъ выражается В. Н. Назарьевъ, — не раздѣляя въ душѣ ея увлеченій; да и самъ Левъ Николаевичъ выставляетъ своего героя Иртеньева, то-есть своего alter-ego, въ качествѣ юноши, котораго свѣтскія удовольствія разочаровываютъ въ первую же зиму его студенческой жизни.

Но существовала еще одна группа отношеній, которая не можетъ быть игнорирована историкомъ студенческихъ годовъ нашего маститаго писателя: это — его отношенія къ современному ему студенчеству. Чтобы понять эти отношенія, необходимымъ является предпринять маленькую экскурсію въ область вопроса о жизни этого послѣдняго въ сороковыхъ годахъ.

До самаго начала 60-хъ годовъ, когда въ жизнь русскаго общества вторглись освободительныя и гуманитарныя вѣянія, лучшимъ отраженіемъ которыхъ явилась великая реформа 19 февраля 1861 года, и подъ воздѣйствіемъ которыхъ сгладилась прежняя сословная рознь и сословные предразсудки, — студенчество, какъ и другія сферы стараго общества, рѣзко распадалось на двѣ категоріи: *аристократовъ и разночинцевъ*. Между обѣими группами студенчества, изъ которыхъ партія „разночинцевъ“ представляла собою, конечно, подавляющее большинство, существовали постоянныя рознь и антагонизмъ, которые особенно рѣзко сказывались въ университетскихъ городахъ съ значительнымъ дворянскимъ элементомъ, какою являлась и Казань 40-хъ годовъ. Этотъ антагонизмъ весьма рельефно очерчивается всѣми воспоминаніями старыхъ казанскихъ студентовъ и въ особенности во второй части извѣстнаго романа П. Д. Боборыкина: „Въ путь-дорогу“, всецѣло относящейся къ Казани.

Бурна была жизнь казанскаго студенчества 40-хъ и 50-хъ годовъ. Хранящіяся въ архивѣ мѣстнаго университета дѣла по инспекціи и канцеляріи попечителя представляютъ собою цѣлые томы про-

---

[1]) То-есть: „Ничто такъ благопріятно не вліяетъ на молодого человѣка, какъ связь съ женщиною изъ порядочнаго круга“. Недурная мораль для юноши 16—17 лѣтъ!

175651

изводствъ по поводу зазорнаго поведенія студентовъ и даютъ длинную хронику скандаловъ и безобразій болѣе или менѣе публичнаго характера, бороться съ которыми были безсильны всѣ строгости университетской инспекціи того времени. О гомерическихъ кутежахъ и попойкахъ мы уже и не говоримъ: они носили положительно хроническій характеръ; „весь избытокъ жизни уходилъ на кутежи“, — не безъ основанія замѣчаетъ В. Н. Назарьевъ, характеризуя условія быта казанскаго студенчества того времени. Бывали, конечно, примѣры и студентовъ-„аристократовъ“, которые не чужды были безобразій довольно-таки колоссальнаго характера, какія учинялъ, напримѣръ, симбирскій уроженецъ, князь Ч—евъ, который развлекался, по словамъ В. Н. Назарьева, тѣмъ, что, „вооружившись духовымъ ружьемъ, съ чердака обстрѣливалъ и держалъ въ постоянномъ осадномъ положеніи всю Поперечно-Красную улицу“, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ безобразій и скандаловъ, которыми ознаменовалъ себя этотъ княжичъ во время пребыванія своего въ университетѣ. Но, говоря вообще, студенты-аристократы чуждались бурнаго разгула казанскихъ „буршей“ стараго времени и образовывали свою особую группу, хотя и впадали въ противоположную крайность — увлеченіе свѣтскою жизнью, наслажденіями болѣе тонкаго и „комильфотнаго“ характера и тѣми вожделѣніями, которыя съ такою убѣжденностью проповѣдывала своимъ воспитанникамъ тетушка Полина Ильинична. Балы, вечера, пикники, спектакли, рысаки, женщины—составляли альфу и омегу этихъ самодовольныхъ барчатъ, которые „поступили въ университетъ, сами не зная для чего“; юридическій факультетъ того времени особенно изобиловалъ юношами этой послѣдней категоріи. Существовала, конечно, и въ то время еще третья группа студентовъ, не принадлежавшая ни къ „скандалистамъ“ ни къ „аристократамъ“. Это была группа юношей, которые шли въ университетскій храмъ науки ради самой науки, которые усердно посѣщали университетскія аудиторіи и терпѣливо корпѣли надъ разными интеграллами, монгольскими грамматиками и гистологіями не увлекаясь ни скандальными похожденіями большинства ни великосвѣтскими тенденціями меньшинства своихъ университетскихъ сотоварищей. Но эта группа представляла собою, — въ этомъ слѣдуетъ сознаться, — совсѣмъ небольшой контингентъ тружениковъ, которые не въ состояніи были дать собою никакого колорита на общемъ фонѣ казанской студенческой жизни сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Все то, что намъ извѣстно теперь относительно условій казанской жизни графа Л. Н. Толстого, уже a priori приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что онъ неминуемо долженъ былъ, благодаря самой силѣ вещей, примкнуть къ „аристократическому“ меньшинству студенчества, хотя, по всей вѣроятности, также *пассивно*, какъ пассивно примкнулъ онъ и къ казанскому великосвѣтскому обществу. И дѣйствительно, въ первый же годъ своей студенческой жизни, Левъ Николаевичъ былъ вовлеченъ въ водоворотъ казанской, пустой и безцѣльной, аристократической жизни. Тутъ стало, само собою разумѣется,

уже не до трудныхъ занятій арабско-турецкою филологіею и словесностью, которымъ собирался было посвятить себя молодой студентъ.

Волею-неволею, но графъ Левъ Николаевичъ былъ всецѣло вовлеченъ въ шумный разгаръ казанской великосвѣтской жизни; его „полировали“, ему усиленно преподавали кодексъ провинціально-аристократической комильфотности, и его успѣхами въ свѣтѣ несравненно болѣе интересовались, нежели его успѣхами въ области какой-то арабщины, которая, сама-по-себѣ, не могла дать ему ни „облагораживающей“ молодого человѣка связи съ порядочною женщиною, ни богатой невѣсты, ни вожделѣнныхъ шпоръ и адъютантскихъ аксельбантовъ, ни увеличенія числа его „рабовъ“. Зимніе сезоны 1843—44 и 1844—45 годовъ были въ Казани особенно оживлены. Всего на 2—3 года до того, 24 августа 1842 года, городъ этотъ постигло страшное бѣдствіе, обратившее на себя вниманіе всей Европы: ужасный пожаръ уничтожилъ лучшія двѣ трети города, истребивъ свыше 1.300 домовъ. Не до веселья было казанскому обществу въ ближайшій сезонъ: „уныло, какъ тѣни, бродили мы посреди развалинъ, съ грустью припоминая минувшую красоту города“, заявляетъ хроникеръ казанской общественности того времени. Но уже къ слѣдующему зимнему сезону все пришло въ прежнюю колею и, какъ бы въ видѣ реакціи послѣ пережитаго бѣдствія, общественная жизнь закипѣла еще болѣе живымъ ключомъ: „Должностныя лица опять принялись за работу, люди ученые снова предались тишинѣ своихъ кабинетовъ, люди *общественные* (sic) снова стали искать разсѣяній и городъ мало-по-малу вновь наполнился, — повѣствуетъ тотъ же хроникеръ. Открылись балы, собранія, маскарады; молодежь заплясала по прежнему; пожилые люди по прежнему усѣлись за карточные столы; страсти людскія, отъ мелкихъ до крупныхъ, мало-по-малу принимали прежній разгаръ“ [1]).

Зимній сезонъ 1844—1845 годовъ, когда Л. Н. Толстой, въ качествѣ „молодого человѣка“, сталъ уже выѣзжать въ свѣтъ, былъ еще болѣе шуменъ. Балы то у губернатора, то у предводителя, то въ женскомъ Родіоновскомъ институтѣ, гдѣ съ особенною любовью культивировала ихъ начальница, Е. Д. Загоскина, частные танцовальные вечера, маскарады въ дворянскомъ собраніи, благородные спектакли, живыя картины, концерты — безпрерывною цѣпью слѣдовали одни за другими. Въ качествѣ родовитаго, титулованнаго, молодого человѣка съ хорошими мѣстными связями, внука бывшаго губернатора и выгоднаго жениха въ ближайшемъ будущемъ, Левъ Николаевичъ былъ вездѣ желаннымъ гостемъ. Казанскіе старожилы помнятъ его на всѣхъ балахъ, вечерахъ и великосвѣтскихъ собраніяхъ, всюду приглашаемымъ, всегда танцующимъ, но далеко не свѣтскимъ дамскимъ угодникомъ, какими были другіе его сверстники, студенты-„аристократы“; въ немъ всегда наблюдали какую-то странную угловатость, застѣнчивость: онъ видимо стѣснялся тою ролью, которую его заставляли играть и къ ко-

---

[1]) „Казанскія Губернскія Вѣдомости“, 1843 г., № 40 (часть неофиціальная).

торой volens-nolens обязывала его пошлая обстановка его казанской жизни.

При такихъ анормальныхъ для 16-лѣтняго мальчика условіяхъ протекъ первый осенній семестръ студенческой жизни Льва Николаевича. Занятія восточною филологіею были, само собою разумѣется, совсѣмъ заброшены. Между тѣмъ приближался январь мѣсяцъ, когда, по существовавшимъ въ то время въ Казанскомъ университетѣ правиламъ, съ окончаніемъ рождественскихъ каникулъ, должны были происходить частныя полугодичныя испытанія (репетиціи) студентовъ. На первомъ курсѣ турецко-арабскаго отдѣленія восточнаго факультета, на которомъ числился графъ Л. Н. Толстой, испытанія должны были имѣть мѣсто съ 12 по 22 января, по четыремъ предметамъ: церковно-библейской исторіи (экзаминаторъ архимандритъ Гавріилъ), исторіи общей литературы (ординарный профессоръ Фойгтъ), арабскаго языка (кандидатъ Жуковъ) и французскаго языка лекторъ де-Планьи). Но до помысловъ ли о предстоящемъ экзаменѣ было Льву Николаевичу, всецѣло погруженному въ праздничный чадъ увеселеній казанскаго большого свѣта?

Конечно — нѣтъ, что̀ и не преминуло сказаться въ результатѣ испытаній, о которыхъ свидѣтельствуютъ нелицепріятныя данныя казанскаго университетскаго архива. А въ экзаменаціонной вѣдомости полугодичныхъ испытаній, произведенныхъ 21—22 января 1845 года по арабско-турецкому отдѣленію разряда восточной словесности, хранящейся въ этомъ архивѣ[1]), и въ которой отмѣчены не только успѣхи, но и прилежаніе экзаменовавшихся, мы читаемъ слѣдующее:

Толстой Левъ:	Успѣхи.	Прилежаніе.
Церковно-библейская исторія	3	2
Исторія общей литературы	не явился.	
Арабскій языкъ	2	2
Французскій языкъ	5	3

Результатъ этихъ полугодичныхъ испытаній былъ весьма угрожающимъ предзнаменованіемъ для переходныхъ экзаменовъ, которые предстояли Льву Николаевичу въ маѣ мѣсяцѣ того же года. Но свѣтская жизнь уже слишкомъ успѣла засосать собою молодого студента для того, чтобы ему доступенъ былъ хотя бы поздній возвратъ къ оріенталистикѣ, избранной имъ спеціальности, которая на частныхъ испытаніяхъ января 1845 года оказалась именно его ахиллесовою пятою. Едва успѣло сгладиться, во всякомъ случаѣ непріятное, конечно, для самолюбиваго студента, Толстого, впечатлѣніе этихъ испытаній, какъ мы видимъ его уже участвующимъ въ двухъ благородныхъ спектакляхъ, устроенныхъ на масленицѣ въ пользу дѣтскихъ пріютовъ „всѣми любимымъ и уважаемымъ, — какъ выражается фельетонистъ мѣстной губернской газеты, — казанскимъ вице-губернаторомъ М. Д. Завилейскимъ, „похитившимъ, такъ сказать, у себя немногіе часы досуга отъ

[1]) Дѣла о частныхъ испытаніяхъ 1844—1845 гг., № 31.

многоразличныхъ обязанностей, на немъ лежащихъ". Въ этихъ спектакляхъ, которые, по словамъ того же фельетониста, прошли „такъ отчетисто (sic), такъ прелестно, что во многихъ мѣстахъ зрители забывали, что предъ ними искусство сценическое, а не сама природа", и сборъ отъ которыхъ достигъ солидной цифры, 5 тысячъ рублей ассигнаціями, въ числѣ другихъ лицъ высшаго казанскаго общества, участвовали какъ Левъ Николаевичъ Толстой, такъ и братъ его Сергѣй Николаевичъ[1]).

Прошелъ скучный великій постъ, прошла торжественная и веселая пасхальная недѣля 1845 года, приблизился роковой май мѣсяцъ, время годичныхъ („публичныхъ", какъ они тогда назывались) переводныхъ экзаменовъ. Послѣ печальныхъ результатовъ январскихъ репетицій, врядъ ли могла оставаться у Льва Николаевича надежда благополучно перейти на второй курсъ избраннаго имъ факультета. Такъ оно и вышло: онъ вовсе не былъ допущенъ къ переводнымъ испытаніямъ. Вотъ краткое, но краснорѣчивое свидѣтельство о томъ экзаменаціонной вѣдомости:

Толстой Левъ:

Церковно-библейская исторія	не	допущенъ.
Общая исторія	„	„
Исторія литературы	„	„
Арабскій языкъ	„	„
Поведеніе	„	4

Въ соотвѣтствующей графѣ этой вѣдомости резолюція: „*Оставить*" (то-есть въ томъ же курсѣ)[2]).

Такой исходъ дѣла не могъ не повліять на впечатлительнаго и самолюбиваго молодого графа. И дѣйствительно, В. Н. Назарьевъ свидѣтельствуетъ, что университетская неудача привела Льва Николаевича въ состояніе раздраженія, вслѣдствіе чего его внѣшность приняла еще болѣе холодный и надменный отпечатокъ.

Что было дѣлать? Оставаться на второй годъ на томъ же восточномъ факультетѣ казалось безцѣльнымъ въ виду тѣхъ жизненныхъ условій, въ которыя поставленъ былъ въ Казани Левъ Николаевичъ. Конечно, для богатаго и аристократическаго юноши открытъ былъ свободный доступъ въ гвардейскую службу, въ перспективѣ же этой послѣдней могъ улыбаться ему и флигель-адъютантскій мундиръ, о которомъ такъ мечтала его тетушка, и его близкіе, понятно, только одобрили бы такой выходъ. Но графъ Левъ Николаевичъ еще не теряетъ, повидимому, надежды итти по стопамъ своихъ братьевъ, изъ которыхъ старшій, Николай, еще весною 1844 года благополучно окончилъ университетскій курсъ и оставилъ Казань, а двое другихъ,

---

[1]) „Казанскія Губернскія Вѣдомости", 1845 года, № 11 (неофиціальная часть, фельетонъ).

[2]) Архивъ Казанскаго университета: экзаменаціонныя вѣдомости по восточному разряду философскаго факультета.

Сергѣй и Дмитрій, хотя и не блистательно, но все-таки перешли на третій курсъ второго отдѣленія философскаго факультета.

Самолюбіе графа Л. Н. Толстого не могло не страдать. Онъ рѣшается сдѣлать новую попытку къ пріобрѣтенію университетскаго образованія, а для этого оставить восточный факультетъ, на которомъ постигли его такія горькія неудачи, и искать убѣжища *на юридическомъ факультетѣ*. Это былъ тотъ самый факультетъ, который гостепріимно ютилъ въ стѣнахъ своихъ душныхъ аудиторій немалочисленный въ ту пору контингентъ студентовъ-„аристократовъ", какъ презрительно называло ихъ остальное студенчество, болѣе думавшихъ о рысакахъ, женщинахъ, балахъ да модныхъ брюкахъ, нежели объ университетскихъ лекціяхъ, которыя, за исключеніемъ двухъ-трехъ серіозныхъ научныхъ силъ, читала имъ кучка убогихъ профессоровъ; это былъ тотъ самый факультетъ, про который попечитель округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ выражался, со свойственною ему рѣзкостью и категоричностью: „что ни юристъ, то дуракъ".

Какъ бы то ни было, но въ началѣ октября 1845 года университетское правленіе уже увѣдомляло юридическій факультетъ о томъ, что, „на основаніи предложенія г. проректора отъ 10 октября 1845 года, за № 416, оно перемѣстило студента перваго курса восточной словесности Льва Толстого въ юридическій факультетъ".

Такимъ-то путемъ изъ оріенталиста графъ Л. Н. Толстой осенью 1845 года преобразовался въ студента-юриста. На пользу ли послужила ему перемѣна факультета, это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго повѣствованія.

Справедливость требуетъ сказать, что юридическій факультетъ Казанскаго университета, избранный графомъ Л. Н. Толстымъ послѣ его неудачъ на факультетѣ восточномъ, представлялъ изъ себя въ первой половинѣ 1840 годовъ нѣчто положительно невообразимое. Онъ олицетворялся въ небольшой кучкѣ профессоровъ, съ преобладающимъ нѣмецкимъ элементомъ, которые служили предметомъ посмѣшища для студентовъ всѣхъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ. На лекціи профессоровъ этого факультета студенты другихъ спеціальностей ходили посмѣяться, позабавиться курьезными выходками представителей казанскаго юридическаго знанія, а студенты юридическаго факультета, для которыхъ всѣ эти ученыя чудачества успѣли, какъ говорится, пріѣсться, посѣщали лекціи своихъ профессоровъ лишь по обязанности, сладко подремывая на нихъ, занимаясь разговорами, ничего общаго съ наукою не имѣющими, или украдкою почитывая постороннія книжки.

И замѣчательные же субъекты имѣлись въ составѣ преподавательскаго персонала юридическаго факультета того времени! Масса курьезныхъ воспоминаній объ нихъ сохранилась и въ мѣстныхъ преданіяхъ, и въ печатныхъ мемуарахъ старыхъ казанскихъ студентовъ (П. Д. Боборыкина, А. С. Гацискаго, В. Н. Назарьева, Э. П. Янишевскаго, и др.). Вотъ, напримѣръ, полуюродивый профессоръ римскаго права Камбекъ, нѣмецъ, почти не знающій русскаго языка, который

изъ года въ годъ начиналъ свой курсъ крикливымъ диктованіемъ: „Рымское право! Р — большое, П — тоже большое, и пунктумъ... Запшытэ это сэбэ на бо́кѣ (то-есть на поляхъ)“; диктованіемъ на ломанномъ русскомъ языкѣ передавалъ этотъ профессоръ и весь свой дальнѣйшій курсъ, въ которомъ встрѣчались, напримѣръ, такого рода перлы: „Рымляне ымэли своего архіеррея, краго (профессоръ читалъ сокращенно *краго*, а не *котораго:* такъ для него были переписаны лекціи) называли вэрховный жэрэбэцъ“ (то-есть жрецъ). Другой профессоръ той же эпохи, криминалистъ Густавъ Фогель, слѣдующимъ образомъ иллюстрировалъ, напримѣръ, самостоятельность вердиктовъ суда присяжныхъ: „Когда-то и гдѣ-то одна молодая дэвушка билла обвиняема въ ужаснэйшемъ прреступленіи, самымъ сквернэйшимъ образомъ учиненнаго... Когда-то и гдѣ-то била найдена какая-то каша чэловэческихъ костей и ммяса. И ссудъ приссэшныхъ опрафталъ ее!“ Недуренъ былъ и профессоръ международнаго права Гельмутъ Винтеръ, совершенно не знавшій почти русскаго языка, а потому читавшій свои лекціи по какой-то ветхой тетрадкѣ по-французски, который скакалъ въ паѳосѣ по аудиторіи, показывая наглядно картину вступленія въ 1813 году союзныхъ государей въ Парижъ, или картинно размахивалъ запачканнымъ табакомъ носовымъ платкомъ, демонстрируя слушателямъ морскіе сигналы, а не то такъ изображалъ ртомъ, немилосердно надувая щеки, салютаціонную канонаду...[1]) Если принять въ соображеніе дарованія и остальныхъ профессоровъ юридическаго факультета того времени, читавшихъ свои лекціи по разнаго рода устарѣвшимъ учебникамъ, то можно представить себѣ ту умственную пищу, какую сулилъ своимъ юнымъ питомцамъ этотъ пресловутый факультетъ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ никакого серіознаго отношенія у студентовъ къ дѣлу быть не могло; что молодыхъ адептовъ своихъ юридическое знаніе заинтересовать также не могло; что все четырехлѣтнее пребываніе въ университетѣ сводилось для студентовъ-юристовъ къ одной формальности, къ тяжелой повинности, которую, во что бы то ни стало, нужно было отбыть для пріобрѣтенія диплома и связанныхъ съ нимъ служебныхъ и иныхъ правъ.

Только съ половины 40-хъ годовъ замѣчается нѣкоторое освѣженіе юридическаго факультета, благодаря нѣсколькимъ молодымъ и талантливымъ силамъ, присланнымъ въ Казанскій университетъ; съ этой поры юридическій факультетъ изъ прежняго совершенно хаотическаго состоянія начинаетъ вступать въ состояніе переходное, которое затянулось для него, впрочемъ, на очень долгое время, чуть ли не до конца 70-хъ годовъ... Впрочемъ, юридическій факультетъ уже съ 1838 года имѣлъ въ своемъ составѣ выдающуюся научную силу, въ лицѣ профессора политической экономіи и статистики Горлова,

---

[1]) *П. Д. Боборыкинъ*, „Въ путь дорогу“, часть 2-я; *А. С. Гацискій*, „Страничка изъ жизни 50-хъ годовъ“ („Казанскій Литературный Сборникъ“ 1878 года), *В. Н. Назарьевъ*, „Люди былого времени“ („Историческій Вѣстникъ“, 1890 года, XI—XIII); *Э. П. Янишевскій*, „Изъ воспоминаній стараго казанскаго студента“, („Волжскій Вѣстникъ“, 1893 г., № 17) и др.

который въ интересующую насъ пору временно отсутствовалъ, будучи съ начала 1844 года командированъ съ ученою цѣлью за границу. Съ осенняго семестра 1843—1844 учебнаго года открылъ курсъ чтеній по римскому праву и „о правахъ состояній“ молодой магистръ А. Г. Станиславскій, впослѣдствіи профессоръ энциклопедіи права, ученикъ извѣстнаго Неволина, преподававшій въ Казанскомъ университетѣ этотъ предметъ, съ перерывомъ въ 15 лѣтъ (1853—1868 гг.), до конца 70-хъ годовъ, сохранивъ и въ преклонные годы полную свѣжесть духовныхъ силъ своихъ. Но особенно освѣжился юридическій факультетъ Казанскаго университета въ 1845 году назначеніемъ въ него двухъ новыхъ профессоровъ Д. И. Мейера, знаменитаго цивилиста, замѣнившаго собою по каѳедрѣ гражданскяго права адъюнкта Ѳ. Г. Юшкова, и Е Г. Осокина, по каѳедрѣ финансоваго права, впослѣдствіи ректора Казанскаго университета († 1880 г.). Оба молодые ученые, воспитанники главнаго педагогическаго института, были назначены въ Казань въ первой половинѣ 1845 года, по возвращеніи изъ заграничныхъ научныхъ командировокъ въ лучшіе университеты Западной Европы. Но само самою разумѣется, что новыя силы, лишь начинавшія свою профессорскую дѣятельность какъ разъ въ то время когда Л. Н. Толстой перешелъ на юридическій факультетъ, мало могли измѣнить общую неприглядную физіономію юридическаго факультета Казанскаго университета, съ его Камбеками, Винтерами и имъ подобными „гогами и магогами“, лишь рѣзче оттѣняя научное убожество этихъ послѣднихъ.

Въ семестры 1845—1847 гг., то-есть во время пребыванія Льва Николаевича на юридическомъ факультетѣ, личный составъ этого послѣдняго представлялся въ слѣдующемъ видѣ: энциклопедію права, исторію римскаго права и русское государственное право читалъ адъюнктъ Станиславскій; римское право и толкованіе институцій, — профессоръ Камбекъ; гражданское право и исторію русскихъ гражданскихъ законовъ профессоръ Мейеръ; уголовное право — профессоръ Фогель; законы государственнаго благоустройства — адъюнктъ Ратовскій; финансовое право — адъюнктъ Осокинъ; международное право — профессоръ Винтеръ; церковное право и богословіе — архимандритъ Гавріилъ; профессоръ политической экономіи и статистики Горловъ находился въ это время въ заграничной командировкѣ. Дополнительные предметы читали (на младшихъ курсахъ): латинскій языкъ — кандидатъ Лукашевскій, русскую и всеобщую исторію — профессоръ Ивановъ, теорію словесности и краснорѣчія — адъюнктъ Сбоевъ, логику и психологію — онъ же, нѣмецкій языкъ — лекторъ де-Планьи.

Таковъ былъ факультетъ, вторично избранный графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Не трудно представить себѣ, могъ ли этотъ факультетъ хотя сколько-нибудь удовлетворить научной любознательности и пытливости молодого человѣка, вступившаго въ его аудиторіи хотя бы и съ самымъ искреннимъ желаніемъ работать. Конечно, нѣтъ. Все сводилось къ формальному посѣщенію лекцій,

къ холодному, пассивному отношенію и къ наукѣ, и къ ея представителямъ. Поступивъ на юридическій факультетъ, Л. Н. Толстой совсѣмъ бросилъ заниматься и еще болѣе погрузился въ развлеченія и увеселенія казанскаго большого свѣта, а недостатка въ нихъ и на этотъ разъ не было. Зимній сезонъ 1845—1846 гг. открылся празднествомъ по случаю двухдневнаго (14—16 октября) пребыванія въ Казани герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, которому устроенъ былъ здѣсь восторженный пріемъ; прощаясь съ вице-губернаторомъ и пожимая ему руку, его высочество сказалъ: „Я вездѣ былъ принятъ хорошо, но восторгъ, съ которымъ я принятъ въ Казани, чувствую, выразить же словами не умѣю; дайте мнѣ руку, благодарю васъ!“ Въ ряду другихъ празднествъ состоялся и балъ, предложенный мѣстнымъ дворянствомъ. Балъ этотъ былъ блестящій: „Не станемъ распространяться о балѣ,— писалъ хроникеръ губернской газеты,— главнымъ его распорядителемъ былъ почтенный, нашъ достоуважаемый предводитель дворянства В. Ѳ. Желтухинъ, а высокоутонченный вкусъ его могъ ли допустить посредственность“. Передъ баломъ составленъ былъ списокъ студентовъ, которые должны были принять въ немъ участіе; нечего и говорить о томъ, что Левъ Николаевичъ оказался здѣсь однимъ изъ первыхъ избранниковъ[1]).

Между тѣмъ, среди развлеченій свѣтской жизни, незамѣтно подкрадывался январь 1846 годъ, роковое время полугодичныхъ испытаній. По юридическому факультету, срокъ ихъ былъ назначенъ съ 14-го по 27-е число. Экзаменоваться первокурсникамъ предстояло все по дополнительнымъ предметамъ, а изъ факультетскихъ наукъ испытаніе должно было быть произведено только изъ энциклопедіи права, которую читалъ адъюнктъ Станиславскій. Въ то время репетиціонныя отмѣтки выставлялись не только за успѣхи, но и за прилежаніе, мѣриломъ котораго служило, главнымъ образомъ, аккуратное посѣщеніе студентами лекцій, то-есть именно то, что составляло, по весьма понятнымъ причинамъ, слабую сторону графа Л. Н. Толстого. Левъ Николаевичъ потерпѣлъ на полугодичныхъ испытаніяхъ января 1846 года полное фіаско, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая экзаменаціонная вѣдомость[2]).

	Успѣхи.	Прилежаніе.
Исторія римскаго права (экзаминаторъ адъюнктъ Станиславскій	4	2
Богословіе (архим. Гавріилъ)	не былъ.	
Теорія словесности (адъюнктъ Сбоевъ)	2	4
Нѣмецкій языкъ (лекторъ Норманъ)	5	2
Общая исторія (проф. Ивановъ)	2	1
Русская исторія (онъ же)	не былъ.	

[1]) „Казанскія Губернскія Вѣдомости“, 1845 г., № 43 (неофиц. часть); В. И. Назарьевъ, „Люди былаго времени“.

[2]) Дѣла юридическаго факультета, архивъ Казанскаго университета: полугодичныя испытанія, за январь 1846 г.

Между тѣмъ, свѣтская жизнь Льва Николаевича шла своимъ чередомъ. Весною 1846 г. мы видимъ его участвующимъ въ вечерѣ съ живыми картинами, устроенномъ 19-го апрѣля, въ актовомъ залѣ университета, — свидѣтелѣ столькихъ экзаменаціонныхъ неудачъ молодого графа, — въ пользу двухъ бѣдныхъ воспитанницъ мѣстнаго Родіоновскаго института. Этотъ вечеръ, въ которомъ принимали участіе всѣ сливки мѣстнаго общества, имѣлъ блестящій успѣхъ: по словамъ газетной хроники, „еще задолго до дня представленія носились разные слухи о постановкѣ картинъ и подстрекали любопытство всѣхъ и каждаго... Стеченіе публики было самое многочисленное, не виданное доселѣ; ни одинъ концертъ, даже волшебный смычекъ Серве, не привлекалъ столько посѣтителей, и обширная университетская зала не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ зрителей". При такой-то торжественной обстановкѣ фигурировалъ Левъ Николаевичъ въ одной изъ поставленныхъ въ этотъ вечеръ 19-ти живыхъ картинъ, носившей названіе: „Предложеніе жениха". Но предоставимъ казанскому хроникеру 40-хъ годовъ самому разсказать содержаніе этой картины: „Оркестръ играетъ: „Ну Карлуша, не робѣй"... Старикъ рыбакъ поймалъ въ свои сѣти молодца и представляетъ его своей дочери. Простакъ-дѣтина (графъ Л. Н. Толстой) почтительно вытянулся, закинувъ руки на спину: онъ рисуется... Отецъ взялъ его за подбородокъ и съ простодушнохитрою улыбкою посматриваетъ на дочку, которая въ смущеніи потупила свои взоры. Эффектъ этой картины былъ необычайный, — добавляетъ описаніе. — Раза три требовали ея повторенія, и долго не умолкалъ громъ рукоплесканій. Лучше всѣхъ былъ въ этой картинѣ А. А. де-Планьи (лекторъ французскаго языка); чрезвычайно наивенъ былъ также и женихъ — графъ Л. Н. Толстой". 25-го апрѣля состоялось второе представленіе живыхъ картинъ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ[1]).

Несмотря на „живыя картины" и другія свѣтскія развлеченія, переходные майскіе экзамены 1846 года сданы были графомъ Л. Н. Толстовымъ удовлетворительно. Онъ получилъ на этихъ экзаменахъ: одну пятерку — изъ логики и психологіи, три четверки — изъ энциклопедіи права, исторіи римскаго права и латинскаго языка, и четыре тройки — изъ всеобщей и русской исторіи, теоріи краснорѣчія и нѣмецкаго языка, три пятерки за поведеніе. Средній выводъ получился — 3 и Левъ Николаевичъ былъ удостоенъ перевода во второй курсъ[2]). Въ виду слабаго результата январскихъ репетицій, этотъ относительный успѣхъ майскихъ испытаній представляется довольно загадочнымъ. Былъ ли этотъ успѣхъ дѣломъ слѣпого случая, или же сами экзаминаторы оказали послабленіе родовитому студенту (хотя отъ А. Г. Станиславскаго, котораго я самъ былъ ученикомъ въ началѣ 70-хъ годовъ, а потомъ и сослуживцемъ, какого бы то ни было лицепріятія ожи-

---

[1]) „Казанскія Губернскія Вѣдомости", 1846 г., № 18 (неоф. часть).

[2]) Архивъ Казанскаго университета: дѣло о переводныхъ испытаніяхъ по юридическому факультету, въ маѣ 1846 г.

дать было нельзя), — на это дать отвѣта я не берусь, но успѣхъ этотъ зависѣлъ, надо полагать, не отъ самого Льва Николаевича, который выражалъ въ то время крайне скептическое отношеніе къ университетской наукѣ вообще. Это весьма рельефно высказывается въ интересномъ эпизодѣ, о которомъ повѣствуетъ В. Н. Назарьевъ въ своихъ „Людяхъ былого времени". Какъ-то разъ, графъ Л. Н. Толстой и В. Н. Назарьевъ вмѣстѣ попали въ карцеръ за опозданіе на лекцію профессора Иванова, будучи уличены въ этомъ „преступленіи" зоркимъ аргусомъ — субъ-инспекторомъ А. Х. Зоммеромъ, котораго многіе казанцы живо помнятъ еще, конечно. Войдя въ карцеръ, въ которомъ уже находился Назарьевъ, Левъ Николаевичъ выказывалъ признаки сильнаго нервнаго возбужденія, велѣлъ своему кучеру проѣхаться нѣсколько разъ мимо оконъ университета, любуясь аллюрами рысака, на которомъ пріѣхалъ отбывать суточный срокъ своего заключенія, и затѣмъ вступилъ съ сотоварищемъ по аресту въ бесѣду, въ которой жестоко громилъ университетскую науку: „Мы съ вами вправѣ ожидать, — горячился графъ Л. Н. Толстой, — что выйдемъ изъ этого храма полезными, знающими людьми... А что вынесемъ мы изъ университета? Подумайте и отвѣчайте по совѣсти. Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись во-свояси, въ деревню? На что будемъ пригодны, кому нужны?!"... [1]). Само самою разумѣется, что, при такомъ скептическомъ отношенію къ университету, — отношеніи, которое, по извѣстнымъ намъ условіямъ того времени, являлось, пожалуй, и не безсознательнымъ, трудно было ожидать, чтобы графъ Л. Н. Толстой благополучно прошелъ весь четырехлѣтній искусъ офиціальной университетской науки. Такъ оно, какъ мы ниже увидимъ, и оказалось на дѣлѣ. Дни студенческой жизни Льва Николаевича были уже сочтены.

Начало 1846—1847 учебнаго года внесло измѣненіе въ условіе внѣшней жизни братьевъ Сергѣя, Дмитрія и Льва Толстыхъ. Оставивъ домъ своей „добрѣйшей тетушки и чистѣйшаго существа" Полины Ильиничны Юшковой [2]), они стали жить на частной квартирѣ, въ домѣ бывшемъ тогда Петонди, а нынѣ принадлежащемъ Ложкинской городской общественной богадѣльнѣ (на Провской улицѣ, на углу противъ зданій первой гимназіи и теперешней губернской земской больницы). Когда именно, и почему, совершилась эта перемѣна, свѣдѣній объ этомъ найти мнѣ не удалось, хотя въ Казани и до сихъ поръ остались еще старожилы, посѣщавшіе молодыхъ графовъ Толстыхъ въ этой новой квартирѣ ихъ. Здѣсь они занимали пять комнатъ въ верхнемъ этажѣ каменнаго флигеля, до сихъ поръ находящагося во дворѣ этого дома и въ настоящее время занимаемаго однимъ изъ отдѣленій богадѣльни.

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ" за 1890 г., кн. XI, стран. 438—441.

[2]) П. И. Юшкова жила въ описываемое время въ домѣ мужа своего, на нынѣшней Ново-Коммиссаріатской улицѣ. Въ настоящее время — это домъ г. Воронина, рядомъ съ новымъ зданіемъ женскаго епархіальнаго духовнаго училища. (Сообщено П. Г. Осокинымъ и К. А. Юшковымъ.)

Несмотря на успѣшный переходъ во второй курсъ, графъ Л. Н. Толстой былъ уже совершенно разочарованъ въ университетѣ. Наука теперь брошена имъ окончательно. Въ молодомъ 19-лѣтнемъ студентѣ все болѣе и болѣе укореняется убѣжденіе въ томъ, что изъ университетскихъ стѣнъ „полезнымъ и знающимъ человѣкомъ“ ему не выйти, что изъ Казани ничего не принесетъ онъ „восвояси“, развѣ только умъ и душу, уставшіе и измельчавшіе отъ чада провинціальной свѣтской жизни, отъ подневольнаго, хотя бы и пассивнаго, участія въ ея мелкихъ и суетныхъ интересахъ, отъ рысканія по великосвѣтскимъ салонамъ — до изображенія въ живыхъ картинахъ „дурачка Карлуши“ включительно... Это сознаніе должно было тяжелымъ кошмаромъ угнетать душу Льва Николаевича, искренно желавшаго „быть хорошимъ“ и, какъ онъ самъ сознается въ своей „Исповѣди“, всюду встрѣчавшаго въ этомъ отношеніи одни только препятствія — и со стороны людей и со стороны условій самой внѣшней жизни своей. Скука и сознаніе пустоты и безцѣльности существованія все болѣе и болѣе овладѣвали душою молодого студента. А эта душа смутно чувствовала потребность *живого* дѣла, — дѣла, во всякомъ случаѣ, болѣе живого, чѣмъ постоянное снованіе въ такъ называемомъ „свѣтѣ“ и утомительное выслушиваніе полурусскихъ лекцій разнаго рода Камбековъ да Фогелей ...Юношу тянуло на просторъ безыскусственной сельской жизни, тянуло на родныя поля милой сердцу его Ясной Поляны, гдѣ мирно и безмятежно протекли его дѣтство и отрочество и которая теперь, послѣ раздѣла отцовскаго наслѣдства, досталась на его долю. А тутъ предстояла Льву Николаевичу и разлука съ братьями, которые въ этомъ году оканчивали университетскій курсъ... Въ перспективѣ, даже въ случаѣ успѣшнаго перехода изъ курса въ курсъ, стояли долгіе два года совершеннаго одиночества; съ отъѣздомъ братьевъ Левъ Николаевичъ терялъ все то, что еще связывало его съ прежними, до-казанскими, условіями жизни, съ отрадными воспоминаніями быстро пролетѣвшаго дѣтства...

Таковымъ представляется мнѣ болѣе нежели вѣроятное душевное состояніе графа Л. Н. Толстого въ послѣднюю зиму пребыванія его въ Казани. Одинъ изъ біографовъ нашего маститаго мыслителя утверждаетъ, будто въ Казанскомъ университетѣ нашелся одинъ профессоръ, который соотвѣтствовалъ склонностямъ Льва Николаевича и сумѣлъ заставить его заниматься, такъ что молодой студентъ бросилъ всѣ остальныя работы и увлекся предметомъ этого профессора. Этимъ профессоромъ будто бы явился Д. И. Мейеръ. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что профессоръ Д. И. Мейеръ своимъ живымъ и горячимъ словомъ всегда могъ увлечь юный и пытливый умъ слушателя, но откуда могъ этотъ біографъ почерпнуть свѣдѣніе о такомъ горячемъ увлеченіи Льва Николаевича Мейеромъ, это остается для меня загадкою, въ особенности въ виду плохого результата полугодичнаго испытанія графа Л. Н. Толстого *именно* у профессора Мейера, во время репетицій 1846 — 1847 учебнаго года.

Протекли шумные рождественскіе праздники, насталъ новый 1847 годъ; снова былъ на дворѣ и фатальный для студенчества январь мѣсяцъ, терминъ полугодичныхъ повѣрочныхъ экзаменовъ. На эти экзамены, которымъ суждено было быть послѣдними въ жизни графа Л. Н. Толстого, онъ явился, какъ на выполненіе пустой формальности, прекрасно сознавая, конечно, что дни студенчества его уже сочтены. Какъ и можно было ожидать, результатъ испытаній былъ довольно плачевный. По нѣкоторымъ предметамъ Левъ Николаевичъ не получилъ даже отмѣтокъ, думать надо, что по этимъ предметамъ онъ и не выходилъ экзаменоваться. Вотъ эта послѣдняя экзаменаціонная вѣдомость графа Л. Н. Толстого:

	Успѣхи.	Прилежаніе.
Русское государственное право (экзаминаторъ ад. Станиславскій)	4	2
Энциклопедія права (онъ же)	4	2
Исторія русскаго гражданскаго права (профессоръ Мейеръ)	2	2
Теорія уголовнаго права (проф. Фогель)	2	2
Римское право (проф. Камбекъ)	нѣтъ отмѣтки.	
Толкованіе институцій (онъ же)	нѣтъ отмѣтки.	
Нѣмецкій языкъ (лекторъ Нормамъ)	отмѣчено: „Не ходилъ на лекціи“.	
Русская исторія (проф. Ивановъ)	отмѣчено: „Весьма лѣнивъ“.	
Всеобщая исторія (онъ же)	отмѣчено: „Весьма лѣнивъ“ [1]).	

Этотъ печальный результатъ полугодичныхъ испытаній говорилъ самъ за себя: было ясно, что къ майскимъ переводнымъ экзаменамъ графъ Левъ Николаевичъ не могъ быть допущенъ, какъ это случилось съ нимъ и на первомъ курсѣ восточнаго факультета при условіяхъ, совершенно аналогичныхъ. Понятно, что эта невеселая перспектива должна была еще болѣе укрѣпить нашего юнаго героя въ намѣреніи бросить университетъ, Казань, „добрѣйшую“ тетушку Полину Ильиничну, опостылѣвшіе ему великосвѣтскіе салоны и летѣть восвояси, въ родную Ясную Поляну, куда манили его и воспоминанія былого, и надежда на живое, полезное, производительное дѣло... Въ душѣ Льва Николаевича съ еще большею силою пробуждается завѣтное желаніе сдѣлаться „хорошимъ“, уже не встрѣчая на пути къ этому ни внѣшнихъ тормазовъ, ни насмѣшекъ, ни тупого людского презрѣнія“... [2]).

Пришла весна, лучшая и самая поэтическая пора казанскаго года. Потянуло съ юга благодатнымъ и животворящимъ тепломъ; Волга сбросила свой зимній ледяной покровъ и стала широко разли-

---

[1]) Архивъ университета, дѣло № 1 юридическаго факультета на 1847 годъ.
[2]) Ср. „Исповѣдь“ графа Л. Н. Толстого.

ваться по прибрежнымъ лугамъ и гривкамъ; снова весело замелькали по шири весенняго водополья бѣлые паруса быстро бѣгущихъ бѣлянъ, расшивъ и лодокъ, а массы народа стали по обыкновенію съ утра до вечера переполнять кремлевскій бульваръ, любуясь роскошною картиною Волжскаго разлива и жадно вдыхая, послѣ долгой, монотонной зимы, живительныя струи теплаго весенняго воздуха. Была весна и въ душѣ Льва Николаевича: онъ твердо рѣшилъ уже сбросить съ себя мертвящіе оковы шестилѣтней казанской жизни и, возродившись къ новой жизни, твердо и сознательно итти по пути къ завѣтной мечтѣ своей — сдѣлаться „нравственно-хорошимъ“ и „полезнымъ“ для общества человѣкомъ.

Въ тотъ годъ Пасха была очень ранняя—23-го марта. Эта пасхальная недѣля и обусловленныя ею обычныя требованія этикета были послѣднею связью Льва Николаевича съ казанскимъ большимъ свѣтомъ, который онъ собирался навсегда покинуть. Сожалѣлъ ли онъ объ этомъ? Въ этомъ позволительно весьма сильно усомниться.

Не успѣли еще улечься впечатлѣнія шумныхъ пасхальныхъ празднествъ, какъ на имя ректора Казанскаго университета поступило прошеніе слѣдующаго содержанія:

„Его превосходительству г. ректору Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Ивану Михаиловичу Симонову „своекоштнаго студента 2-го курса юридическаго факультета графа Льва Николаевича Толстаго

„прошеніе“.

„По разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ, не желая болѣе продолжать курса наукъ въ университетѣ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать зависящее отъ васъ распоряженіе о исключеніи меня изъ числа студентовъ и о выдачѣ мнѣ всѣхъ моихъ документовъ. Къ сему прошенію руку приложилъ студентъ графъ Левъ Толстой. Апрѣля 12 дня 1847 года“.

На этомъ прошеніи находятся помѣты: „Пол. 12 апрѣля 1847“. „Въ правленіе“.

Вслѣдъ за этимъ состоялось опредѣленіе правленія: „Толстаго изъ списковъ студентовъ исключить и составить о бытности въ университетѣ свидѣтельство“.

Въ дѣлахъ университетскаго архива сохранился и дубликатъ самаго свидѣтельства, выданнаго графу Л. Н. Толстому. Это свидѣтельство любопытно въ томъ отношеніи, что въ немъ тонко обойдены университетскія неудачи Льва Николаевича и совершенно замолчены причины, вслѣдствіе которыхъ онъ былъ оставленъ на первомъ курсѣ восточнаго отдѣленія. Вотъ что гласитъ это свидѣтельство:

„Объявитель сего, графъ Левъ Николаевъ сынъ Толстой, получивъ первоначально домашнее образованіе и выдержавъ въ предметахъ полнаго гимназическаго курса подлежащій экзаменъ, принятъ былъ

въ студенты Казанскаго университета по разряду арабско-турецкой словесности, въ первый курсъ, но съ какими успѣхами въ ономъ курсѣ обучался — неизвѣстно, потому что на годичныя испытанія не явился [1]), почему и оставленъ былъ въ томъ же курсѣ, и на основаніи разрѣшенія г. управляющаго казанскимъ учебнымъ округомъ отъ 13 сентября 1845 года за № 3.919, изъ разряда арабско-турецкой словесности перемѣщенъ въ первый курсъ юридическаго факультета, въ коемъ обучался съ успѣхами: по логикѣ и психологіи — *отличными*, энциклопедіи права, исторіи римскаго права и латинскому языку — *хорошими*, всеобщей и русской исторіи, теоріи краснорѣчія и нѣмецкому языку — *достаточными*; переведенъ былъ во второй курсъ, но съ какими успѣхами обучался въ ономъ курсѣ — неизвѣстно, потому что годичныхъ испытаній еще не было. Поведенія онъ, Толстой, во время бытности въ университетѣ былъ *отлично-хорошаго*. Нынѣ же, согласно прошенію, поданному 12-го текущаго апрѣля, по разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ, изъ университета уволенъ, почему онъ, г. Толстой, какъ не окончившій полнаго университетскаго курса наукъ, не можемъ пользоваться правами, присвоенными дѣйствительнымъ студентамъ, а на основаніи 590 ст. III тома Свода Законовъ (изд. 1842 г.), при вступленіи въ гражданскую службу, сравнивается въ преимуществахъ по чинопроизводству съ лицами, получившими образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и принадлежитъ ко второму разряду гражданскихъ чиновниковъ. Въ удостовѣреніе чего и дано ему, графу Льву Толстому, сіе свидѣтельство изъ правленія Императорскаго Казанскаго университета за подлежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ казенной печати, на основаніи высочайше дарованной Казанскому университету грамоты, на простой бумагѣ".

Это свидѣтельство выдано графу Л. Н. Толстому на основаніи журнальнаго постановленія университетскаго правленія отъ 14 апрѣля 1847 года. Очевидно, что дѣлу объ исключеніи Льва Николаевича изъ числа студентовъ былъ данъ ускоренный ходъ, въ виду намѣренія его скорѣе покинуть Казань. Тѣмъ же постановленіемъ опредѣлено выдать графу Л. Н. Толстому его документы, взыскавъ съ него предварительно 10 руб. сер. платы за слушаніе лекцій за первую половину 1847 года. Отсюда становится яснымъ, что намѣреніе оставить университетъ созрѣло въ умѣ Льва Николаевича уже въ самомъ началѣ этого года, такъ какъ онъ, фактически покончивъ еще тогда всѣ отношенія къ университету, не озаботился вслѣдствіе этого и внесеніемъ слѣдуемой съ него платы за лекціи [2]).

Такъ, 14 апрѣля 1847 года, окончились студенческіе годы графа Толстого. Левъ Николаевичъ сдѣлался теперь свободнымъ граждани-

---

[1]) Маленькая натяжка: мы знаемъ, что Л. Н. *не былъ допущенъ* къ переводнымъ испытаніямъ вслѣдствіе малоуспѣшности, обнаруженной въ теченіе года.

[2]) Архивъ Казанскаго университета: дѣло № 109 (по правленію); начато 22 сентября 1844 года, окончено 14 апрѣля 1847 года (о принятіи въ университетъ студента Льва Николаева графа Толстаго, на 10 листахъ).

номъ земли Русской. И пресловутые полурусскіе профессора Камбекъ, Фогель и Винтеръ, и „кровожадный“ профессоръ исторіи Ивановъ, и вкрадчивый субъ-инспекторъ Зоммеръ, и бюсты греческихъ философовъ, украшавшіе собою парадныя сѣни университета, и мрачные коридоры-лабиринты казанскаго храма наукъ — все это отошло для Льва Николаевича въ область преданія и воспоминаній о пережитомъ и перечувствованномъ...

Графъ Л. Н. Толстой спѣшилъ выѣздомъ изъ Казани и не сталъ даже дожидаться окончаніи его братьями, Сергѣемъ и Дмитріемъ, выпускныхъ университетскихъ экзаменовъ. Наступилъ день отъѣзда Льва Николаевича въ Москву, черезъ которую онъ долженъ былъ ѣхать въ свою Ясную Поляну. Въ квартиру графовъ Толстыхъ, во флигелѣ дома Петонди, собралась небольшая кучка студентовъ, желавшихъ проводить Льва Николаевича въ далекій и трудный, по условіямъ сообщеній того времени, путь; одинъ изъ провожавшихъ, разсказывавшій мнѣ объ этомъ, до сихъ поръ здравствуетъ въ Казани. Какъ водится, за отъѣзжающаго выпили, насказавъ ему всякаго рода пожеланій. Московскій трактъ шелъ въ 40-хъ годахъ не черезъ с. Верхній Услонъ, какъ нынѣ, но пролегалъ отъ Казани черезъ Игумнову Слободу, подъ которою переходилъ рѣку Казанку и шелъ лѣвымъ берегомъ Волги до с. Васильева, гдѣ былъ перевозъ черезъ рѣку Волгу, на свіяжскую сторону. Товарищи проводили Льва Николаевича до перевоза черезъ Казанку, которая находилась въ полномъ разливѣ, и здѣсь въ послѣдній разъ отдали ему прощальное цѣлованіе.

Могли ли товарищи, провожавшіе неуклюжаго, коренастаго и некрасиваго молодого графа, оставлявшаго по себѣ въ университетѣ лишь память „весьма лѣниваго“ студента, хотя бы только подозрѣвать, что пройдетъ четверть вѣка — и имя графа Льва Николаевича Толстого, этого студента-неудачника, станетъ извѣстнымъ всему образованному міру?!...

Да, Левъ Николаевичъ оставилъ въ 1847 году Казань студентомъ-неудачникомъ. Онъ не добился офиціальнаго патента на ученость. Онъ не сдѣлался ни кандидатомъ восточной словесности, ни кандидатомъ правъ, ни даже простымъ дѣйствительнымъ студентомъ, какъ его трое старшихъ братьевъ. Но зато Левъ Николаевичъ сумѣлъ сдѣлаться *человѣкомъ* въ истинномъ и лучшемъ значеніи этого слова, а это тоже чего-нибудь да стоитъ, — стоитъ, во всякомъ случаѣ, факультетскаго диплома съ „надлежащимъ подписомъ“ и „приложеніемъ казенной печати“, за которыми такъ нерѣдко укрываются ограниченность и духовное убожество.

Загоскинъ.

Толстой на Кавказѣ.

Чтобы были читателю понятны факты кавказской жизни, входящіе въ біографію Льва Николаевича, а также въ его кавказскіе разсказы, мы считаемъ нужнымъ въ краткихъ словахъ разсказать о томъ, что надо разумѣть подъ словомъ Кавказъ.

Московское царство, усилившись настолько, чтобы быть въ состояніи бороться съ татарскими племенами, стало понемногу оттѣснять ихъ на юго-востокъ, и, покоривъ царства Казанское и Астраханское, пришло въ столкновеніе съ дикими горскими племенами, населявшими сѣверные склоны Кавказскихъ горъ, и для борьбы съ ними къ началу XIX столѣтія образовало цѣлую линію казацкихъ станицъ по лѣвому берегу Терека и по правому берегу Кубани.

Съ другой стороны, Грузинское царство, находившееся по южную сторону Кавказскихъ горъ и до тѣхъ поръ независимое, съ царемъ своимъ Гераклiемъ II, въ началѣ XIX столѣтія, перешло въ подданство Россіи. По политическимъ соображеніямъ покореніе горскихъ племенъ, лежавшихъ между Грузіей и Россіей, стало неизбѣжнымъ, и покореніе это длилось болѣе полустолѣтія.

Отъ линіи береговыхъ казачьихъ станицъ по Тереку и Кубани русскіе стали понемногу подвигаться и далѣе, въ предгорья. Но большею частью ограничивались одними лишь набѣгами: нападали военными отрядами на горскіе аулы, уничтожали пастьбы, угоняли скотъ, забирали, насколько удавалось, плѣнныхъ и съ этою добычею уходили назадъ къ своимъ линіямъ. Горцы, съ своей стороны, также не оставались въ долгу: они провожали отступавшіе послѣ такихъ набѣговъ отряды и заставляли ихъ нести большія потери отъ мѣткаго огня своихъ винтовокъ; они укрывались за валами, въ лѣсахъ и узкихъ ущельяхъ, а иногда появлялись внезапно и въ самыхъ станицахъ, производили жестокую рѣзню и уводили въ плѣнъ къ себѣ въ горы мужчинъ и женщинъ. Борьба эта иногда временно затихала, и напротивъ, принимала болѣе кровавый характеръ, когда на сторонѣ нашего противника появлялись личности, успѣвавшія объединить подъ своимъ началомъ наиболѣе сильныя и воинственныя племена, возбудивъ ихъ фанатизмъ проповѣдью священной войны противъ невѣрныхъ. Наиболѣе затрудненій принесло русскимъ и наиболѣе потерь заставило ихъ понести самое воинственное изъ кавказскихъ племенъ — чеченское, живущее на лѣсистыхъ равнинахъ праваго берега Терека, по теченію притоковъ его: Сунжи, Аргуни и другихъ, и выше, въ горныхъ ущельяхъ Ичкеріи. Съ нашей стороны предпріимчивость также усиливалась или ослабѣвала въ зависимости отъ таланта и энергіи личности, получавшей главное начальство надъ военными дѣйствіями.

Дѣло приняло рѣшительный оборотъ съ назначеніемъ въ 1856 году кавказскимъ намѣстникомъ князя Барятинскаго. Пользуясь личнымъ вліяніемъ на императора Александра II, онъ собралъ на Кавказѣ, до

тѣхъ поръ небывалой численности, двухсотътысячное войско и значительную долю этихъ силъ направилъ противъ Чечни, Ичкеріи и Дагестана, объединенныхъ въ это время подъ начальствомъ хорошо извѣстнаго Шамиля.

Талантъ, энергія этого вождя, фанатизмъ, отвага признававшихъ его своимъ имамомъ горцевъ — все было сломлено подъ давленіемъ навалившейся на нихъ громадной силы, руководимой ни передъ чѣмъ не останавливавшимся Евдокимовымъ: въ 1857 году пала передъ нимъ резиденція Шамиля въ центрѣ Ичкеріи, аулъ Ведено, а въ 1859 году сдался князю Барятинскому и самъ Шамиль въ своей новой дагестанской твердынѣ — Гунибѣ.

Князь Барятинскій до назначенія своего кавказскимъ намѣстникомъ является въ началѣ 60-хъ годовъ на сѣверномъ Кавказѣ, какъ начальникъ лѣваго фланга кавказской арміи.

Вотъ къ этому-то времени относится и появленіе на Кавказѣ Льва Николаевича Толстого, и къ этому времени и къ этой мѣстности относятся событія, описанныя Львомъ Николаевичемъ въ его кавказскихъ разсказахъ: „Набѣгъ“, „Казаки“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“.

Изъ Астрахани оба брата поѣхали на почтовыхъ черезъ Кизляръ въ станицу Старогладовскую, къ мѣсту служенія Николая Николаевича. Левъ Николаевичъ явился на Кавказъ частнымъ лицомъ и поселился вмѣстѣ съ своимъ братомъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на него Кавказомъ, не было ошеломляющимъ. Онъ такъ описываетъ его въ письмѣ къ своей теткѣ, вскорѣ по пріѣздѣ на Кавказъ:

„Я пріѣхалъ живъ и здоровъ, но немного грустный, къ концу мѣсяца въ Старогладовскую. Я увидалъ вблизи образъ жизни, который ведетъ Николай, и познакомился съ офицерами, которые составляютъ общество. Образъ жизни не очень привлекателенъ, какъ мнѣ показалось сперва, потому что и самый край, который я предполагалъ очень красивымъ, вовсе не таковъ. Такъ какъ станица расположена въ низинѣ, — нѣтъ красиваго вида; квартира плохая, а также и все, что составляетъ удобство жизни. Насчетъ офицеровъ, какъ вы сами можете себѣ представить, — это люди безъ образованія, но люди славные и очень любящіе Николеньку.

„Алексѣевъ, его начальникъ, — это маленькій, бѣлокуренькій рыжеватый человѣчекъ съ усиками и бакенбардами, говорящій пронзительнымъ голосомъ, но добрый христіанинъ, напоминающій немного А. С. Волкова, но не такой ханжа, какъ онъ. Потомъ Д., молодой офицеръ, ребенокъ и bon enfant, напоминающій Петрушу. Потомъ старый капитанъ Билковскій, изъ уральскихъ казаковъ — старый простой солдатъ, но благородный, храбрый и добрый. Признаюсь, сначала многое въ этомъ обществѣ коробило меня, но я привыкъ, хотя и не сдружился съ этими господами. Я нашелъ счастливое средство общенія, въ которомъ нѣтъ ни гордости ни запанибратства. Впрочемъ, въ этомъ мнѣ оставалось только слѣдовать примѣру Николеньки“.

Но въ Старогладовской имъ пришлось пробыть недолго.

Н. Н. Толстой тотчасъ по прибытіи былъ посланъ на очередную службу въ укрѣпленный лагерь Старый Юртъ, устроенный для прикрытія больныхъ въ Горячеводскѣ, на только что открытыхъ тогда горячихъ источникахъ съ очень сильными цѣлебными свойствами. Левъ Николаевичъ послѣдовалъ за нимъ. Мы заимствуемъ описаніе этого мѣста снова изъ письма Льва Николаевича къ его теткѣ, написанномъ имъ по пріѣздѣ туда, въ іюлѣ 1851 года:

„Николенька уѣхалъ черезъ недѣлю послѣ своего пріѣзда, и я послѣдовалъ за нимъ, такъ что мы почти три недѣли здѣсь живемъ въ палаткѣ. Погода хорошая, и такъ какъ я привыкъ немного къ такому образу жизни, то мнѣ очень хорошо. Здѣсь чудные виды. Начну съ того мѣста, гдѣ источники. Это большая гора изъ нагроможденныхъ другъ на друга камней. Одни изъ нихъ оборвались и, упавъ, образовали нѣчто въ родѣ гротовъ, другіе нависли на страшной высотѣ. Всѣ они перерѣзаны потоками горячей воды, которые падаютъ съ шумомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и закрываютъ, особенно по утрамъ, верхнюю часть скалы бѣлымъ паромъ, который поднимается отъ этой кипящей воды. Вода такъ горяча, что въ ней можно сварить яйцо вкрутую въ три минуты. Въ этомъ оврагѣ, на потокахъ, есть три мельницы, одна надъ другой, построенныя совсѣмъ особеннымъ образомъ и очень красиво. Весь день татарскія женщины то и дѣло приходятъ выше и ниже мельницъ, чтобы мыть бѣлье. Нужно вамъ сказать, что онѣ моютъ ногами. Это какъ муравейникъ, вѣчно кишащій. Женщины, большею частью, красивы и хорошо сложены. Одежды восточныхъ женщинъ, несмотря на ихъ бѣдность, изящны. Красивыя группы женщинъ, дикая красота мѣстности — все это представляетъ очаровательную картину. Я часто часами стою и любуюсь пейзажемъ. Затѣмъ видъ съ вершины горы еще лучше и совершенно въ другомъ родѣ. Но я боюсь надоѣсть вамъ своими описаніями.

„Я очень радъ быть на водахъ, я пользуюсь этимъ. Я беру желѣзистыя ванны и болѣе не чувствую боли въ ногахъ. У меня всегда были ревматизмы, но во время нашего путешествія по водѣ, я думаю, я еще простудился. Рѣдко я такъ хорошо себя чувствовалъ, какъ теперь, и несмотря на сильныя жары, я много двигаюсь.

„Офицеры здѣсь такіе же, какъ и тѣ, о которыхъ я вамъ писалъ. Ихъ тутъ много. Я всѣхъ ихъ знаю, и отношенія съ ними тѣ же".

Старый Юртъ былъ большой аулъ въ 1500 душъ населенія, дѣйствительно замѣчательный по своему красивому горному положенію. Выше аула въ горѣ билъ горячій сѣрный ключъ. Температура его была настолько высока, что, по разсказу Льва Николаевича, собака его брата, упавши въ ручей, обварилась и околѣла. Качества этого ключа несравненно выше пятигорскихъ.

Изъ этого аула Левъ Николаевичъ ѣздилъ въ набѣгъ въ качествѣ волонтера. Въ немъ онъ пережилъ чудныя минуты молодого, поэтическаго восторга.

Особенно памятна была ему одна ночь, которую онъ описалъ въ своемъ дневникѣ съ такой неподражаемой духовной красотой:

11 іюня 1851 г. Старый Юртъ.

„Вчера я почти всю ночь не спалъ; пописавши дневникъ, я сталъ молиться Богу. Сладость чувства, которую я испыталъ на молитвѣ, передать невозможно. Я прочелъ молитвы, которыя обыкновенно творю: Отче, Богородицу, Троицу, Милосердія двери, Воззваніе къ Ангелу Хранителю и потомъ остался еще на молитвѣ. Ежели опредѣлять молитву просьбою или благодарностью, то я не молился. Я желалъ чего-то высочайшаго и хорошаго; но чего, — я передать не могу, хотя и ясно сознавалъ, чего я желаю. Мнѣ хотѣлось слиться съ существомъ всеобъемлющимъ, я просилъ Его простить преступленія мои; но нѣтъ, я не просилъ этого, ибо я чувствовалъ, что ежели Оно дало мнѣ эту блаженную минуту, то Оно простило меня. Я просилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что мнѣ нечего просить, и что я не могу и не умѣю просить. Я благодарилъ Его, но не словами, но мыслями. Я въ одномъ чувствѣ соединялъ все, и мольбу и благодарность. Чувство страха совершенно исчезло. Ни одного изъ чувствъ — вѣры, надежды и любви я не могъ бы отдѣлить отъ общаго чувства. Нѣтъ, вотъ оно чувство, которое я испыталъ вчера — это любовь къ Богу, — любовь высокую, соединяющую въ себѣ все хорошее, отрицающую все дурное. Какъ страшно мнѣ было смотрѣть на всю мелочную, порочную сторону жизни! Я не могъ постигнутъ, какъ онѣ могли завлекать меня. Какъ отъ чистаго сердца просилъ я Бога принять меня въ лоно Свое! Я не чувствовалъ плоти, я былъ... но нѣтъ, плотская, мелочная сторона опять взяла свое, и не прошло часу, я почти сознательно слышалъ голосъ порока, тщеславія, пустую сторону жизни; зналъ, откуда этотъ голосъ, зналъ, что онъ погубилъ мое блаженство, боролся и поддался ему. Я заснулъ, мечтая о славѣ, о женщинахъ; но я не виноватъ, я не могъ.

„Вѣчное блаженство здѣсь невозможно. Страданія необходимы. Зачѣмъ? Не знаю. И какъ я смѣю говорить: не знаю! Какъ смѣлъ я думать, что можно знать пути Провидѣнія! Оно источникъ разума, и разумъ хочетъ постигнуть...

„Умъ теряется въ этихъ безднахъ премудрости, а чувство боится оскорбить его. Благодарю Его за минуту блаженства, которая показала мнѣ и ничтожность и величіе мое. Хочу молиться, не умѣю. Хочу постигнуть, но не смѣю — предаюсь въ волю Твою.

„Зачѣмъ писалъ я все это? Какъ плоско, вяло, даже безсмысленно выразились чувства мои; а были такъ высоки!“

Эти порывы религіознаго восторга смѣнялись часто временами точки и апатіи; такъ 2-го іюля, живя въ томъ же Старомъ Юртѣ, онъ записываетъ такія мысли:

„Сейчасъ я думаю, вспоминая о всѣхъ непріятныхъ минутахъ моей жизни, которая въ тоску однѣ лѣзутъ въ голову... — нѣтъ, слиш-

комъ мало наслажденій, слишкомъ способенъ человѣкъ представлять себѣ счастье, и слишкомъ часто, такъ, ни за что, судьба бьетъ насъ, больно, больно задѣваетъ за нѣжныя струны, чтобы любить жизнь, и потомъ, что-то особенно сладкое и великое есть въ равнодушіи къ жизни, и я наслаждаюсь этимъ чувствомъ. Какъ силенъ кажусь я себѣ противъ всего съ твердымъ убѣжденіемъ, что ждать нечего здѣсь, кромѣ смерти; и сейчасъ же я думаю съ наслажденіемъ о томъ, что у меня заказано сѣдло, на которомъ я буду ѣздить въ черкескѣ, и какъ я буду ѣздить въ черкескѣ, и какъ я буду волочиться за казачками и приходить въ отчаяніе, что у меня лѣвый усъ выше праваго, и я два часа расправляю его передъ зеркаломъ".

Такимъ образомъ, Льву Николаевичу приходилось часто мѣнять свое мѣсто жительства. Главная квартира и штабъ батареи, гдѣ служилъ его братъ, были въ Старогладовской, но часто его высылали въ Старый Юртъ на передовую позицію, и Левъ Николаевичъ сопровождалъ его.

Вотъ этимъ-то дикимъ станицамъ и ауламъ и суждено было стать историческимъ мѣстомъ. Здѣсь выношены были художественные образцы первыхъ произведеній Толстого и рождены первые плоды его творчества.

Чудная природа сѣвернаго Кавказа, и горы, и Терекъ, и казацкая удаль, и почти первобытная простота жизни — все это въ своемъ гармоническомъ цѣломъ послужило колыбелью этимъ первымъ плодамъ и указало путь всемірному генію, вышедшему на борьбу за идеалъ, на исканіе истины, смысла человѣческой жизни.

Именно приближеніе къ Старому Юрту Левъ Николаевичъ изобразилъ въ повѣсти „Казаки", такъ ярко рисуя впечатлѣніе, произведенное на него величественной горной кавказской природой:

„Утро было совершенно ясное. Вдругъ онъ увидалъ шагахъ въ двадцати отъ себя, какъ ему показалось въ первую минуту, чисто-бѣлыя громады съ ихъ нѣжными очертаніями и причудливую, отчетливую воздушную линію ихъ вершинъ и далекаго неба. И когда онъ понялъ всю даль между нимъ и горами, и небомъ, всю громадность горъ, и когда почувствовалась ему вся безконечность этой красоты, онъ испугался, что это призракъ, сонъ. Онъ встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были все тѣ же.

Что это? Что это такое? — спросилъ онъ у ямщика.

А горы, — отвѣчалъ равнодушно ногаецъ.

И я тоже давно на нихъ смотрю, — сказалъ Ванюша. — Вотъ хорошо-то! Дома не повѣрятъ.

„На быстромъ движеніи тройкой по ровной дорогѣ, горы, казалось, бѣжали по горизонту, блестя на восходящемъ солнцѣ своими розоватыми вершинами. Сначала горы только удивили Оленина, потомъ обрадовали; но потомъ, больше и больше вглядываясь въ эту, не изъ другихъ черныхъ горъ, но прямо изъ степи вырастающую и убѣгающую цѣпь снѣговыхъ горъ, онъ мало-по-малу началъ вникать въ эту красоту и почувствовалъ горы. Съ этой минуты все, что только

онъ видѣлъ, все, что онъ думалъ, все, что онъ чувствовалъ, получало для него новый, строго величавый характеръ горъ. Всѣ московскія воспоминанія, стыдъ и раскаяніе, всѣ пошлыя мечты о Кавказѣ, всѣ исчезли и не возвращались болѣе. „Теперь началось", — какъ будто сказалъ ему какой-то торжественный голосъ. И дорога, и вдали виднѣвшаяся черта Терека, и станицы, и народъ, — все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянетъ на небо и вспомнитъ горы. Взглянетъ на себя, на Ванюшу, и опять горы. Вотъ ѣдутъ два казака верхомъ, и ружья въ чехлахъ равномѣрно поматываются у нихъ за спинами, и лошади ихъ перемѣшиваются гнѣдыми и сѣрыми ногами; а горы... За Терекомъ виденъ дымъ въ аулѣ; а горы... Солнце всходитъ и блещетъ на виднѣющемся изъ-за камыша Терекѣ; а горы... Изъ станицы ѣдетъ арба, женщины ходятъ, красивыя женщины, молодыя; а горы... Абреки рыскаютъ въ степи, и я ѣду, ихъ не боюсь, у меня ружье и сила и молодость; а горы..." [1]).

Въ августѣ онъ снова въ Старогладовской.

Изъ повѣсти „Казаки", носящей на себѣ автобіографическій характеръ, мы можемъ себѣ составить приблизительное понятіе о томъ, какъ проводилъ Левъ Николаевичъ время въ станицѣ. Попытки сближенія съ народомъ-казаками, охота, созерцаніе красотъ природы и непрерывная, никогда не покидавшая этого человѣка, внутренняя борьба, ярко изображенная имъ въ его произведніяхъ, — вотъ жизнь Льва Николаевича, соотвѣтствующая этому періоду.

„Отчего я счастливъ и зачѣмъ я жилъ прежде?" говорилъ себѣ Оленинъ, сидя въ зелени первобытнаго кавказскаго лѣса.

„Какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастья!"

„И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. „Счастье вотъ что, — сказалъ онъ самъ себѣ: — счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣкѣ вложена потребность счастья; сталобыть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, т.-е. отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви — можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе..."

„Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. „Вѣдь ничего для себя не нужно, — все думалъ онъ, — отчего же не жить для другихъ" [2])?.

---

[1]) Полн. собр. сочиненій Л. Н. Толстого, Т. II, стр. 130. Изд. 10-е. Москва, 1897 г.
[2]) Полное собр. соч. Л. Н. Толстого. Изд. 10-е, т. II, стран. 222.

Голосъ любви и тогда уже звучалъ могучимъ аккордомъ въ душѣ молодого человѣка, едва вошедшаго въ общественную жизнь.

Но внѣшнія событія шли сами собой, увлекая сильную животную природу человѣка по привычной для нея дорогѣ.

Станичная жизнь для молодого, страстнаго человѣка не обходится безъ романической любви. Левъ Николаевичъ влюбляется въ казачку. Исторія этой любви изображена въ его повѣсти „Казаки".

Въ этой повѣсти ярко обрисованы всѣ стадіи этой неудовлетворенной любви, но лучше всего передаетъ о ней самъ авторъ въ своемъ письмѣ къ московскимъ знакомымъ. Въ этомъ письмѣ ярко выступаютъ и любовь автора къ дикой природѣ, и страстное желаніе слиться съ ней, и страданія отъ невозможности этого, потому что авторъ, по своимъ культурнымъ привычкамъ, уже отошелъ отъ нея, и между нимъ и ею образовалась ничѣмъ не заполнимая пропасть. Вотъ самая яркая, существенная часть этого письма:

„Какъ вы мнѣ всѣ гадки и жалки! Вы не знаете, что такое счастье и что такое жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что я каждый день вижу передъ собой вѣчные, неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца, и тогда ясно станетъ, кто себя губитъ, кто живетъ въ правдѣ или во лжи, вы или я. Коли бы вы знали, какъ мнѣ мерзки и жалки вы въ вашемъ обольщеніи! Какъ только представится мнѣ, вмѣсто моей хаты, моего лѣса и моей любви, эти гостиныя, эти женщины съ припомаженными волосами, надъ подсунутыми чужими буклями, эти неестественно шевелящіяся губки, эти спрятанные и изуродованные слабые члены и этотъ лепетъ гостиныхъ, обязанный быть разговоромъ и не имѣющій никакихъ правъ на это, — мнѣ становится невыносимо гадко. Представляются мнѣ эти тупыя лица, эти богатыя невѣсты съ выраженіемъ лица, говорящимъ: „ничего, можно, подходи, хоть я и богатая невѣста"; эти усаживанія и пересаживанія, это наглое сводничанье паръ, и эта вѣчная сплетня, притворство; эти правила — кому руку, кому кивокъ, кому разговоръ, и, наконецъ, эта вѣчная скука въ крови, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію (и все сознательно, съ убѣжденіемъ въ необходимости). Поймите одно и повѣрьте одному. Надо видѣть и понять, что такое правда и красота, и впрахъ разлетится все, что вы говорите и думаете, всѣ ваши желанія счастья и за меня и за себя. Счастье — это быть съ природой, видѣть ее, говоритъ съ ней. „Еще онъ, избави Боже, женится на простой казачкѣ и совсѣмъ пропадетъ для свѣта!" воображаю, говорятъ они обо мнѣ съ истиннымъ состраданіемъ. А я только одного и желаю, совсѣмъ пропасть въ вашемъ смыслѣ, желаю жениться на простой казачкѣ и не смѣю этого потому, что это было бы верхъ счастья, котораго я недостоинъ.

„Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидалъ казачку Марьяну. Понятія и предразсудки того міра, изъ кото-

раго я вышелъ, еще были свѣжи во мнѣ. Я тогда не вѣрилъ, что могу полюбить эту женщину. Я любовался ею, какъ красотою горъ и неба, и не могъ не любоваться ею, потому что она прекрасна, какъ и онѣ. Потомъ я почувствовалъ, что созерцаніе этой красоты сдѣлалось необходимостью въ моей жизни, и я сталъ спрашивать себя: не люблю ли я ее; но ничего похожаго на то, какъ я воображалъ это чувство, я не нашелъ въ себѣ. Это было чувство, не похожее ни на тоску одиночества и желаніе супружества, ни на платоническую, ни еще менѣе на плотскую любовь, которую я испытывалъ. Мнѣ нужно было видѣть, слышать ее, знать, что она близко, и я бывалъ не то что счастливъ, а спокоенъ. Послѣ вечеринки, на которой я былъ вмѣстѣ съ нею и прикоснулся къ ней, я почувствовалъ, что между мной и этой женщиной существуетъ неразрывная, хотя не признанная связь, противъ которой нельзя бороться. Но я еще боролся; я говорилъ себѣ: неужели можно любить женщину, которая никогда не пойметъ задушевныхъ интересовъ моей жизни. Неужели можно любить женщину за одну красоту, любить женщину-статую? — спрашивалъ я себя, а уже любилъ ее, хотя еще не вѣрилъ своему чувству.

„Послѣ вечеринки, на которой я въ первый разъ говорилъ съ ней, наши отношенія измѣнились. Прежде она была для меня чуждымъ, но величавымъ предметомъ внѣшней природы; послѣ вечеринки она стала для меня человѣкомъ. Я сталъ встрѣчать ее, говорить съ нею, ходить иногда на работы къ ея отцу и по цѣлымъ вечерамъ просиживать у нихъ. И въ этихъ близкихъ отношеніяхъ она осталась въ моихъ глазахъ все столь же чистою, неприступною и величавою. Она на все и всегда отвѣчала одинаково спокойно, гордо и весело-равнодушно. Иногда она была ласкова, но, большею частью, каждый взглядъ, каждое слово, каждое движеніе ея выражали это равнодушіе, не презрительное, но подавляющее и чарующее. Каждый день, съ притворною улыбкой на губахъ, я старался поддѣлаться подъ что-то и съ мукой страсти и желаній въ сердцѣ шуточно заговаривалъ съ ней. Она видѣла, что я притворяюсь, но прямо весело и просто смотрѣла на меня. Мнѣ стало невыносимо это положеніе. Я хотѣлъ не лгать передъ ней и хотѣлъ сказать все, что я думаю, что я чувствую. Я былъ особенно раздраженъ; это было въ садахъ. Я сталъ говорить ей о своей любви такими словами, которыя мнѣ стыдно вспомнить. Стыдно вспомнить потому, что я не долженъ былъ смѣть говорить ей этого, потому что она неизмѣримо выше стояла этихъ словъ и того чувства, которое я хотѣлъ ими выразить. Я замолчалъ, и съ этого дня мое положеніе сдѣлалось невыносимо. Я не хотѣлъ унижаться, оставаясь въ прежнихъ шуточныхъ отношеніяхъ, и чувствовалъ, что я не доросъ до прямыхъ и простыхъ отношеній къ ней. Я съ отчаяніемъ спрашивалъ себя: что же мнѣ дѣлать? Въ нелѣпыхъ мечтахъ я воображалъ ее то своею любовницею, то своею женой, и съ отвращеніемъ отталкивалъ и ту и другую мысль. Сдѣлать ее дѣвкой было бы ужасно. Это было бы убійство. Сдѣлать ее барыней, женою Дмитрія Андреевича Оленина, какъ одну изъ здѣш-

нихъ казачекъ, на которой женился нашъ офицеръ, было бы еще хуже. Вотъ ежели бы я могъ сдѣлаться казакомъ, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями, убивать людей и пьянымъ влѣзать къ ней въ окно на ночку, безъ мысли о томъ, кто я? и зачѣмъ я? — тогда бы другое дѣло, тогда бы мы могли понять другъ друга, тогда бы я могъ быть счастливъ" [1]).

Но Лукашкой онъ стать не могъ, а потому и не могъ обрѣсти счастья на этомъ пути.

Августъ и сентябрь онъ пробылъ еще въ Старогладовской, а въ октябрѣ вмѣстѣ съ братомъ, Николаемъ, отправился въ Тифлисъ. Братъ его скоро вернулся, а Левъ Николаевичъ остался въ Тифлисѣ для сдачи экзамена и опредѣленія на службу. *Бирюковъ.*

Три года, проведенные въ Ясной Полянѣ на лонѣ природы, пролетѣли незамѣтно и безъ особенныхъ треволненій. Но въ 1851 г. гр. Толстой сильно проигрался и увидѣлъ, что при прежней своей жизни онъ никакъ не съумѣетъ уплатить долга. Это-то и было одной изъ причинъ, побудившихъ его отправиться на Кавказъ — не на службу, а просто для перемѣны мѣста, впечатлѣній и ради экономіи. Онъ это и сдѣлалъ, давши себѣ предварительно разъ двадцать слово „больше этихъ проклятыхъ картъ никогда не брать въ руки".

На Кавказѣ въ то время служилъ офицеромъ старшій его братъ, Николай Николаевичъ, съ которымъ онъ былъ особенно близокъ и друженъ.

Въ тарантасѣ, въ сопровожденіи прислуги, братья поѣхали изъ Казани на лѣвый, т. е. восточный флангъ, нашей позиціи, вдоль Волги. Ѣзда на лошадяхъ скоро наскучила. Они пріобрѣли громадную лодку, уставили на нее тарантасъ, сѣли и предоставили себя теченію рѣки, занимаясь чтеніемъ и любуясь природой. Путешествіе длилось около трехъ недѣль, пока они пріѣхали въ Астрахань. На нижнемъ теченіи Волги, приставая къ берегамъ, они то и дѣло встрѣчались съ полудикими калмыками, вѣчно сидящими у костра. Въ то время калмыки были еще огнепоклонниками.

Воспоминанія объ этой поѣздкѣ сохранились впрочемъ самыя смутныя. Не то о Кавказѣ. Л. Толстой всегда любилъ вспоминать о своемъ пребываніи тамъ, на югѣ. Богатая природа, чудная охота, которой онъ предавался со страстью почти всю свою жизнь, вплоть до нравственнаго переворота, война съ горцами — все это нравилось ему и все это его вдохновляло. Тамъ впервые проснулось его творчество, тамъ мысль объ опрощеніи впервые явилась ему въ голову.

Кавказская жизнь Л. Н. Толстого очень богата всевозможными эпизодами. Одинъ изъ этихъ эпизодовъ послужилъ темою повѣсти „Кавказскій плѣнникъ", почему мы его и приведемъ въ изложеніи Берса.

---

[1]) Полное собр. соч. Л. Н. Толстого, т. II, стран. 283, Изд. 10-е. Москва 1897 г.

Мирный чеченецъ Содо, съ которымъ Левъ Николаевичъ былъ друженъ, купилъ молодую лошадь и пригласилъ друга проѣхаться съ нимъ изъ крѣпости, гдѣ былъ расположенъ тогда отрядъ русскаго войска. Съ ними поѣхали верхомъ еще два офицера артиллеріи. Несмотря на запрещеніе начальствомъ такихъ поѣздокъ въ виду ихъ опасности, они ничѣмъ не вооружились, кромѣ шашекъ. Испытавъ свою лошадь, Содо предоставилъ ее другу, а самъ пересѣлъ на его иноходца, который, какъ извѣстно, скакать не умѣетъ. Они были уже верстахъ въ пяти отъ крѣпости. Неожиданно передъ ними показалась группа чеченцевъ человѣкъ въ двадцать. Чеченцы начали вынимать ружья изъ чехловъ и раздѣлились на двѣ партіи. Одна партія преслѣдовала двухъ офицеровъ, поскакавшихъ обратно въ крѣпость, и настигла ихъ. Одинъ изъ нихъ былъ изрубленъ, а другой попался въ плѣнъ. Содо, а за нимъ и Левъ Николаевичъ пустились по другому направленію, къ казачьему пикету, расположенному въ одной верстѣ. Гнавшіеся чеченцы уже приближались къ нимъ. Имъ предстояла перспектива лишиться жизни или очутиться въ плѣну, и слѣдовательно сидѣть въ ямѣ, потому что горцы вообще отличаются жестокостью въ обращеніи съ плѣнными. Левъ Николаевичъ, имѣя возможность ускакать на рѣзвой лошади своего друга, не покинулъ его. Содо, подобно всѣмъ горцамъ, никогда не разставался съ ружьемъ, но, какъ на бѣду, оно не было заряжено. Тѣмъ не менѣе онъ нацѣлилъ имъ на преслѣдователей и, угрожая, покрикивалъ на нихъ. Судя по дѣйствіямъ преслѣдовавшихъ, они намѣревались взять въ плѣнъ обоихъ, особенно Содо, для мести, а потому не стрѣляли. Обстоятельство это спасло ихъ. Они успѣли приблизиться къ пикету, гдѣ зоркій часовой издали замѣтилъ погоню и сдѣлалъ тревогу. Выѣхавшіе навстрѣчу казаки принудили чеченцевъ прекратить преслѣдованіе".

„...Содо, продолжаетъ Берсъ, — искренно любилъ своего друга. Однажды онъ воспользовался случаемъ удружить своему кунаку. Какъ-то Левъ Николаевичъ проигрался въ карты и вошелъ въ долгъ. Уплатить въ срокъ не было возможности, а извѣстія изъ деревни не оправдали ожидаемой получки денегъ. Это мучило его. Положеніе среди молодежи богатаго юнкера графа Толстого, не заплатившаго карточный долгъ въ срокъ, имъ назначенный, для самолюбія его было ужасно. Онъ приходилъ въ отчаяніе и прибѣгнулъ къ молитвѣ. Посланный отъ Содо прервалъ молитву и подалъ письмо. Въ письмѣ было разорванное обязательство. Оказалось, что наканунѣ Содо удачно игралъ въ карты и воспользовался выигрышемъ для подарка другу мучившаго его долга".

На службу, какъ я сказалъ выше, гр. Толстой сначала и не думалъ даже поступать. Все его время наполнялось чтеніемъ и главное— охотой подъ руководствомъ стараго казака Епишки, извѣстнаго русскимъ читателямъ подъ именемъ Ерошки, одного изъ характернѣйшихъ лицъ въ „Казакахъ"... Встрѣтившись однако съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, занимавшимъ важное мѣсто въ штабѣ, гр. Толстой

по его совѣту опредѣлился юнкеромъ въ артиллерію и не разъ принималъ участіе въ мелкихъ стычкахъ, описанныхъ имъ впослѣдствіи въ „Набѣгѣ“, „Рубкѣ лѣса“, „Казакахъ“. До службы же онъ жилъ очень скромно на 5 рублей въ мѣсяцъ и скоро выплатилъ мучившій его карточный долгъ.

Какимъ путемъ Толстой открылъ въ себѣ литературный талантъ, неизвѣстно. Очень можетъ быть, что виноватъ въ этомъ былъ его старшій братъ, неравнодушный къ литературѣ, а очень можетъ быть и то, что творческія стремленія искали себѣ выхода и выраженія. Въ Ясной Полянѣ эти стремленія тратились на музыку, которой Толстой предавался со страстью; но заниматься музыкой въ лагерѣ или крѣпости было невозможно. Первымъ (въ 1852 г.) было написано „Дѣтство“, за которымъ немедленно же послѣдовали: „Утро помѣщика“, „Случай“ „Отрочество“, составленъ былъ планъ „Казаковъ“, задумана „Юность“.

„Дѣтство“, законченное 9 іюля 1852 г., было отправлено въ „Современникъ“ Некрасову, который поторопился напечатать эту повѣсть, учуявъ по ней нарожденіе новаго сильнаго таланта.

Обратимся теперь къ тому, что составляетъ сущность біографіи Л. Н. Толстого, — его духовной жизни. Что думалъ онъ и какъ чувствовалъ онъ себя на Кавказѣ?

Разумѣется, у 23-лѣтняго даровитаго писателя не могло быть одного господствующаго настроенія. Настроенія мѣнялись въ зависимости отъ обстановки и окружающихъ лицъ. Были мечты о славѣ литературной, о военной славѣ, было даже желаніе опроститься.

Живя въ казацкой станицѣ (на лѣвомъ берегу Терека, недалеко отъ Кизляра), въ обществѣ казака Епишки, этого хитраго, себѣ на умѣ, но цѣльнаго человѣка, безъ противорѣчій внутри себя, видя себя окруженнымъ такими же, какъ Епишка, цѣльными, живущими безъ аффектацій, безъ надломленности, а просто такъ, какъ трава растетъ, людьми; охотясь за фазанами и кабанами, бродя по лѣсамъ и болотамъ: припоминая отвратительные вечера, проведенные за картами или въ обществѣ продажныхъ цыганокъ, что́ должно было казаться особенно отвратительнымъ въ свѣжемъ воздухѣ и подъ тѣнью громадныхъ каменныхъ титановъ хребта, — Толстой проникался прелестью этой простой, не знающей душевной надломленности жизни. Съ какимъ восторгомъ вспоминаетъ онъ впослѣдствіи о пережитомъ имъ настроеніи въ казацкой станицѣ и говоритъ:

„Мнѣ пишутъ письма соболѣзнованія, боятся, что я погибну, зарывшись въ этой глуши; — говорятъ про меня: онъ загрубѣетъ, отъ всего отстанетъ и, чего дорбаго, женится на казачкѣ. Какъ страшно! Въ самомъ дѣлѣ, не погубить бы мнѣ себя, тогда какъ на мою долю могло выпасть великое счастіе стать мужемъ графини Б., камергеромъ или дворянскимъ предводителемъ. Какъ вы мнѣ всѣ гадки и жалки! Вы не знаете, что такое счастіе и что такое жизнь? *Надо разъ испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ.* Надо видѣть и понимать, что я каждый день вижу передъ собой вѣчные неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ ея первобытной красотѣ. Поймите одно

или вѣрьте одному: надо видѣть и понять, что такое правда и красота, и въ прахъ разлетится все, что вы говорите и думаете, всѣ ваши желанія счастія и за меня, и за себя. *Счастіе — это быть съ природою, видѣть ее, говорить съ нею*".

Надо испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ, чтобы понять счастье". А что такое счастье? *Не больше*, какъ „быть съ природой, видѣть ее, говорить съ нею". Не больше? А куда-же дѣть мечты о славѣ и власти, о восторгѣ и преклоненіи ближнихъ? Вѣдь они вѣчно тутъ, и кипятъ и бурлятъ въ молодой жадной интеллигентной душѣ... Стать Епишкой, не думать о завтра, жить, какъ трава растетъ, умирать, какъ падаетъ съ дерева увядшій листъ, не оставивъ по себѣ ни слѣда ни воспоминанія, или быть подстрѣленнымъ чеченцемъ, не пропѣвши даже своей лебединой пѣсни — увы! — все это не дано интеллигенту...

Вѣдь рядомъ съ мечтами объ опрощеніи у того-же Толстого идутъ другія мечты... о полученіи георгіевскаго креста и украшеніи груди своей этимъ знакомъ отличія. А вѣдь для „простоты" ни креста ни отличій не надо. По разсказу Берса:

„Во время службы на Кавказѣ, Левъ Николаевичъ *страстно* желалъ получить Георгіевскій крестъ и былъ даже къ нему представленъ, но не получилъ его, вслѣдствіе личнаго нерасположенія къ нему одного изъ начальниковъ. Эта неудача *огорчила* его, но вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнила его взглядъ на храбрость. Онъ пересталъ считать храбрыми тѣхъ, кто лѣзли въ сраженіе и домогались знаковъ отличія. Его идеаломъ храбрости сдѣлалось разумное отношеніе къ опасности".

Толстой страстно желаетъ получить Георгіевскій крестъ, какъ нѣсколько лѣтъ спустя опять-таки страстно желаетъ получить флигель-адъютанство, какъ еще немного позже клянется убить себя, если за него не выдадутъ замужъ Софью Андреевну Берсъ, и смыслъ всѣхъ этихъ страстныхъ желаній только тотъ, что не вычеркнешь изъ сердца своего тѣхъ инстиктовъ, потребностей и привычекъ, которыя завѣщаны вѣками. Не вычеркнешь ихъ особенно въ молодости — въ этотъ періодъ напора эгоистическихъ страстей... Да и зачѣмъ ихъ вычеркивать?... Страсть эта — тотъ вѣтеръ, о которомъ моряки говорятъ: „попутный или противный — плыть можно, *лишь бы былъ вѣтеръ*". Страсть — сама жизнь, и такъ какъ, разъ появившись, она уничтожаетъ вопросъ о „смыслѣ жизни", то она пожалуй и есть искомый таинственный смыслъ нашего бытія...

Находясь постоянно въ обществѣ казаковъ и солдатъ, Толстой полюбилъ простой народъ, полюбилъ уже сердцемъ, а не разсудкомъ только, какъ это было подъ вліяніемъ просвѣтительной философіи. Особенное сердечное впечатлѣніе произвели на него солдаты — эти излюбленные герои величайшаго произведенія Толстого „Войны и Мира", эти „*они*", научившіе впослѣдствіи Пьера Безухова правдѣ жизни... Читая кавказскіе разсказы, вы уже предчувствуете Петра Каратаева и его наивный, дѣтскій, но исполненный глубочайшаго смысла фатализмъ...

Мнѣ кажется, что полюбить простой народъ на Кавказѣ было гораздо легче (съ точки зрѣнія традицій стараго барства), чѣмъ въ Ясной Полянѣ. Тамъ между бариномъ и мужикомъ стояла непроходимая стѣна — крѣпостныя отношенія. Мужикъ являлся грязнымъ забитымъ, вонючимъ, вьючнымъ животнымъ; здѣсь онъ то и дѣло оказывался *героемъ*. Когда человѣкъ невольно считаетъ себя выше другого, можетъ ли онъ полюбить его? — Нѣтъ. Казаки не позволяли Толстому считать себя выше ихъ; онъ самъ видѣлъ, что солдаты выше его. Установилось равенство. А любовь возможна только при немъ.

Въ кавказскихъ впечатлѣніяхъ Толстого есть и еще одинъ мотивъ, всю важность котораго я хотѣлъ-бы особенно вразумительно представить читателю. Ясности ради, позволю себѣ привести маленькій отрывокъ изъ поэмы Лермонтова „Валерикъ“:

Уже затихло все; тѣла
Собрали въ кучу. Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ;
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ...
А тамъ, вдали — грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы — и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной...
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: „жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... *Зачѣмъ?*...

Чѣмъ былъ Кавказъ во время Толстого? Отчасти, разумѣется тѣмъже, чѣмъ онъ является и въ настоящее время, — мѣстомъ удивительнымъ по своей красотѣ и разнообразію своей природы, гдѣ переѣздъ въ нѣсколько часовъ переноситъ васъ изъ царства „орловъ и метелей“ въ нѣжныя и зеленыя долины Грузіи или нижняго Терека, — страною, гдѣ лавры, мирты, кипарисы цвѣтутъ на свѣжемъ воздухѣ, гдѣ почти ни на одну минуту не упускаете вы изъ виду снѣговой шапки Казбека или Эльбруса. Для сѣверянина или жителя средней Россіи Кавказъ всегда имѣлъ и будетъ имѣть особенную прелесть чего-то грандіознаго, неожиданнаго, поражающаго. Горячее пламенное солнце, бурныя стремительныя рѣки, раздвигающія скалы съ какимъ-то злымъ ропотомъ, молчаливые заросшіе лѣсомъ утесы, на вершинахъ которыхъ гнѣздятся орлы да люди, голубое прозрачное небо, громадные дубовые лѣса, заросшіе азаліями, въ пахучихъ вѣтвяхъ которыхъ гнѣздятся безчисленные неугомимые соловьи, какой-то странный синій

оттѣнокъ горъ — все это будитъ фантазію, навѣваетъ думы и образы... Теперь, правда, большая дорога пролегаетъ тамъ и здѣсь, въ долинѣ Куры, то и дѣло слышится свистъ локомотива, громыханіе поѣздовъ, наполненныхъ нефтью, острый запахъ угля... Исполнилось то, что говорилъ Лермонтовъ:

И желѣзная лопата въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато, врѣжетъ страшный путь...

— но во время Толстого, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ' дикая поэзія природы была замѣтнѣе, больше на виду... Не рѣзче ли и чувствовалось тогда противорѣчіе между гордымъ миромъ природы и безпокойнымъ ропотомъ человѣка?.. Вѣдь, какъ и все въ мірѣ, Кавказъ пошлѣетъ. Тотъ самый чеченецъ, который нѣкогда горѣлъ страстнымъ желаніемъ зарѣзать васъ или подстрѣлить, мечтаетъ лишь о полученіи двугривеннаго на чай, порою за довольно грязное порученіе. Въ ущельяхъ, гдѣ прежде безраздѣльно царили метели и орлы, тамъ и здѣсь понастроены рестораны, кабаки и хуже того. То же въ тѣни миртъ, лавровъ и акацій. Казбекъ разумѣется, по прежнему „сіяетъ своими вѣчными снѣгами", какъ грань алмаза, но по грузинской дорогѣ, вмѣстѣ съ его бѣлой шапкой, заостренной какъ сахарная голова, виду нашему открывается гостепріимная гостиница, откуда постоянно доносится пьяный гулъ. Тутъ же васъ ожидаютъ назойливые грязные ребятишки, которые бѣгаютъ за вами, какъ собаченки, и пищатъ просьбы о пятакѣ или пятиалтынномъ. Самъ грузинъ не льетъ уже вина на узорные шальвары, потому что вино распродано еще до сбора, а предпочитаетъ во многихъ мѣстахъ пиво и водку. Поэтичныхъ черкешенокъ вы не увидите, или-же встрѣтите ихъ на базарѣ торгующими гнилыми грецкими орѣхами. Самая природа получила тамъ и здѣсь рѣзкій отпечатокъ жадности, нищеты человѣческой. Лѣса повырублены; самъ Терекъ бьется безъ прежняго задора: онъ точно одряхлѣлъ, нѣтъ ужъ болѣе ничего кровожаднаго и страшнаго въ его когда-то кровожадной и страшной пасти — Дарьяльскомъ ущельи.

Но сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ красоты поэтическія и прелесть Кавказа выдавались рѣзче, рельефнѣе и опредѣленнѣе... И какъ странно было видѣть среди этой грандіозной могучей природы маленькихъ людей, мучащихъ себя, убивающихъ себя, интригующихъ, завидующихъ — и даже любящихъ и ненавидящихъ. Странной казалась смерть живого существа отъ крошечной пульки подъ суровыми взглядами холоднаго Казбека, подъ вѣковыми чинарами, шептавшими о чемъ-то вѣчномъ, таинственномъ...

Какъ же не задать себѣ вопроса „зачѣмъ?..". Перечтите кавказскіе разсказы Толстого и вы увидите этотъ вопросъ на каждой страницѣ. Это вопросъ высокой и вмѣстѣ съ тѣмъ наивной (съ нашей точки зрѣнія) души художника...

Соловьевъ.

Личное участіе Толстого въ оборонѣ Севастополя.

Политическія недоразумѣнія вызвали между тѣмъ войну. 15 мая 1853 г. Меньшиковъ, русскій посолъ при турецкомъ дворѣ, прекратилъ съ Турціей всякія дипломатическія отношенія. Уже 31-го числа Россія увѣдомила султана о занятіи ею Придунайскихъ княжествъ; а 2-го іюня русскія войска перешли Прутъ и заняли Молдавію. Омеръ-паша вышелъ навстрѣчу. 28-го октября онъ перешелъ у Виддина черезъ Дунай, и, въ то время какъ европейскія державы переговаривались между собой, какое положеніе имъ занять по отношенію къ императору Николаю, со стороны Турціи была 4 ноября 1853 г. объявлена война Россіи. Событія приняли небывало быстрый ходъ. 30-го ноября русскій адмиралъ Нахимовъ уничтожилъ турецкій флотъ при Синопѣ. Побѣда русскихъ вызвала участіе западныхъ державъ, и союзники Порты — французы и англичане объявили Россіи войну. То была кровавая война, которой исторія, по мѣсту дѣйствія, дала имя Крымской.

Левъ Николаевичъ еще до начала войны просилъ о переводѣ его въ ту часть арміи, которая стояла на Дунаѣ, подъ командой Михаила Дмитріевича Горчакова. Зимой 1853 г. Толстой опять въ Ясной Полянѣ. Возвращенію его радуется не одна тетушка, а всѣ братья его съ общимъ ихъ другомъ, Перфильевымъ, собрались въ Ясной Полянѣ. Послѣ короткаго пребыванія на родинѣ Толстой отправляется въ Бухарестъ, гдѣ проводитъ нѣсколько дней декабря въ Дунайской арміи. Успѣхъ горчаковскихъ войскъ былъ очень незначителенъ. Въ первые мѣсяцы 1853 г. они тщетно старались прогнать турокъ изъ Калафата. 4-го ноября смѣлому Омеру-пашѣ даже удалось укрѣпиться на сѣверномъ берегу рѣки и отбить нападеніе русскихъ при Ольтеницѣ. Въ числѣ офицеровъ побѣжденнаго войска находился и графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Съ конца апрѣля по іюль 1854 г. русскія войска расположены были подъ стѣнами и валами Силистріи; но храбрость Муссы-паши и искусство прусскаго артиллерійскаго офицера Граха отбили всѣ штурмы русскихъ и заставили русскаго главнокомандующаго, — такъ какъ въ это время къ Галлиполи и Варнѣ подоспѣли непріятельскія войска, — отозвать свое слабое войско обратно за Дунай, а потомъ и за Прутъ.

Изъ Силистріи Толстой перешелъ въ Яссы, а изъ Яссъ — въ Крымъ и Севастополь.

Севастополь, какъ это уже извѣстно, былъ одной изъ самыхъ сильныхъ морскихъ крѣпостей на берегу Чернаго моря, и союзникамъ пришлось 11 мѣсяцевъ бороться съ русской выдержкой и храбростью, прежде чѣмъ открыть эти ворота на югъ Россіи. 5-го сентября началась высадка съ непріятельскихъ союзныхъ кораблей. Главнокомандующимъ русскихъ войскъ былъ назначенъ князь Меньшиковъ. Въ то

время какъ союзники старались проникнуть въ глубь страны, искусству инженера Тотлебена удалось посредствомъ возведенія фортовъ и бастіоновъ сдѣлать крѣпость почти неприступной. Продолжавшееся обстрѣливаніе Севастополя съ массой человѣческихъ жертвъ, отрѣзъ подвоза жизненныхъ припасовъ принудили однако русскихъ 27 августа 1855 года къ сдачѣ Севастополя. Храбрости и самопожертвованію русскихъ войскъ, какъ матросовъ, такъ и солдатъ сухопутнаго войска не могли надивиться и сами непріятели. Съ изумительной неутомимостью исполняли они всѣ приказанія инженера Тотлебена. Всѣ работали для укрѣпленія города, все населеніе, воодушевленное патріотизмомъ, помогало войску; женщины и дѣти не отставали отъ него; даже преступники, выпущенные изъ тюремъ, приняли участіе въ общей работѣ. Многія недѣли, и даже мѣсяцы, носилась смерть надъ улицами города: пули, бомбы такъ и свистали въ воздухѣ. Безпрерывный лязгъ оружія отнималъ послѣдній покой у обывателей. Самая ужасная и самая сильная борьба происходила на Малаховомъ курганѣ, — этой по природѣ и искусству самой сильной части Севастополя.

Офицеръ Левъ Николаевичъ Толстой принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ опасностяхъ. Его мѣсто было одно изъ самыхъ опасныхъ — на 4-мъ бастіонѣ: не проходило почти часа, чтобы надъ головами осажденныхъ не витала смерть. И несмотря на постоянное безпокойство, поэтъ находилъ въ себѣ достаточно творческой силы, чтобы написать свой первый изъ военныхъ крымскихъ разсказовъ: „Севастополь въ декабрѣ". Можетъ-быть, именно волненіе этихъ дней такъ повліяло, что изъ маленькаго очерка вышло геніальное произведеніе.

Толстой въ кругу своихъ товарищей былъ любимъ и уважаемъ. Его считали столь же храбрымъ и дѣльнымъ офицеромъ, какъ и любезнымъ товарищемъ, съ которымъ можно весело провести короткое время отдыха.

„Своими разсказами и быстрой импровизаціей стиховъ", такъ передаетъ намъ одинъ изъ его батарейныхъ товарищей, „графъ воодушевлялъ всѣхъ и заставлялъ забывать тяжелыя минуты войны. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, душой всей нашей батареи. Когда онъ находился среди насъ, то мы вовсе не замѣчали, какъ проходило время; въ его же отсутствіе (что̀ случалось часто, потому что онъ охотно дѣлалъ небольшія прогулки въ Симферополь), товарищи обыкновенно вѣшали носы отъ скуки. Наконецъ, онъ возвращался, совсѣмъ какъ заблудшій сынъ — угрюмый, худой, недовольный цѣлымъ свѣтомъ. Тогда онъ отводилъ меня въ сторону — и начиналась генеральная исповѣдь. Онъ имѣлъ обыкновеніе разсказывать все: сколько онъ проигралъ, сколько выпилъ, гдѣ проводилъ дни и, конечно, ночи и т. д. Онъ жаловался и страдалъ отъ укоровъ совѣсти, будто, Богъ вѣсть, какія совершилъ преступленія. Понятно, бѣдному малому нужно было оказать участіе, вѣдь это былъ такой человѣкъ! Однимъ словомъ — рѣдкій человѣкъ! Откровенно говоря, я не совсѣмъ понималъ его. Во

всякомъ случаѣ, это былъ превосходный товарищъ, честная душа и золотое сердце. Кому случалось сойтись съ нимъ близко, тотъ не могъ не полюбить его и, навѣрное, никогда не забудетъ".

Въ то время когда наши войска съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ выносили страшныя страданія, восторженная Россія читала поэтическія изображенія ея геройства въ дивныхъ образахъ одного изъ участниковъ войны. Императоръ Николай Павловичъ былъ тоже заинтересованъ произведеніями молодого офицера. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе удалить его съ 14-го бастіона, чтобы сохранить жизнь подающаго такія богатыя надежды таланта, и приказалъ внимательно слѣдить за участью этого молодого человѣка. Левъ Николаевичъ былъ переведенъ на флангъ, по правую сторону рѣчки Бельбекъ, и назначенъ командиромъ горной батареи. И здѣсь сумѣлъ онъ соединить исполненіе обязанностей солдата съ призваніемъ поэта. Въ это время вышелъ не только „Севастополь въ маѣ", но и второй разсказъ, плодъ кавказскихъ впечатлѣній и событій, — „Рубка лѣса". 4 августа 1855 г. онъ командовалъ своей батареей въ сраженіи при Черной. Только что передъ этимъ въ Крымъ пріѣхалъ баронъ П. А. Вревскій. Онъ привезъ съ собой приказъ императора Александра II князю Горчакову немедленно собрать военный совѣтъ и дѣйствовать по его рѣшенію. Военный совѣтъ рѣшилъ попробовать фланговымъ нападеніемъ разбить позицію союзныхъ войскъ на югѣ и востокѣ Севастополя. Но генералъ Фаухеръ вторично отразилъ нападеніе русскихъ и занялъ въ тылу у нихъ берегъ рѣки вмѣстѣ съ Чернымъ мостомъ.

Введенный въ заблужденіе неправильно понятымъ приказомъ высшей власти, генералъ Реадъ предпринялъ смѣлое намѣреніе атаковать Федюхинскія высоты и съ отважностью повелъ своихъ храбрыхъ солдатъ на вѣрную смерть.

Несчастный эпизодъ этой кровавой войны рѣшительнымъ образомъ подѣйствовалъ на судьбу молодого артиллерійскаго офицера. Начиная съ 5-го августа, нападенія союзниковъ продолжались безъ перерыва. Достойно глубокаго удивленія то терпѣніе, которое выказали русскіе передъ смѣлой храбростью французовъ и холоднымъ мужествомъ англичанъ; но все увеличивавшееся число жертвъ, наконецъ, надломило энергію осажденныхъ. Послѣ 25-го августа началась страшная бомбардировка, которая въ ночь на 28-е августа положила рѣшительный конецъ этой кровопролитной войнѣ.

Толстой неотступно оставался при войскѣ и пережилъ всю горькую участь осажденныхъ на своемъ посту, какъ командиръ горной батареи. Въ день рѣшительной битвы онъ находился въ числѣ храбрыхъ защитниковъ укрѣпленій и вмѣстѣ съ другими покинулъ городъ только на слѣдующую ночь.

Командиръ артиллеріи Крыжановскій поручилъ Толстому изъ всѣхъ рапортовъ артиллерійскихъ офицеровъ всѣхъ бастіоновъ составить одинъ общій и лично доставить его въ столицу, потому что сейчасъ же послѣ кровавыхъ событій 28-го августа, Толстой былъ при-

численъ къ ракетной батареѣ и вскорѣ посланъ курьеромъ въ Петербургъ. Но раньше чѣмъ этотъ богатый событіями годъ пришелъ къ концу, графъ подалъ въ отставку. Онъ сложилъ съ себя оружіе, чтобы съ этого времени держать въ рукахъ одно оружіе — перо.

Это міровое событіе сильно подѣйствовало на умъ и сердце Льва Николаевича Толстого. Здѣсь характеръ войны былъ другой, чѣмъ на Кавказѣ: здѣсь интеллигенція отличалась такой же храбростью, если не большей, чѣмъ простые солдаты, здѣсь господствовали подчиненіе, послушаніе, патріотизмъ, воодушевленіе, какъ у низшаго рядового, такъ и у образованнаго офицера. И если и здѣсь, какъ и тамъ, на Кавказѣ, алчность, жажда славы, карьеры, крестовъ и почестей шли рядомъ съ храбростью и самопожертвованіемъ, — то здѣсь, все-таки, сглаживалась та рѣзкая противоположность, какая поразила на Кавказѣ наблюдательный глазъ писателя между легкомысліемъ офицерскихъ чиновъ и преданностью простыхъ солдатъ и сплотилась въ одно общее восторженное настроеніе, въ горячую любовь къ отечеству.

И снова воплощаетъ Толстой видѣнное и лично имъ пережитое въ образы съ доступной ему одному и изумительной вѣрностью дѣйствительности, но въ которыхъ какъ бы умышленно отсутствуетъ художественная подкладка. Для него, съ его тонкимъ чутьемъ, не существуетъ ни хорошаго ни худого; описывая храбрость и изображая густыми красками зло и ужасныя стороны войны, онъ вовсе не имѣетъ цѣли сдѣлать первую предметомъ подражанія или напугать кого-либо послѣдними; даже въ отдѣльныхъ дѣйствующихъ личностяхъ въ своихъ произведеніяхъ онъ не старается вывести образцы воинственныхъ добродѣтелей или отталкивающихъ примѣровъ противоположности. Всѣ люди „не могутъ быть ни злодѣями ни героями повѣсти. Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — правда“.

Толстой не безъ расчетливаго основанія выбралъ 3 мѣсяца для изображенія Севастополя, такъ какъ они имѣли рѣшительное значеніе для войны: время развитія, время обороны и трагическаго конца, — „Севастополь въ декабрѣ“, „Севастополь въ маѣ“, и „Севастополь въ августѣ“.

„Севастополь въ декабрѣ“, рисуетъ намъ картины первыхъ дней осады Севастополя, когда въ городѣ не было почти ни одного укрѣпленія, не было войскъ, не было физической возможности удержать его, и, все-таки, не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся непріятелю, — дней, когда герой, достойный древней Греціи — Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: „Умремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя!“ А русскіе, неспособные къ фразерству, отвѣчали: Умремъ! ура!“

Толстой ведетъ насъ къ пристани, гдѣ два или три отставныхъ матроса предлагаютъ вамъ свои услуги. Вы выбираете яликъ и плывете мимо полосатой громады кораблей, близко и далеко разсѣянныхъ по

бухтѣ, и мимо небольшихъ шлюпокъ, движущихся по блестящей лазури водъ, мимо красивыхъ, свѣтлыхъ строеній города, окрашенныхъ розовыми лучами утренняго солнца. Старикъ-матросъ указываетъ вамъ на „Константина", на которомъ всѣ пушки были цѣлы и на которомъ жилъ самъ Корниловъ.

Вашъ яликъ быстро скользитъ мимо набережной, гдѣ кипитъ пестрая жизнь. Вы выходите на берегъ и входите въ большой залъ собранія; тамъ, гдѣ раньше царило веселье, теперь лежатъ жертвы войны, — легко и тяжело раненые, на которыхъ видна заботливая рука самаритянокъ. Въ это время къ вамъ подходитъ женщина, жена матроса, и начинаетъ разсказывать вамъ о храбрости своего мужа, который лежитъ тутъ съ ампутированной ногой, про его страданія, про отчаянное положеніе, въ которомъ онъ находился 4 недѣли, про то, какъ, будучи раненъ, остановилъ носилки съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на залпъ русской батареи, какъ великіе князья говорили съ нимъ и пожаловали ему 25 руб., и какъ онъ сказалъ имъ, что хочетъ опять итти на бастіонъ, чтобы учить молодыхъ солдатъ, если самъ не будетъ въ состояніи работать. Среди раненыхъ солдатъ и матросовъ лежитъ на койкѣ женщина съ горячечнымъ румянцемъ на щекахъ.

— Это нашу матроску 5-го числа въ ногу задѣло бомбой, — скажетъ вамъ путеводительница, — она мужу на бастіонъ обѣдъ носила, и теперь выше колѣнъ ногу отрѣзали. — Если ваши нервы крѣпки то загляните въ операціонную комнату, гдѣ доктора, съ окровавленными по локоть руками и съ блѣдными угрюмыми физіономіями исполняютъ свой тяжелый долгъ. „Что̀ значитъ смерть и страданія такого ничтожнаго червяка, какъ я, въ сравненіи съ столькими смертями и съ столькими страданіями?" болѣзненнымъ стономъ вырывается изъ груди разсказчика. Вотъ, навстрѣчу вамъ попадается похоронное шествіе: въ красномъ гробу несутъ офицера съ музыкой и развѣвающимися знаменами. Зайдите теперь въ трактиръ. Офицеры ведутъ разсказы про нынѣшнюю ночь, про то, какъ дорого и нехорошо подаютъ котлетки, про дѣло 24-го числа, про то, какъ убитъ тотъ-то и тотъ-то изъ товарищей, и о томъ, какъ плохо живется на 4-мъ бастіонѣ. Улицы, ведущія туда, уже болѣе не обитаемы: непріятельская батарея выбила гдѣ окно, гдѣ уголъ стѣны; гдѣ крышу. Строенія кажутся старыми, испытавшими всякое горе и нужду ветеранами и какъ будто гордо и нѣсколько презрительно смотрятъ на васъ. Однако вездѣ господствуютъ порядокъ, спокойствіе, мужество, потому что всѣ готовы умереть за отечество. Прошло 6 мѣсяцевъ, какъ тысячи бомбъ, ядеръ и пуль не переставали летать съ бастіоновъ въ траншеи и изъ траншей въ бастіоны.

Войско и населеніе, кажется, привыкли уже къ вѣчному безпокойству и несутъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ свою печальную участь. На бульварѣ, какъ и въ мирное время, играетъ полковая музыка, и толпы военнаго люда и женщинъ празднично двигаются около павильона. Внизу по тѣнистымъ, пахучимъ аллеямъ бѣлыхъ

акацій ходили и сидѣли уединенно отдѣльныя группы. Одну изъ этихъ группъ составляютъ 4 офицера, которые, понятно, ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о прошедшихъ и предстоящихъ сраженіяхъ. Къ нимъ подходитъ штабсъ-капитанъ Михайловъ; онъ уже 13-й разъ попадаетъ на бастіонъ, и хотя онъ вызвался на это добровольно, но злосчастное число все-таки усиливаетъ его дурныя предчувствія: имъ овладѣваетъ невыразимо печальное настроеніе духа. Поэтому, войдя въ свою маленькую комнату съ землянымъ поломъ и кривыми окнами, залѣпленными бумагой, онъ садится къ столу и пишетъ прощальное письмо къ отцу. Узнавъ о томъ, его пьяный Никита, съ взбудоражнными сальными волосами, вдругъ разразился непринужденными рыданіями и бросился цѣловать руки своего барина, который его любилъ, баловалъ и съ которымъ онъ жилъ уже 12 лѣтъ.

Адъютантъ Калугинъ, одинъ изъ группы 4 офицеровъ, имѣетъ лучшее помѣщеніе, чѣмъ Михайловъ — у него даже замѣтка нѣкоторая роскошь, и офицеры сидятъ у него вокругъ стола такъ же уютно, какъ у себя дома въ лучшее время. Но среди веселья вдругъ входитъ пѣхотный офицеръ и требуетъ его немедленно къ генералу. Калугинъ спѣшитъ къ нему и возвращается съ извѣстіемъ, что предстоитъ что-то серіозное. Приближающаяся катастрофа дѣлается замѣтной и на улицахъ. Калугинъ и Гальцинъ наблюдаютъ изъ окна огненныя линіи бомбъ, скрещивающихся въ воздухѣ, молніи выстрѣловъ, на мгновеніе освѣщающихъ темносинее небо, и бѣлый дымъ пороха. Иногда становилось трудно отличить звѣзду отъ бомбы. Въ это время къ крыльцу, подъ окномъ, подскакалъ офицеръ, чтобы просить у генерала, остановившагося въ квартирѣ Калугина, подкрѣпленія, и Калугинъ верхомъ на казачьей лошади поѣхалъ на бастіонъ; Гальцинъ, простившись съ товарищемъ, вышелъ на улицу и сталъ ходить по ней взадъ и впередъ. Съ бастіоновъ несутъ и ведутъ раненыхъ; лазаретъ буквально переполненъ. Въ ту минуту когда въ комнату входилъ Гальцинъ, докторъ записывалъ уже 532-го. Даже Калугину кажется „скверно“, и ему невольно приходитъ предчувствіе о смерти; но Калугинъ былъ самолюбивъ и одаренъ деревянными нервами, то, что̀ называютъ однимъ словомъ — храбръ; онъ не поддался первому чувству, и сталъ ободрять себя; среди страшныхъ стоновъ раненыхъ, онъ доходитъ до блиндажа. Михайловъ и другъ его, ротмистръ Праскухинъ, твердо стоятъ на томъ посту, куда призывалъ ихъ долгъ. Покидая ложементы и идя рядомъ, они замѣтили сзади себя молнію, ярко блеснувшую, — то была бомба, летѣвшая прямо на бастіонъ. Михайловъ и Праскухинъ прилегли къ землѣ; Праскухинъ умираетъ, раненый осколкомъ въ середину груди. Михайловъ же легко раненъ въ голову. Придя въ себя, онъ спѣшитъ въ траншею къ своему другу, желая убѣдиться въ томъ, можетъ ли онъ его еще спасти. Убѣдясь въ томъ, что Праскухинъ убитъ, Михайловъ, пыхтя и придерживая рукой сбившуюся повязку на головѣ, потащился назадъ къ батальону, который былъ уже почти внѣ выстрѣловъ. Страшный день кончается перемиріемъ: „на нашемъ

бастіонѣ и на французской траншеѣ выставлены бѣлые флаги, и между ними, въ цвѣтущей долинѣ, кучами лежатъ изуродованные трупы. Прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди — христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что̀ они сдѣлали, не упадутъ съ раскаяніемъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго вмѣстѣ съ страхомъ смерти, любовь къ добру и къ прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья?"

Вотъ уже 11 мѣсяцевъ продолжается осада; все болѣе слабѣетъ надежда у осажденныхъ отбить нападеніе непріятелей. 10-го августа было новое сраженіе. Козельцевъ, раненый 10-го мая осколкомъ въ голову, на которой еще до сихъ поръ онъ носитъ повязку и теперь, чувствуя себя уже съ недѣлю совершенно здоровымъ, ѣхалъ къ полку къ концу августа въ Севастополь. Это былъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ дней; бомбардированіе было ужасное. Почтовая станція татарской деревни Дуванка была переполнена солдатами и офицерами. За однимъ столомъ сидятъ нѣсколько совершенно юныхъ офицеровъ-добровольцевъ, только что выпущенныхъ изъ Пажескаго корпуса и спѣшившихъ теперь къ своимъ батареямъ — и вдругъ, когда Козельцевъ хотѣлъ спросить у нихъ о своемъ братѣ, онъ узнаетъ его въ 17-лѣтнемъ мальчикѣ, съ веселыми, черными глазами и румянцемъ во всю щеку. Молодой Козельцевъ не пошелъ даже въ гвардію, такъ хотѣлось ему поскорѣе попасть въ Севастополь. „Я за тѣмъ просился, что, все-таки, какъ-то совѣстно жить въ Петербургѣ, когда тутъ умираютъ за отечество". И вдругъ имъ овладѣваетъ ужасъ при мысли, что сейчасъ прямо въ Севастополь подъ бомбы... Около такъ называемаго городка, въ одномъ изъ дощатыхъ бараковъ, построенныхъ матросскими семействами, въ палаткѣ, братья нашли офицера, завѣдывавшаго обозами, считавшаго въ это время цѣлую кипу ассигнацій. Отъ него узнаютъ они, наконецъ, гдѣ стоитъ батарея младшаго Козельцева и полкъ старшаго брата. Въ сопровожденіи старшаго брата Володя проходитъ опасный путь къ бастіонамъ. Они простились на перевязочномъ пунктѣ, почти ничего не сказавъ другъ другу въ это послѣднее прощанье, потому что Володѣ по жребію достается итти на самое опасное мѣсто — въ блиндажъ на Малаховомъ курганѣ, гдѣ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ самый тяжелый день для Севастополя, 27-го августа. Это день рѣшительнаго штурма. Бомбардировка продолжалась почти до 12-го часа. Ровно съ боемъ 12 часовъ дня начался штурмъ Малахова кургана, 2-го, 3-го и 5-го бастіоновъ. Козельцевъ-старшій въ схваткѣ съ французами былъ такъ тяжело раненъ пулей, что никакая врачебная помощь не могла уже его спасти. Взявъ слабыми руками крестъ, прижимаясь къ нему губами и плача, онъ спросилъ священника: что̀, выбиты французы? — Вездѣ побѣда за нами осталась, — отвѣчалъ священникъ, чтобы утѣшить раненаго, скрывая отъ

него то, что на Малаховомъ курганѣ уже развѣвалось французское знамя. — Слава Богу! проговорилъ раненый, и мысль о братѣ мелькнула на мгновеніе въ его головѣ. — Дай Богъ ему такое же счастье! подумалъ онъ. Володя командовалъ стрѣлять картечью въ то время, когда французы обходили ихъ сзади. Володя ясно видѣлъ, какъ синіе мундиры заклепывали его пушки, — никакое сопротивленіе не помогло. Володя ничкомъ лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ незадолго до того стоялъ. Все въ Севастополѣ вдругъ затихло. Войска медленно выдвигались въ непроницаемой темнотѣ прочь отъ того мѣста, на которомъ они оставили столько храбрыхъ братьевъ — отъ того мѣста, которое 11 мѣсяцевъ отстаивали отъ столь сильнѣйшаго врага.

„Надолго оставитъ въ Россіи великіе слѣды эта эпопея Севастополя, которой героемъ былъ народъ русскій...“ Поэтъ говоритъ въ духѣ патріотическаго воодушевленія, хотя въ то же время онъ чувствуетъ боль отъ личнаго жгучаго убѣжденія, потому что великія картины смерти научили сознавать его, какъ ничтожна жизнь отдѣльнаго человѣка въ сравненіи съ общими страданіями и вѣчными міровыми идеалами. Но, можетъ-быть, война — одно изъ заблужденій народа? Вѣдь люди не ненавидятъ другъ друга, но то, что влечетъ ихъ одного противъ другого, людей одной вѣры, однихъ міровоззрѣній, — одно только заблужденіе. Во время перемирія отношенія русскихъ и французовъ самыя дружественныя. Оба офицера, встрѣтившись въ цвѣтущей долинѣ, гдѣ кучей лежатъ трупы людей, русскихъ и французовъ, разговариваютъ такъ, какъ въ самое мирное время.

— Э ву де ла гардъ?

— Pardon, monsieur, du 6-ème de ligne.

— Э сеси у аште? — спрашиваетъ офицеръ, указывая на деревянную желтую сигарочницу, изъ которой французъ куритъ папиросу.

— A Balaclava, monsieur! C'est tout simple en bois de palme.

— Жоли, — говоритъ офицеръ.

— Si vous voulez bien garder cela comme souvenir de cette rencontre, vous m'obligerez.

И учтивый французъ выдуваетъ папироску и подаетъ офицеру сигарочницу съ маленькимъ поклономъ. Офицеръ подаетъ ему свою, и всѣ присутствующіе въ группѣ, какъ французы, такъ и русскіе, кажутся очень довольными и улыбаются. Такъ говорятъ между собою офицеры, а нижніе чины — тѣ сходятся съ французами еще скорѣе. Вотъ пѣхотный бойкій солдатъ, въ розовой рубашкѣ и шинели въ накидку, подходитъ къ французу и проситъ у него огня закурить трубку. Французъ разжигаетъ, расковыриваетъ трубочку и высыпаетъ огня русскому.

— Табакъ бунъ? — спрашиваетъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, и зрители улыбаются.

— Oui, bon tabac, tabac turc, —говоритъ французъ: — et chez vous autres tabac — russe? bon?

— Русъ — бунъ, — говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, при чемъ присутствующіе покатываются со смѣху: — Франсе нѣтъ бунъ,

божуръ мосье! — продолжаетъ все тотъ же солдатъ, выпуская при этомъ сразу весь свой зарядъ знаній языка и треплетъ француза по животу и смѣется. Французы тоже смѣются.

— Кафтанъ бунъ,—говоритъ бойкій солдатъ, разсматривая шитыя полы зуава, и опять смѣется.

— Ne sort pas de ta ligne, à vos places, sacré nom!—кричитъ французскій капралъ, и солдаты съ видимымъ неудовольствіемъ расходятся.

Подобно тому какъ здѣсь офицеръ выставленъ рядомъ съ простымъ солдатомъ, такъ можно это найти и въ изображеніи всей Севастопольской кампаніи. И если здѣсь, какъ въ „Кавказскихъ разсказахъ", нѣтъ контраста между офицерами и рядовыми, то вездѣ чувствуется любовь автора обращенная къ народу. Народъ, по мнѣнію Толстого, страдаетъ потому, что мы не знаемъ великихъ сокровищъ, таящихся въ немъ. Даже тѣ люди, которые имѣютъ ежедневное сообщеніе съ народомъ и должны бы были хорошо знать нравственныя добродѣтели народа, точно слѣпые проходятъ мимо нихъ, потому, что традиціонные предразсудки притупляютъ ихъ взглядъ. Даже офицеръ нерѣдко сомнѣвается въ мужествѣ и безпримѣрной готовности солдата по первому приказу отдать свою душу за царя и отечество. Вотъ маленькій образчикъ:

Князь Гальцинъ, во время своего обхода по городу, останавливаетъ одного солдата, возвращающагося съ бастіона.

— Эй ты, остановись! Ты зачѣмъ идешь? — кричитъ онъ ему.

Солдатъ остановился и лѣвой рукой снялъ шапку.

— Куда ты идешь и зачѣмъ? — закричалъ онъ на него строго. Но въ это время, подойдя ближе, онъ замѣтилъ, что правая рука его была за обшлагомъ и въ крови, выше локтя.

— Раненъ, ваше благородіе.

— Чѣмъ раненъ?

— Сюда-то, должно, пулей, — сказалъ солдатъ, указывая на руку — а ужъ здѣсь, не могу знать, чѣмъ голову-то прошибло, — и, нагнувъ ее, показалъ окроваленные и слипшіеся волосы на затылкѣ.

— А ружье чье?

— Стуцеръ французскій, ваше благородіе, отнялъ. Да я бы не пошелъ, кабы не эвтого солдатика проводить; а то упадетъ неравно, — прибавилъ онъ, указывая на солдата, который шелъ немного впереди, опираясь на ружье и съ трудомъ таща и передвигая лѣвую ногу.

„Князю Гальцину вдругъ ужасно стыдно стало за свои несправедливыя подозрѣнія", заканчиваетъ авторъ этотъ маленькій эпизодъ уличной жизни въ осажденномъ городѣ. *Левенфельдъ.*

„Дѣтство, Отрочество и Юность" Толстого, какъ художественная автобіографія автора.

Повѣсти: „Дѣтство", „Отрочество" и „Юность" не были плодомъ настоящей Dichtung и представляютъ собою родъ художественной автобіографіи и семейной хроники, — это давно уже было извѣстно. Но

только теперь мы имѣемъ возможность выяснить съ нѣкоторой обстоятельностью этотъ характеръ раннихъ произведеній Толстого и отдѣлить въ нихъ то, что принадлежитъ творчеству „связанному", отъ продуктовъ художественнаго вымысла. Эту возможность мы имѣемъ, благодаря обнародованію разныхъ біографическихъ свѣдѣній о Толстомъ — въ статьѣ проф. Н. П. Загоскина „Студенческіе годы Л. Н. Толстого" (Истор. Вѣстн." 1894, январь) и въ книгѣ Р. Левенфельда „Графъ Толстой. Его жизнь, произведеніе и міросозерцаніе".

Левенфельдъ, черпавшій изъ непосредственнаго источника, отъ самого Л. Толстого и членовъ его семьи и пользовавшійся также неизданнымъ дневникомъ Толстого, сообщаетъ намъ слѣдующія, не лишенныя интереса указанія, касающіяся его первыхъ произведеній „У Толстого", говоритъ онъ, „былъ планъ большого романа: „Исторія четырехъ эпохъ". Онъ имѣлъ въ виду изобразить *въ формѣ личныхъ воспоминаній* духовное, или точнѣе говоря, душевное развитіе ребенка, мальчика, юноши и взрослаго человѣка". Отсюда мы заключаемъ, что въ раннюю пору творчества, къ которой относится это извѣстіе, художественная пытливость Толстого была обращена *внутрь,* что, когда впервые его духовныя очи раскрылись и внутренній голосъ призванія сказалъ ему: „виждь и внемли", то онъ прежде всего увидѣлъ *самого себя.* Какъ извѣстно, однако, планъ большого романа „Исторія четырехъ эпохъ" не былъ осуществленъ, но плодомъ этого чисто субъективнаго замысла явились повѣсти: „Дѣтство", „Отрочество" и „Юность", такъ что „три эпохи" все-таки были воспроизведены. Четвертая же („взрослый человѣкъ") была лишь намѣчена въ отрывкѣ „Утро помѣщика". Но, въ концѣ концовъ — въ другомъ только видѣ, по другой программѣ — этотъ циклъ четырехъ эпохъ былъ все-таки завершенъ, потому что фигура *Левина* есть, несомнѣнно, плодъ стремленія Толстого — изобразить самого себя уже сложившимся и достигшимъ полноты самосознанія человѣкомъ. Не трудно понять, почему именно послѣдняя, 4-я эпоха явилась въ художественномъ изображеніи такъ поздно: въ 50-хъ годахъ Толстой могъ, опираясь на свои воспоминанія и путемъ самоанализа, изобразить себя ребенкомъ, отрокомъ и юношей, но для воспроизведенія себя какъ взрослаго человѣка, у него, при сложности и своеобразіи его натуры, въ ту эпоху еще не было достаточно данныхъ, не было еще запаса отошедшихъ въ даль прошлаго воспоминаній; онъ могъ тогда только кое-что намѣтить и понять въ себѣ, и это немногое, свидѣтельствующее о все еще продолжающемся броженіи его духа, онъ и далъ въ „Утрѣ помѣщика" и въ образѣ Оленина. Но ему еще было далеко до полноты самознанія, до окончательнаго выясненія своихъ путей въ жизни, своихъ цѣлей, идеаловъ, — все это опредѣлилось, осѣло и кристаллизировалось гораздо позже, послѣ долгаго опыта жизни и большихъ подвиговъ творчества. Великій художникъ не пойметъ себя, не подведетъ себѣ итога, прежде чѣмъ создастъ свое главнѣйшее произведеніе. Для Толстого 4-я эпоха, — эпоха окончательнаго самоопредѣленія, могла насту-

пить только послѣ созданія „Войны и мира“, — когда онъ принялся за послѣднюю часть автобіографіи и въ *Левинѣ* подвелъ итоги самому себѣ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію съ этой автобіографической точки зрѣнія первыхъ произведеній Толстого, приведу сперва слѣдующую цитату изъ книги Левенфельда: „Въ дневникѣ Толстого мы находимъ нѣкоторыя хронологическія указанія относительно его произведеній. 9 іюня 1852 г. онъ уже можетъ отослать въ Петербургъ свою первую повѣсть „Дѣтство“. Одно за другимъ пишетъ онъ „Утро помѣщика“, „Набѣгъ“ и „Отрочество“... 18-го октября Левъ Н—чъ составилъ планъ „Кавказскаго разсказа“ (вышедшаго впослѣдствіи въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Казаки“), 19-го ноября онъ уже думаетъ о 3-й части „Дѣтства“ и „Отрочества“,—„Юности“... Всѣ эти произведенія, *представляя собою описаніе лично пережитаго, —результатъ собственнаго внутренняго опыта и наблюденія въ гораздо большей степени, чѣмъ плодъ свободной фантазіи творческаго духа*, тѣмъ не менѣе поражаютъ рѣдкою самостоятельностью“.

Здѣсь для насъ любопытны и хронологическія указанія, почерпнутыя изъ „Дневника“, и самый отзывъ Левенфельда о первыхъ произведеніяхъ Толстого, — отзывъ, указывающій на субъективное и автобіографическое ихъ происхожденіе. 1852-й годъ былъ эпохою въ жизни Толстого: въ этомъ году пробудился его творческій геній, и свидѣтельство Левенфельда показываетъ намъ, какія задачи прежде всего представились уму и фантазіи молодого художника. Это были задачи *самосознанія, художественнаго самоопредѣленія*. Въ этомъ отношеніи начало дѣятельности Толстого рѣзко отличается отъ первыхъ серіозныхъ (юношескія, незрѣлыя произведенія въ счетъ не идутъ) опытовъ Пушкина, Гоголя, Тургенева и отчасти сближается съ началомъ творчества Лермонтова и Гончарова, писателей, отличающихся, подобно Толстому, преобладаніемъ субъктивнаго направленія художественныхъ силъ. Когда Пушкинъ писалъ „Руслана и Людмилу“ и „Кавказскаго плѣнника“, Гоголь — свои первыя повѣсти, Тургеневъ — „Записки охотника“, ими двигала потребность отлить въ художественные образы извѣстную сумму впечатлѣній и идей, не имѣщихъ прямого отношенія къ личности самого автора, и задача самосознанія не вставала передъ ними. У Толстого пробужденіе потребности творить было вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіемъ проникнуть въ свою душу, изучить и изобразить свою собственную личность въ ея развитіи и ея состояніи въ данный моментъ. Вотъ и посмотримъ, какъ была выполнена эта задача.

Изображеніе себя самого, исторія своего душевнаго развитія у Толстого неразрывно связаны съ „семейной хроникой“ и воспроизведеніемъ бытовой психологіи той среды, къ которой онъ принадлежитъ. Какъ увидимъ ниже, это не просто „художественный пріемъ“, это — необходимая постановка вопроса, обусловленная основными свойствами таланта и самой натуры Толстого. Разработка „семейной хро-

ники“ въ трехъ автобіографическихъ повѣстяхъ представляетъ нѣкоторыя особенности, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе.

Изъ книги Левенфельда и статьи проф. Загоскина мы узнаемъ, что отецъ нашего писателя, Николай Ильичъ Толстой *(Николай Ильичъ Ростовъ* „Войны и мира“) овдовѣлъ въ 1830 г., „когда Льву Н—чу истекалъ всего лишь второй годъ“ (Загоск., стр. 84). Семь лѣтъ спустя (1837) умеръ и графъ Николай Ильичъ. Тогда Л. Н. было 9 лѣтъ. Осиротѣвшая семья (опекуншей которой была графиня Остенъ-Сакенъ) переселилась въ Москву, гдѣ воспитаніемъ дѣтей завѣдовали нѣмецъ Ѳ. И. Россель и французъ St.-Thomas.

Вотъ именно изображеніемъ нѣмца-учителя и начинается повѣсть „Дѣтство“, гдѣ онъ названъ Карломъ Ивановичемъ. Только здѣсь дѣйствіе перенесено въ деревню. Конечно, отъ этой перестановки глава о „Карлѣ Ивановичѣ“ и вся фигура добраго нѣмца не перестаютъ быть Wahrheit. Но уже со второй главы („Maman“), несомнѣнно, начинается Dihtung. Въ этой главѣ изображена мать разсказчика, которой, какъ мы только что видѣли, Толстой помнить не могъ. Я предполагаю, что онъ, по воспоминаніямъ другихъ лицъ, по семейнымъ преданіямъ, хотѣлъ силою воображенія возстановить невѣдомый образъ своей матери. Вѣроятно, молодой художникъ долго всматривался въ ея портретъ, страстно желая представить себѣ ее живою и вообразить себя ребенкомъ, согрѣтымъ ничѣмъ незамѣнимой материнской любовью, которую извѣдать ему не было дано. Перечитайте со вниманіемъ тѣ страницы „Дѣтства“, гдѣ идетъ рѣчь о „maman“, и вы легко замѣтите, что этотъ образъ какъ бы подернутъ туманомъ, онъ — не портретъ живого человѣка, онъ — почти видѣніе, блѣдный призракъ, вызванный изъ загробнаго міра. Молодой писатель „смутно видѣлъ“ этотъ призракъ „сквозь слезы воображенія“ (гл. II). Онъ, конечно, могъ бы отряхнуть эти слезы и, давъ волю фантазіи, создать совершенно новый образъ, поставить на вакантное мѣсто другую женщину, назвавъ ее своей „maman“. Но въ данномъ случаѣ молодой писатель не чувствовалъ внутренняго влеченія къ этого рода „Dichtung“. Здѣсь наглядно подтверждается истина, гласящая, что художникъ, въ своемъ творчествѣ, прежде всего стремится удовлетворить извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ, въ данное время заявляющимъ о себѣ потребностямъ своего ума и чувства. Изъ такихъ потребностей вытекаетъ постановка художественной задачи. Создаваемый образъ является ея рѣшеніемъ. Въ повѣсти „Дѣтство“ Толстымъ руководила именно потребность узнать свою мать, постигнуть ея душу, почувствовать ея не осуществившуюся материнскую ласку и любовь. Художественная задача, обусловленная этимъ живымъ душевнымъ стремленіемъ, приводила къ необходимости перейти отъ Wahrheit мемуаровъ къ тому роду творчества, который такъ свойственъ генію Толстого и состоитъ въ созданіи образовъ, повидимому, объективныхъ, на самомъ же дѣлѣ основанныхъ на анализѣ собственныхъ ощущеній автора. Но въ данномъ случаѣ эти ощущенія были, такъ сказать, *от-*

рицательными психологическими величинами: это было ощущеніе какого-то пробѣла въ душѣ, сознаніе пустоты въ томъ мѣстѣ душевнаго обихода, гдѣ должны были бы сохраняться живые слѣды материнской любви. Стремясь заполнить этотъ пробѣлъ, молодой художникъ углубляется въ анализъ своего внутренняго міра и старается заставить трепетать ту струну, которая у него, не помнившаго матери, никогда не трепетала. Насколько это удалось Толстому въ повѣсти „Дѣтство"? Самое выдающееся мѣсто, сюда относящееся, это глава XV. „Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней?..." — такъ начинается эта глава, въ которой Толстой, видимо, хотѣлъ растолковать самому себѣ всю непосредственную глубину и красоту любви ребенка къ матери и матери — къ своему дитяти. „Чувствуешь, бывало, впросонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее, и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко-крѣпко прижмешь ее къ губамъ. Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своею чудесною нѣжною ручкою провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ: — Вставай, моя душечка, пора итти спать. — Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ея; она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку. — Вставай же, мой ангелъ! — Она другою рукою беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, — сказать: — Ахъ, милая, милая мамаша, я какъ тебя люблю! — Она улыбается своею грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни. — Такъ ты меня очень любишь? — Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ: — Смотри, люби меня, никогда не забывай! Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ея?... Не забудешь, Николенька? — Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня. — Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! — вскрикиваю я, цѣлую ея колѣни; и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ, — слезы любви и восторга".

Я нарочно привелъ все это мѣсто цѣликомъ: оно представляется мнѣ своего рода пробнымъ камнемъ для нѣкоторыхъ сторонъ художественнаго дарованія Толстого. Приведенная страница едва ли можетъ считаться удавшейся въ художественномъ отношеніи: на этотъ разъ Толстому не удалось „схватить" здѣсь то, что онъ хотѣлъ „схватить", и поймать его тамъ, гдѣ оно — по выраженію Гёте — „интересно". Много разъ — въ видѣ опыта — перечитывалъ я эту страницу, и всегда оставался холоднымъ. А между тѣмъ, она, повидимому, и разсчитана на то, чтобы тронуть читателя, чтобы вызвать живое чувство

поэзіи дѣтства, любви дѣтской и материнской. Очевидность такого намѣренія и отсутствіе соотвѣтственнаго эффекта производитъ впечатлѣніе антихудожественное. Иная неудачная въ художественномъ отношеніи страница можетъ, такъ сказать, сойти съ рукъ и не выдать себя, если останется незамѣченнымъ тотъ фактъ, что авторъ „старался", подбиралъ краски, напрягалъ свое воображеніе. Въ данномъ же случаѣ это-то и замѣтно: ясно виденъ сочиняющій авторъ, сознательно подбирающій подходящія черты для изображенія душевныхъ состояній, которыхъ онъ не испыталъ. Чтобы это стало очевиднѣе, достаточно вспомнить ту сцену въ „Аннѣ Карениной", гдѣ изображеніе свиданіе Анны съ сыномъ. Вотъ страница, которую нельзя читать безъ глубокаго душевнаго потрясенія,—вотъ тѣ „рѣчи" на тему о материнской и дѣтской любви, которымъ „безъ волненія внимать невозможно". И притомъ—полное отсутствіе какихъ бы то ни было слѣдовъ преднамѣренности: потрясающій эффектъ подкрадывается незамѣтно и застаетъ читателя врасплохъ.

Этотъ поразительный контрастъ между изображеніемъ материнскаго и дѣтскаго чувства въ „Дѣтствѣ" и его изображеніемъ въ „Аннѣ Карениной" былъ обусловленъ не тѣмъ, что талантъ Толстого окрѣпъ и развился, а тѣмъ, что художнику стало доступно чувство, котораго онъ не вѣдалъ раньше, въ то время когда писалъ „Дѣтство". Материнскую любовь мужчина постигаетъ двумя путями: по воспоминаніямъ дѣтства и черезъ посредство отцовскаго чувства. Второй путь гораздо важнѣе перваго: преданія дѣтства съ лѣтами забываются, и гаснутъ тѣ чувства, которыми нѣкогда была переполнена душа ребенка. Образъ матери все дальше и дальше отодвигается въ глубь прошлаго, все гуще и гуще заволакиваетъ его туманомъ забвенія. Но великій художникъ, какъ Толстой, все-таки, сумѣлъ бы, силою творческаго воображенія, разсѣять этотъ туманъ, оживить угасшія чувства и воскресить полузабытый образъ, если бы только онъ когда-либо зналъ ихъ. Но этого-то условія, какъ извѣстно, и не было, и вотъ почему въ повѣсти „Дѣтство" такъ блѣдны, такъ художественно-безсильны страницы, посвященныя „maman", вотъ почему онѣ отмѣчены всѣми признаками сочиненности, искусственнаго головного построенія. Авторъ, нанизывая черты за чертами и повторяя до утомительности одно и то же въ различныхъ комбинаціяхъ (она сидитъ возлѣ меня, я слышу ея запахъ и голосъ, она улыбается мнѣ, я цѣлую ея руку и т. д.), видимо, самъ ищетъ живого художественнаго представленія и, несмотря на всѣ поиски, не находитъ его. Зато, впослѣдствіи, когда Толстой, ставъ семьяниномъ, извѣдалъ чувства мужа и отца и черезъ ихъ посредство постигъ материнскую любовь и душевный міръ ребенка, цѣликомъ построенный на органической привязанности къ матери, тогда ему уже не нужно было искать и „расписывать",—достаточно было только разсказать, какъ вошла Анна Каренина въ комнату сына, какъ ребенокъ проснулся и, потягиваясь, полусонный, прильнулъ къ матери,—заставить Анну сказать: „милый Кутикъ!" да поставить въ дверяхъ

фигуру растроганнаго и растерявшагося гувернера, и художественное „слово“ было „найдено“, была написана одна изъ самыхъ изумительныхъ, одна изъ самыхъ безсмертныхъ страницъ во всемірной литературѣ.

За исключеніемъ „maman“, всѣ прочіе, важнѣйшіе образы въ трехъ автобіографическихъ повѣстяхъ являются какъ бы первыми эскизами или набросками той кисти, которая впослѣдствіи напишетъ великолѣпныя, во весь ростъ, фигуры бытовыхъ типовъ „Войны и мира“ и „Анны Карениной“. Сюда принадлежатъ: отецъ разсказчика, его бабушка, братъ Володя, знакомые изъ общества, а также и лица другихъ состояній, входящія въ обиходъ домашней помѣщичьей жизни, какъ учитель Карлъ Ивановичъ, Мими, Наталья Саввишна. Эти фигуры, хотя и не достигаютъ той высоты художественности, на которой стоятъ бытовые типы „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, тѣмъ не менѣе являются образами съ опредѣленной, ярко очерченной физіономіей и значительной типичностью. Для изображенія этихъ лицъ Толстой имѣлъ въ своемъ распоряженіи „натуру“, и всѣ они входили такъ или иначе въ сферу его внутренняго опыта. Въ этомъ отношеніи любопытно слѣдующее свидѣтельство Левенфельда: „Теперь, когда мы знаемъ, что онъ лишился отца и матери въ... нѣжномъ возрастѣ... мы должны признать въ родителяхъ и бабушкѣ Иртеньева произведенія художественнаго творчества, въ созданіи которыхъ свободная фантазія и наблюденія надъ широкимъ кругомъ лицъ принимали одинаковое участіе... Такъ какъ Толстой не зналъ своего отца, то онъ избралъ, до извѣстной степени, въ качествѣ образца, другого пожилого человѣка изъ круга своихъ знакомыхъ: дядя его будущей супруги со стороны матери послужилъ ему образцомъ для отца Иртеньева, а Мими въ „Дѣтствѣ“ Толстой срисовалъ съ дамы, бывшей гувернанткой въ домѣ этого самаго дяди, съ воспитательницы тещи Толстого“ (48—49).

Здѣсь представляютъ интересъ фактическія свѣдѣнія, но мысль, что образцы родителей Иртеньева были созданы путемъ свободной фантазіи и наблюденій надъ широкимъ кругомъ лицъ, требуетъ, на мой взглядъ, нѣкоторыхъ оговорокъ. Фигура отца Иртеньева была списана съ опредѣленной личности, которая тутъ уже и указана. Что касается матери, то выше очерченный характеръ этого образа не позволяетъ думать, чтобы онъ могъ быть полученъ путемъ наблюденія. Въ его созданіи участвовала одна только „свободная фантазія“, дѣйствовавшая на этотъ разъ почти апріорно, — оттого-то образъ и вышелъ такимъ блѣднымъ. Вообще, роль этихъ двухъ элементовъ, свободной фантазіи и наблюденій надъ *широкимъ* кругомъ лицъ, едва ли была значительною въ началѣ дѣятельности Толстого, въ особенности когда онъ писалъ „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность. Кругъ его наблюденій по необходимости ограниченъ тогда сравнительно узкими предѣлами его родни и той части великосвѣтской среды, въ которой онъ вращался. Правда, къ той же эпохѣ относятся и нѣкоторыя наблюденія надъ извѣстными типами изъ другихъ классовъ (напр. студенты изъ разночинцевъ въ „Юности“), а также надъ народной жизнью

(„Утро помѣщика“ и „Казаки“). Но эти наблюденія были только первыми попытками выйти изъ заколдованнаго круга узкихъ, семейно-кружковыхъ впечатлѣній. Нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ привели къ блистательнымъ результатамъ; сюда прежде всего нужно отнести великолѣпные типы „Казаковъ“ (дядя Ерошка, Лукашка, Маріанка и др.). Но всѣ образы, сюда относящіеся, начиная со студентовъ-разночинцевъ въ „Юности“, носятъ на себѣ ясные слѣды того, что художникъ, ихъ писавшій, принадлежитъ къ другому, именно великосвѣтскому кругу, что онъ смотритъ на Божій міръ глазами аристократа, и самъ, чувствуя узкость и негуманность этой точки зрѣнія, борется съ нею, старается сбросить съ себя эти очки и взглянуть на людей и вещи съ иной, высшей и болѣе человѣчной точки зрѣнія. Не всегда это ему удается, и тамъ, гдѣ наименѣе удается, этотъ протестъ, эта борьба съ самимъ собою сказывается ярче и сами по себѣ являются предметомъ художественнаго воспроизведенія. Въ этомъ отношеніи очень характерна глава XXXI „Юности“, озаглавленная „Comme il faut“. Этимъ терминомъ Толстой обозначилъ одно изъ самыхъ пагубныхъ, ложныхъ понятій, привитыхъ ему воспитаніемъ и обществомъ, въ силу котораго онъ дѣлилъ всѣхъ людей „на comme il faut и на comme il ne faut pas“; „второй родъ подраздѣлялся на людей собственно не comme il faut и простой народъ. Людей comme il faut я уважалъ и считалъ достойными имѣть со мной равныя отношенія; вторыхъ — притворялся, что презираю, но въ сущности ненавидѣлъ ихъ, питая къ нимъ какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали, — я ихъ презиралъ совершенно“. „Главное зло, — читаемъ далѣе, — состояло въ убѣжденіи, что comme il faut есть самостоятельное положеніе въ обществѣ, что человѣку не нужно стараться быть ни чиновникомъ, ни каретникомъ, ни солдатомъ, ни ученымъ, когда онъ comme il faut, что, достигнувъ этого положенія, онъ уже исполняетъ свое назначеніе и даже становится выше большой части людей“. Сознать, что это — зло, и стараться освободиться отъ него — это, конечно, первый шагъ къ той элементарной, по крайней мѣрѣ, внутренней свободѣ, которая безусловно необходима художнику. Но не такъ-то легко въ самомъ дѣлѣ ее завоевать. Протестуя противъ точки зрѣнія comme il faut, Толстой въ „Юности“ фактически рисуетъ разночинцевъ именно съ этой точки зрѣнія; она сквозитъ въ самомъ способѣ изображенія, всѣ эти Оперовы, Семеновы и прочіе появляются въ полѣ зрѣнія читателя какъ разъ въ той же постановкѣ и въ такомъ же освѣщеніи, какъ и въ глазахъ самого героя comme il faut: герой, а за нимъ и читатель смотритъ на нихъ, какъ на курьозные образчики изъ какого-то особаго міра, какъ на экземпляры, выхваченные изъ массы напоказъ, которые скоро сливаются опять въ безразличную кучу, утрачивая свои индивидуальные признаки, — Семеновъ смѣшивается съ Оперовымъ, Оперовъ съ Иконинымъ, и отъ нихъ остается только общее впечатлѣніе, родъ запаха, что они не comme il faut.

Есть, конечно, разные пути, ведущіе къ освобожденію отъ этой узкой и негуманной точки зрѣнія на людей, столь вредной вообще, а для художника — въ частности, напримѣръ, путь внутренней переработки своего духовнаго содержанія черезъ усвоеніе широкихъ идей и человѣчныхъ стремленій, путь фактическаго ознакомленія съ жизнью и психологіей людей другихъ слоевъ. Этими путями и шелъ Толстой въ началѣ своей дѣятельности и достигъ значительной степени внутренней свободы, давшей ему возможность изобразить въ „Казакахъ" народные типы съ глубокою художественною правдою и такъ, что читатель уже не забудетъ этихъ образовъ и не смѣшаетъ дядю Ерошку съ Лукашкой и Лукашку съ Назаркой. Но, какъ увидимъ ниже и тутъ Толстому — въ лицѣ Оленина — не удалось вполнѣ отвлечься отъ „ветхаго человѣка" и вытравить въ себѣ соціально-аристократическую основу въ отношеніяхъ къ людямъ и жизни вообще. Другой путь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ въ области внутренней свободы открывался передъ нимъ. Это былъ путь болѣе широкихъ наблюденій и болѣе глубокаго изученія той самой среды, которая ограничивала его свободу, развивъ въ немъ исключительную точку зрѣнія на людей, привычку ко злу „comme il faut". Нужно было взять быка за рога. Дѣло въ томъ, что и въ великосвѣтской средѣ, какъ и во всякой другой, есть свой „міръ" и свой „мірокъ". Отличительныя черты, привычки, точки зрѣнія и пр., принадлежащія средѣ, сильнѣе выражаются и получаютъ особливо-уродливое развитіе въ ея „міркѣ" и, наоборотъ, въ значительной степени стушевываются и парализуются, перекрещиваясь другими бытовыми продуктами той же сословной психологіи, — въ ея „мірѣ". Это различіе проявляется съ наибольшею силою въ тѣхъ классахъ, которые играютъ или играли извѣстную историческую роль и были ареною различныхъ умственныхъ движеній. Возьмите, напримѣръ, какой-нибудь уголокъ западно-европейской буржуазной жизни: обыватели этого уголка, хотя бы они и не были проникнуты крайними буржуазными стремленіями или идеалами, непремѣнно будутъ отражать въ себѣ черты сословной узкости, мѣщанскихъ предразсудковъ въ гораздо большей мѣрѣ и въ болѣе уродливой формѣ, чѣмъ тотъ „буржуа", который живетъ болѣе широкой жизнью своего класса и, соприкасаясь съ различными теченіями этой жизни, находитъ въ массѣ психическихъ продуктовъ, приносимыхъ и уносимыхъ этими теченіями, и такіе, которые могутъ ему послужить противоядіемъ противъ узкости его же сословной психологіи. Явленіе это гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Помимо различныхъ явленій умственнаго и нравственнаго порядка, дѣйствующихъ на личность въ широкомъ „мірѣ" его класса и отсутствующихъ въ „міркѣ", здѣсь дѣйствуютъ еще особые, пока мало изученные, психическіе процессы, именно тѣ, которые развиваются въ общеніи личности съ ея средою и опредѣляютъ собою, то, что можно назвать *общественнымъ самочувствіемъ* человѣка. Въ „міркѣ" сословныя черты этого самочувствія выступаютъ ярче и уродливѣе, чѣмъ въ „мірѣ". Въ широкой клас-

совой средѣ, населенной *массою* представителей того же классоваго типа, спеціальныя черты сословной психологіи отвлекаются отъ индивидуумовъ въ массѣ, и личность въ извѣстной мѣрѣ освобождаясь отъ нихъ, въ той же мѣрѣ становится человѣчнѣе; напротивъ, въ узкой средѣ, наполненной сравнительно небольшимъ числомъ представителей класса, эти черты, не отвлекаемыя притяженіемъ сословной массы, тѣмъ рѣзче проявляются въ отдѣльныхъ личностяхъ. Въ этомъ отношеніи явленія сословной психологіи должны быть отличаемы отъ другихъ коллективныхъ психическихъ процессовъ, которыхъ сила и интенсивность возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ массы индивидуумовъ, являющихся носителями этихъ процессовъ. Паника или, наоборотъ, отвага тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше толпа. То же самое думаю, относится къ умственнымъ явленіямъ: большая толпа дураковъ глупѣе небольшой кучки тѣхъ же дураковъ. Но другое дѣло черты сословной психологіи, а также, нужно прибавить, и національной. Психологически онѣ — форма, а не содержаніе. Это какъ бы та рамка, въ которую вкладывается индивидуальное содержаніе личности. Въ общеніи личности съ массою, въ живомъ взаимодѣйствіи большого числа лицъ той же психологической формы, сословной или національной, затрогивается преимущественно содержаніе, а не форма: люди обмѣниваются мыслями, чувствами, сталкиваются характерами, темпераментами, сходятся и расходятся во взглядахъ, вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ, — а своихъ формальныхъ, сословныхъ или національныхъ чертъ даже не чувствуютъ, какъ не чувствуемъ мы воздуха или собственнаго тѣла, пока оно здорово. Поэтому, эти формальные элементы не выступаютъ наружу съ той назойливостью, какъ это бываетъ въ тѣсныхъ сословныхъ кругахъ, гдѣ обмѣнъ содержаніемъ скуднѣе, или въ національныхъ группахъ, замкнутыхъ въ узкой обособленной жизни и характеризующихся тѣмъ, что у нихъ содержаніе сливается съ формою, что онѣ не способны вложить въ свою національную форму новое содержаніе идей, стремленій, нравовъ, вѣрованій, вкусовъ. Тогда формально-психологическіе элементы выступаютъ вмѣстѣ съ содержаніемъ наружу, проникаютъ въ сознаніе и даютъ въ результатѣ въ одномъ случаѣ сословную обособленность и узкость, въ другомъ — національную исключительность, въ обоихъ — негуманный, чуждый человѣчности и широты укладъ духа.

Послѣ этихъ соображеній мы поймемъ, насколько необходимо было Толстому, какъ художнику и, добавимъ, какъ человѣку, перейти отъ узкой сферы великосвѣтскаго кружка къ наблюденіямъ надъ цѣлымъ „міромъ“ вѣликосвѣтской жизни въ ея различныхъ теченіяхъ и проявленіяхъ, во всемъ разнообразіи вырабатываемыхъ ею характеровъ и умовъ, — какъ изображена она въ „Войнѣ и мірѣ“ и „Аннѣ Карениной“.

Здѣсь же у насъ на очереди анализъ тѣхъ образовъ, въ которыхъ Толстой воплотилъ свою художественную автобіографію. Этотъ анализъ прежде всего раскроетъ то броженіе душевныхъ силъ, ту вну-

треннюю ломку, чрезъ которыя прошелъ геній Толстого — въ своемъ стремленіи сбросить съ себя гнетъ сословной психологіи и завоевать ту долю внутренней свободы, какая была безусловно необходима для того, чтобы художникъ могъ выступить на только что указанный путь широкихъ наблюденій и объективнаго творчества.

Эта внутренняя борьба и ломка были тѣсно связаны у Толстого съ процессомъ самоанализа и вопросомъ самосознанія, къ разсмотрѣнію которыхъ и перейдемъ теперь.

Въ связи съ субъективизмомъ и эмпиризмомъ, которыми такъ ярко отличается геній Толстого, находится, какъ отпрыскъ этого основного уклада, то, что можно назвать „эгоцентризмомъ" въ искусствѣ: художественная пытливость прежде всего обращается къ личности самого художника, какъ объекту ближайшему и наиболѣе доступному для эмпирическаго изученія.

Эгоцентрическое направленіе творчества и тѣсно связанный съ нимъ самоанализъ занимаютъ первенствующее мѣсто въ раннихъ произведеніяхъ Толстого. Сюда прежде всего относятся въ „Дѣтствѣ", „Отрочествѣ" и „Юности" фигуры разсказчика Николая Иртеньева и его друга, князя Нехлюдова. Что эти два образа представляютъ собою художественное произведеніе собственной личности автора, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія для всякаго, кто сколько-нибудь вдумчиво читалъ Толстого. Только ради полноты приведу относящіяся сюда указанія Левенфельда. „Безъ опасенія смѣшать правду съ вымысломъ", говоритъ онъ, „можно въ Николаѣ Иртеньевѣ... видѣть самого Толстого въ годы юности" (стран. 28). На стран. 41-й, замѣчая, что „источникъ перваго произведенія Толстого — стремленіе къ признаніямъ", Левенфельдъ указываетъ и на то, что князь Нехлюдовъ есть alter ego Николая Иртеньева. „Иртеньева и Нехлюдова" — поясняетъ онъ далѣе, стран. 57, „можно разсматривать, какъ двѣ части болѣе высокаго единства, воплощеннаго въ самомъ Толстомъ".

Нѣтъ надобности приводить здѣсь образчики превосходнаго художественнаго анализа, впервые произведеннаго Толстымъ въ этихъ первыхъ его повѣстяхъ и направленнаго преимущественно на психію самого автора въ разныя эпохи его развитія. Пусть читатель припомнитъ или перечитаетъ тѣ страницы, гдѣ такъ мѣтко и тонко разбираются различныя душевныя состоянія разсказчика, гдѣ такъ правдиво раскрывается его внутренній міръ. Укажу здѣсь только на слѣдующія двѣ важныя и характерныя черты.

Первая состоитъ въ томъ, что психологія ребенка, отрока и юноши, изображенная въ трехъ автобіографическихъ опытахъ Толстого, не есть психологія обобщеннаго, общечеловѣческаго ребенка, отрока и юноши, а самымъ тѣснымъ образомъ пріурочена къ средѣ, національной почвѣ и эпохѣ: это спеціально психологія русской, великосвѣтской, помѣщичьей среды, прослѣженная въ трехъ возрастахъ. Бытовой колоритъ данъ не только въ обстановкѣ, во внѣшнихъ проявленіяхъ и въ способѣ выраженія душевныхъ состояній, которыя въ существѣ своемъ

остаются, конечно, человѣческими вообще, но онъ внесенъ, если можно такъ выразиться, въ самый механизмъ этихъ душевныхъ состояній, — и въ силу такой окраски эти послѣднія, не переставая быть общечеловѣческими, вызываютъ въ читателѣ особливый интересъ не къ своей общечеловѣческой основѣ, а къ своей бытовой окраскѣ. Въ „Дѣтствѣ“ и „Отрочествѣ“ наше заинтересованное вниманіе сосредоточивается спеціально на психологіи „барчука“, въ „Юности“ — на психологіи молодого человѣка comme il faut. Въ этомъ отношеніи три автобіографическія повѣсти приближаются къ типу настоящихъ мемуаровъ и бытовыхъ картинъ: это въ тѣсномъ смыслѣ *великосвѣтскіе* очерки. Тутъ, въ самомъ началѣ дѣятельности Толстого, ярко обнаружился его субъективизмъ и эмпиризмъ. Художники объективнаго склада художники-наблюдатели, какъ Шекспиръ, Пушкинъ, Тургеневъ, могутъ, сколько угодно, наряжать своихъ героевъ въ національный костюмъ и пріурочивать ихъ къ опредѣленной, строго-ограниченной въ пространствѣ и времени, почвѣ, но изъ-подъ національнаго, сословнаго, историческаго и всякаго иного обличья душевныя движенія этихъ героевъ, ихъ характеры и натуры выступаютъ въ той широкой и мощной обобщенности, которая ихъ дѣлаетъ типичными для человѣка вообще, для человѣчества. У Толстого, въ его раннихъ произведеніяхъ преимущественно, а въ послѣдующихъ въ большей или меньшей мѣрѣ, сословное обличье и великосвѣтская психологія героевъ не только служатъ средствомъ придать образамъ необходимую для осуществленія художественнаго эффекта конкретность, но вмѣстѣ съ тѣмъ входятъ въ составъ того содержанія, которое ими апперцепируется. Поэтому на читателя изъ другой среды его первыя произведенія и многое въ послѣдующихъ производятъ впечатлѣніе чего-то чуждаго, не своего, чего-то сословнаго, спеціально великосвѣтскаго. Для всякаго читателя изъ какой бы то ни было среды, если только онъ человѣкъ образованный и имѣетъ достаточный опытъ жизни, Шекспиръ, Пушкинъ, Тургеневъ — „свой братъ“ и сразу кажутся чѣмъ-то близкимъ, роднымъ; Толстой сперва кажется чуждымъ, не своимъ — и только вчитавшись и вникнувъ въ него, только подчинившись обаянію его генія, читатель принимаетъ его въ число „своихъ“, въ число художниковъ-учителей и друзей человѣчества.

Вторая, очень важная и уже чисто личная, а не бытовая черта, которую мы должны отмѣтить въ трехъ разсматриваемыхъ повѣстяхъ, состоитъ въ слѣдующемъ: здѣсь уже обнаруживается та сторона въ натурѣ Толстого, которая впослѣдствіи займетъ видное мѣсто въ его художественномъ творчествѣ и, наконецъ, обособившись отъ него, выразится въ его дѣятельности, какъ мыслителя и моралиста. Это именно его неудержимое, какъ бы органическое влеченіе, съ одной стороны, къ такъ-называемымъ „проклятымъ“ вопросамъ, съ другой — и въ особенности — къ выработкѣ нравственнаго міровоззрѣнія, даже нравственной догмы. „Въ продолженіе года, во время котораго я велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь“, читаемъ въ XIX гл. „Отрочества“, „всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи

человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представлялись мнѣ; и дѣтскій слабый умъ мой со всѣмъ жаромъ неопытности старался уяснить тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую степень, до которой можетъ достигнуть умъ человѣка, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему".

Въ 50-хъ и даже 60-хъ годахъ эти строки и слѣдующее за ними описаніе головоломныхъ метафизическихъ упражненій героя могли казаться читателямъ продуктомъ чисто объективныхъ замысловъ художника. Непосредственно вслѣдъ за приведеннымъ мѣстомъ читаемъ: „мнѣ кажется, что умъ человѣка въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ проходитъ въ своемъ развитіи по тому же пути, по которому онъ развивается и въ цѣлыхъ поколѣніяхъ; что мысли, служившія основаніемъ различныхъ философскихъ теорій, составляютъ нераздѣльныя части ума; но что каждый человѣкъ болѣе или менѣе ясно сознавалъ ихъ еще прежде, чѣмъ зналъ о существованіи философскихъ теорій". Несмотря на нѣкоторую неясность выраженія въ послѣдней фразѣ, мы все-таки улавливаемъ мысль автора, которая будетъ совершенно вѣрна, если вмѣсто словъ „въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ" поставимъ „въ мыслящемъ человѣкѣ": не всѣ способны задаваться и мучиться отвлеченными вопросами, — большинство живетъ, не мудрствуя лукаво; взять хотя бы брата разсказчика, Володю, для него вовсе не существуетъ этого „пути развитія". Какъ бы то ни было, но, прочитавъ эти строки, читатель 50-хъ или 60-хъ годовъ склоненъ былъ думать, что авторъ просто задался цѣлью — „показать это", „провести эту мысль" на примѣрѣ своего героя, который вслѣдствіе этого получаетъ гораздо больше интереса, чѣмъ напр., Володя, но за то теряетъ въ смыслѣ бытовой типичности: взятъ любопытный, но рѣдкій случай, — описанъ „казусъ" неожиданнаго пробужденія философскихъ стремленій въ молодомъ баричѣ, поставленномъ совершенно въ сторонѣ отъ тѣхъ круговъ, гдѣ эти стремленія такъ или иначе обнаруживались. Случай — всегда возможный въ дѣйствительности, эпизодъ — вполнѣ умѣстный въ мемуарахъ, фотографирующихъ дѣйствительность, но не подходящій для цѣлей художественности. Философскія упражненія Николая Иртеньева, какъ представлены они въ XIX гл. „Отрочества", и его моральныя стремленія, изображенныя въ „Юности", рисуютъ намъ любопытную картину пробужденія и первыхъ шаговъ мощнаго, но въ высокой степени своеобразнаго ума, отмѣченнаго большой склонностью къ рефлексіи и необыкновеннымъ даромъ анализа. Эта картина нисколько не характерна для мыслящей части того круга, къ которому принадлежитъ Николай Иртеньевъ; она не можетъ быть также названа типичною для философствующей части человѣчества вообще. Она характерна только для Л. Н. Толстого. Теперь, послѣ всего, что написалъ Толстой съ тѣхъ поръ, въ особенности послѣ статей IV тома, послѣ „Исповѣди" и сочиненій религіозно-философскихъ и этическихъ, мы уже не можемъ сомнѣваться въ томъ, что XIX глава „Отрочества" и аналогичныя ей мѣста другихъ раннихъ повѣстей Толстого представляютъ собою не

Dichtung, а самую подлинную Wahrheit. Эти страницы не принадлежатъ къ области искусства, это просто — глава изъ автобіографіи необыкновеннаго человѣка, который уже въ ранней молодости не удовлетворялся ходячими понятіями и силился собственнымъ умомъ рѣшить такъ называемые проклятые вопросы и выработать себѣ нормы высшей морали.

Для Толстого здѣсь характерна каждая мелочь. Напр., хотя бы слѣдующее мѣсто: „Отвлеченныя мысли образуются вслѣдствіе способности человѣка уловить сознаніемъ въ извѣстный моментъ состояніе души и перенести его въ воспоминаніе. Склонность моя къ отвлеченнымъ размышленіямъ до такой степени неестественно развила во мнѣ сознаніе, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей, я не думалъ уже о вопросѣ, занимавшемъ меня, а думалъ о томъ, о чемъ я думалъ. Спрашивалъ себя: о чемъ я думаю! — я отвѣчалъ: я думаю, о чемъ я думаю. А теперь о чемъ я думаю? — я думаю, что я думаю, о чемъ думаю, и т. д. Умъ за разумъ заходилъ...“ („Отроч.“, гл. XIX). Это были первыя пробы, это была ребяческая игра той мощной мысли, которая впослѣдствіи дастъ несравненные образцы психологическаго анализа. Подобно тому, какъ будущій великій изобрѣтатель уже въ дѣтствѣ начинаетъ упражнять свой даръ на игрушкахъ и другихъ вещахъ, разбирая и портя часы и т. д., какъ будущій великій полководецъ играетъ въ солдатики и выдумываетъ небывалые планы кампаній, мечтая о сраженіяхъ и побѣдахъ и т. п., такъ и будущій великій художникъ-психологъ въ отрочествѣ предавался головоломной — „игрушечной“ — работѣ рефлексіи, анализа собственныхъ мыслей и чувствъ. Это были первые — инстинктивные — взмахи крыльевъ орленка.

Какъ извѣстно, „Юность“ оканчивается указаніемъ на новый „моральный порывъ“, возникшій послѣ разныхъ ошибокъ, уклоненій отъ „правилъ жизни“, провала на экзаменахъ и т. д. „Оправившись, я рѣшился снова писать правила жизни и твердо былъ убѣжденъ, что я уже никогда не буду дѣлать ничего дурного, ни одной минуты не проведу праздно и никогда не измѣню своимъ правиламъ. Долго ли продолжался этотъ нормальный порывъ, въ чемъ онъ заключался и какія новыя начала положилъ онъ моему моральному развитію, я разскажу въ слѣдующей, въ болѣе счастливой половинѣ юности“.

Овсянико-Куликовскій.

Постепенное измѣненіе жизни, какъ неизбѣжное слѣдствіе метаморфозъ души — основная идея „Дѣтства и отрочества“.

Повѣсть „Дѣтство, отрочество и юность“ — если не самое первое произведеніе графа Толстого, то, во всякомъ случаѣ, одно изъ первыхъ. Писалась она въ продолженіе пяти лѣтъ, отъ 1852 до 1857 года, съ значительными, впрочемъ, перерывами, такъ какъ въ теченіе

этого же времени начинающимъ тогда художникомъ были написаны и нѣкоторыя другія изъ его произведеній. Повѣсть эта, разсказанная отъ лица ея героя, изображаетъ жизнь русскаго человѣка помѣщичьей среды, начиная съ первыхъ воспоминаній дѣтства и кончая его юношескимъ возрастомъ. Судя по нѣкоторымъ словамъ автора, какъ бы нечаянно сорвавшимся у него въ повѣсти, можно думать, что у него былъ грандіозный планъ — прослѣдить жизнь человѣка до самой могилы, описать всѣ возрасты, какъ описалъ онъ дѣтство, отрочество и юность. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Я убѣжденъ въ томъ, что ежели мнѣ суждено прожить до глубокой старости, и разсказъ мой догонитъ мой возрастъ“ и т. д. Если наше предположеніе вѣрно, то можно отъ души пожалѣть, что графъ Толстой не выполнилъ этого плана. Вышедшая изъ-подъ его пера книга человѣческой жизни, судя по началу ея, могла бы быть смѣлымъ и поучительнымъ раскрытіемъ правды этой жизни, особенно интереснымъ потому, что уже по самой задачѣ она должна бы представить всю эту правду, все содержаніе жизни отъ первыхъ проблесковъ сознанія и до потери его въ наступающемъ безсиліи смерти и вслѣдствіе этого должна-бы полно и законченно выразить воззрѣніе художника на жизнь.

Возвращаясь отъ этихъ несбывшихся возможностей къ дѣйствительности, мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ объ основной идеѣ или замыслѣ разсматриваемой повѣсти. Богатый бытописательный матеріалъ, заключающійся въ ней, а еще болѣе господствовавшія одно время въ нашей литературѣ обличительныя стремленія, заставили нѣкоторыхъ критиковъ видѣть центръ тяжести всей повѣсти въ изображеніи помѣщичьяго быта крѣпостной Россіи. Самый выборъ сюжета объяснялся желаніемъ показать тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ неизбѣжно приходилось расти и развиваться въ извѣстный характеръ всякому ребенку привилегированнаго класса нашего общества. Съ своей стороны мы охотно признаемъ, что всякій желающій, дѣйствительно, найдетъ въ повѣсти графа Толстого много характерныхъ чертъ изображаемаго времени и извѣстной общественной среды, что многія лица повѣсти, какъ, напримѣръ, отецъ Николая Иртенева, его бабушка нѣмецъ-учитель — всѣмъ извѣстный Карлъ Ивановичъ, — нѣсколькими штрихами схваченная Наталья Саввишна, Дубковъ, князь Нехлюдовъ, имѣютъ несомнѣнное значеніе типовъ, принадлежащихъ опредѣленному времени; но, несмотря на это, намъ кажется, что графъ Толстой писалъ свою повѣсть, подчиняясь иному творческому мотиву, что передъ нимъ стояла задача показать формирующуюся душу человѣка не въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ общественно-историческихъ условій, но въ зависимости отъ присущихъ ей законовъ развитія; что онъ хотѣлъ представить постепенное измѣненіе жизни, какъ послѣдствіе неизбѣжныхъ метаморфозъ души. Какъ реалистъ, онъ воплотилъ свою идею въ формы дѣйствительной жизни тогдашней (т.-е. до-реформенной) Россіи; какъ художникъ, онъ создалъ образы, исполненные правды и силы, образы, естественно поднимающіеся до значенія ти-

повъ, но все это только необходимый для выраженія идеи матеріалъ, только канва, по которой художникъ вышиваетъ узоры внутренней жизни человѣка. За такое предположеніе говоритъ прежде всего избранная авторомъ форма повѣсти. Форма эта, какъ извѣстно, автобіографическая. Для объективнаго изображенія быта эта форма самая неудобная, такъ какъ она ставитъ всегда между изображеніемъ и читателемъ личность разсказчика и заставляетъ постепенно считаться съ его характеромъ (если только разсказчикъ не безличное и безхарактерное *я*, чего нельзя, конечно, сказать про Николая Иртеньева).

Если же художникъ на первый планъ выдвигаетъ интересъ къ внутренней жизни человѣка, если его задача заключается въ изображеніе того или другого психическаго состоянія, то автобіографическая форма произведенія, напротивъ, является весьма цѣлесообразною, такъ какъ позволяетъ весь разсказъ обратить въ характеристику героя разсказчика. И графъ Толстой съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался удобствами избранной имъ формы. Вчитайтесь въ языкъ, вслушайтесь въ тонъ, всмотритесь въ манеру разсказа въ отдѣльныхъ частяхъ повѣсти, соотвѣтствующихъ дѣтству, отрочеству и юности, и увидите, что въ первой — разсказъ этотъ дышитъ свѣжестью и наивною поэзіею дѣтскихъ впечатлѣній; во второй — вы уже чувствуете первыя вспышки еще несознанныхъ страстей и понятій, вносящихъ пока только какую-то смутную тревогу въ спокойный дотолѣ міръ дѣтской души; въ третьей — вы слышите разсказъ юноши, постоянно увлекающагося какой-нибудь идеей, постоянно стремящагося осуществить въ своемъ лицѣ того или другого героя и больше всего боящагося простоты и естественности жизни. Но не одна только форма повѣсти подтверждаетъ высказанную нами мысль объ ея основной задачѣ; къ тому же заключенію приводитъ и содержаніе ея, значительную долю котораго составляетъ никогда не покидаемый графомъ Толстымъ психологическій анализъ, направленный въ разбираемомъ произведеніи на раскрытіе тѣхъ своеобразныхъ и забытыхъ уже нами душевныхъ состояній, которыми мы жили въ дѣтствѣ и юности.

Фабула повѣсти проста въ высшей степени. Можно даже сказать, что она вовсе отсутствуетъ, такъ какъ дѣйствіе повѣсти движется не сцѣпленіемъ какихъ-либо внѣшнихъ событій и обстоятельствъ, но естественнымъ процессомъ роста ея героя. Поэтому и мы не будемъ слѣдить за ходомъ ея событій, а обратимся прямо къ тому достоинству, которое имѣетъ въ глазахъ автора каждый изъ описанныхъ имъ возрастовъ. — Самымъ гармоническимъ возрастомъ, самою счастливою порою въ изображеніи нашего художника является дѣтство. Въ душѣ ребенка не возникъ еще мучительный разладъ внутреннихъ противорѣчій, для него не настало еще время неизбѣжныхъ сомнѣній въ каждой привязанности, въ каждомъ чувствѣ; онъ радуется беззаботными и чистыми радостями, онъ любитъ полно и цѣльно, онъ жадно ловитъ еще новыя для него впечатлѣнія жизни. Все интересно для маленькаго Николеньки Иртеньева: и Карлъ Ивановичъ, котораго онъ уже умѣетъ лю-

бить, какъ сироту, какъ одинокаго человѣка; и папа, въ которомъ является ему безупречный образъ того, чѣмъ долженъ быть мужчина, и о возможности осужденія котораго ему не приходило въ голову еще ни одной мысли; и юродивый Гриша съ своими веригами и молитвами; и охота и лошади, которыхъ онъ зналъ въ подробности. Но на вершинѣ всѣхъ воспоминаній дѣтства, на недосягаемой высотѣ красоты и поэзіи стоитъ для него образъ матери. Въ образѣ этомъ графъ Толстой представилъ ту русскую женщину нашего обезпеченнаго дворянства — чистую, нѣжную, строгую къ самой себѣ, безгранично любящую и прощающую, — которая какимъ-то чудомъ явилась въ нашей жизни среди господствующей грубости и распущенности и которая въ наше болѣе „просвѣщенное" время готова, кажется, отойти въ область преданія. Этотъ образъ матери замѣчателенъ еще и тѣмъ, что во всемъ творчествѣ графа Толстого это едва ли не единственная личность съ идеальнымъ характеромъ. Художникъ пощадилъ ее отъ разлагающаго дѣйствія своего анализа и, создавъ ее нѣсколькими легкими штрихами, окружилъ тѣмъ поэтическимъ сіяніемъ.

Сравнивая свое настоящее съ давно пережитою порою дѣтства, авторъ пишетъ: „Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь еще въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели — невинная веселость и безпредѣльная потребность любви — были единственными побужденіями въ жизни? Гдѣ тѣ горячія молитвы? Гдѣ лучшій даръ — тѣ чистыя слезы умиленія? Прилетѣлъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и напѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію. Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?"

Строки эти производятъ впечатлѣніе какой-то сознанной человѣкомъ утраты. Было что-то большое и прекрасное, мелькнуло въ дѣтствѣ и затѣмъ исчезло навсегда, оставивъ въ душѣ только воспоминаніе о какомъ-то блаженствѣ, о какомъ-то эдемѣ, изъ котораго изгнали тебя проснувшіяся страсти да развившійся разумъ.

Этотъ-то процессъ развитія и изображаетъ авторъ далѣе, описывая отрочество и юность, — изображаетъ съ присущею ему смѣлостью и правдою. „Случалось ли вамъ, читатель, въ извѣстную пору жизни вдругъ замѣчать, что вашъ взглядъ на вещи совершенно измѣняется, какъ-будто всѣ предметы, которые вы видѣли до тѣхъ поръ, вдругъ повернулись къ вамъ другою, неизвѣстною еще стороной? Такого рода моральная перемѣна произошла во мнѣ въ первый разъ во время нашего путешествія, съ котораго я и считаю начало моего отрочества. Мнѣ въ первый разъ пришла мысль о томъ, что не мы одни, т.-е. наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь людей, ничего неимѣющихъ общаго съ нами, не заботящихся о насъ и даже неимѣющихъ понятія о нашемъ существованіи"...

Познакомился нашъ герой и съ чувствомъ ненависти (онъ ненавидѣлъ своего учителя — Жерома), и съ чувствомъ одиночества. Началась въ немъ и разрушительная работа мысли, словно на зло человѣку направляющаяся прежде всего на то, что для него наиболѣе дорого. „Я люблю отца", разсказываетъ Иртеньевъ, „но умъ человѣка живетъ независимо отъ сердца и часто вмѣщаетъ въ себя мысли, оскорбляющія чувство, непонятныя и жестокія для него. И такія мысли, несмотря на то, что я стараюсь удалить ихъ, приходятъ мнѣ".

Наконецъ, подростающей мысли нашего героя стали доступны и отвлеченные вопросы, и онъ сильно увлекался ими. „Дѣтскій слабый умъ мой со всѣмъ жаромъ неопытности старался уяснить тѣ вопросы, продолженіе которыхъ составляетъ высшую ступень, до которой можетъ достигать умъ человѣка, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему". То ему приходила мысль, что счастье наше зависитъ отъ насъ самихъ и что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ не быть несчастливъ; — и вотъ, чтобы пріучать себя къ этимъ страданіямъ, онъ уходилъ въ чуланъ и, какъ маленькій факиръ, стегалъ себя веревкой по голой спинѣ такъ больно, что слезы невольно выступали на глазахъ; то вспоминалось ему, что его ежечасно ожидаетъ смерть и что поэтому нелѣпо заботиться о будущемъ, а нужно только пользоваться настоящимъ, — и онъ подъ вліяніемъ этой мысли бросилъ уроки и три дня „занимался только тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался чтеніемъ какого-нибудь романа и ѣдою пряниковъ съ кроновскимъ медомъ, которые покупалъ на послѣднія деньги": то увлекался онъ скептицизмомъ и думалъ, что кромѣ него никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ. „Были минуты, что я", пишетъ онъ, „подъ вліяніемъ этой постоянной идеи, доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался на противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту (néant) тамъ, гдѣ меня не было". Для насъ здѣсь интереснѣе всего тотъ общій выводъ, который дѣлаетъ авторъ о значеніи ума въ вопросѣ человѣческаго счастья. „Жалкая, ничтожная пружина моральной дѣятельности, — умъ человѣка!" читаемъ мы. „Слабый умъ мой не могъ проникнуть непроницаемаго, а въ непосильномъ трудѣ терялъ одно за другимъ убѣжденія, которыя, для счастья моей жизни, я никогда бы не долженъ былъ смѣть затрогивать. Изъ всего этого тяжелаго моральнаго труда я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума ослабившей во мнѣ силу воли, и привычки къ постоянному моральному анализу, уничтожившей свѣжесть чувства и ясность разсудка".

И такъ — вотъ жребій человѣка! Выше и выше поднимаясь по ступенямъ духовнаго развитія, полнѣе и полнѣе освобождая свое сознаніе отъ господства страстей и привычекъ, человѣкъ въ то же время дальше и дальше отходитъ отъ своего счастья. Для счастья нужна какая-либо святыня, какая-либо завѣтная область, нужно что-либо безусловно прекрасное и обязательное, а развившаяся и свободная мысль человѣка не знаетъ для себя преградъ, все дѣлаетъ предметомъ

своего анализа, въ силу природы вещей всюду находитъ пятна и тѣни, въ самой прекрасной дѣйствительности видитъ лишь слабое подобіе идеальнаго и, облетая жизнь человѣка, отнимаетъ у него одно за другимъ условія его счастья. Мысль эта, впрочемъ, не новая: еще Шекспиръ подмѣтилъ этотъ фатумъ, тяготѣющій надъ человѣческимъ духомъ, и далъ ему вѣчное выраженіе въ Гамлетѣ. Характерно только, что и графъ Толстой находитъ нужнымъ высказать эту же мысль.

Юность, по словамъ графа Толстого, начинается съ того времени, когда благородныя мысли и стремленія къ нравственному усовершенствованію, привившіяся прежде только уму, становятся доступными и чувству и находятъ для себя живой органъ въ сложившейся уже моральной природѣ недавняго ребенка. Сущность новаго настроенія нашего героя всего лучше выражается въ слѣдующемъ искреннемъ и сильномъ порывѣ: „какъ могъ я не понимать этого (что красота, счастье и добродѣтель легки и возможны для него), какъ дуренъ я былъ прежде, какъ я могъ бы и могу быть хорошъ и счастливъ въ будущемъ!“ говорилъ онъ самъ себѣ: — „надо скорѣй, скорѣй, сію же минуту сдѣлаться другимъ человѣкомъ и начать жить иначе“. Всякій, у кого была юность не съ однимъ только разгуломъ физическихъ силъ, но и съ нравственнымъ содержаніемъ, вспомнитъ, что именно эти слова говорилъ онъ себѣ, что эти же образы красоты, счастья и добродѣтели манили его въ будущее и что внѣ ихъ онъ не понималъ и не хотѣлъ жизни... Но мы живемъ... А кто изъ насъ осуществилъ въ своей жизни эту красоту и счастье? Есть ли между нами даже такіе, у кого бы потребность красоты не смѣнилась стремленіемъ къ комфорту, жажда счастья — исканіемъ пріятныхъ ощущеній, желаніе добродѣтели — необходимостью всепризнанной морали?... Какъ же свершается это паденіе жизни — не внѣшней жизни, которая всегда одинакова, а нашего внутренняго міра, нашей души? — Обратимся къ повѣсти и посмотримъ, что вышло изъ стремленія юноши Иртеньева сдѣлаться другимъ человѣкомъ.

Стремленіе это выливается у Иртеньева въ цѣломъ рядѣ мечтаній. Такъ, передъ исповѣдью онъ мечталъ, что очистится отъ всѣхъ грѣховъ и больше не будетъ совершать поступковъ, которые теперь его мучатъ; мечталъ о томъ, что каждое воскресенье будетъ ходить въ церковь, что изъ своихъ денегъ будетъ помогать бѣднымъ, что самъ будетъ прибирать свою комнату, чтобы не затруднить человѣка; мечталъ онъ и о томъ, какъ сдѣлается первымъ ученымъ въ Европѣ; мечталъ о томъ, какъ будетъ ходить гулять на Воробьевы горы и встрѣтитъ тамъ *ее*. О ней, о воображаемой женщинѣ (которая была для него немножко Сонечка, немножко Маша, жена лакея, въ то время, когда она моетъ бѣлье въ корытѣ, и немножко женщина съ жемчугами на бѣлой шеѣ, которую онъ видѣлъ въ театрѣ), мечтаетъ онъ очень много; мечтаетъ онъ и о славѣ, о томъ, какъ люди будутъ знать и любить его, — и Богъ только знаетъ, о чемъ онъ не мечталъ тогда. Мечтанія эти не остаются безъ вліянія на его жизнь: такъ, вспомнивъ „одинъ

стыдный грѣхъ", который онъ утаилъ на исповѣди, онъ рѣшается ѣхать въ монастырь и исповѣдаться вторично. Эпизодъ этой поѣздки въ художественномъ отношеніи истинный шедевръ: графъ Толстой передаетъ его съ легкимъ оттѣнкомъ юмора, не мѣшающимъ ему отмѣтить и искреннее умиленіе юноши въ моментъ исповѣди, и въ то же время позволяющимъ указать и то тщеславное чувство, которое заставляетъ молодого ревнителя своей нравственной чистоты разсказать извозчику о цѣли своей поѣздки въ монастырь.

Сдавъ послѣдній экзаменъ въ университетѣ, герой нашъ, чтобы походить на большого, ѣздитъ по магазинамъ и тратитъ всѣ свои деньги на покупку совершенно ненужныхъ ему вещей; покупаетъ онъ также себѣ и табаку, такъ какъ ему, какъ студенту, нужно курить. Пріѣхавъ домой, онъ пробуетъ курить, но съ непривычки у него закружилась голова, ему сдѣлалось тошно и онъ, лежа на диванѣ, грустно думалъ съ разочарованіемъ: „вѣрно я еще не совсѣмъ большой, если не могу курить, какъ другіе, и что видно мнѣ не судьба, какъ другимъ, держать чубукъ между среднимъ и безымяннымъ пальцемъ, затягиваться и пускать дымъ черезъ русые усы".

Далѣе авторъ разсказываетъ намъ, какъ стремящійся къ красотѣ и правдѣ юноша выдумалъ себѣ любовь. „Мнѣ давно уже было совѣстно, глядя на всѣхъ своихъ влюбленныхъ пріятелей, за то, что я отсталъ отъ нихъ", говоритъ откровенный и правдивый разсказчикъ. И вотъ, увидѣвшись съ одною барышней, Сонечкой, которую онъ зналъ еще въ дѣтствѣ, онъ рѣшилъ въ тотъ же день, что влюбленъ въ нее. Объ этомъ чувствѣ онъ разсказалъ своему другу Дмитрію Нехлюдову; по пріѣздѣ же въ деревню, на каникулы, онъ подражая влюбленнымъ, цѣлые два дня ходилъ передъ своими домашними грустнымъ и задумчивымъ; на третій день, однако, притворства уже не хватило, и онъ совсѣмъ забылъ о своей любви.

Затѣмъ графъ Толстой раскрываетъ въ своемъ героѣ столь свойственное юношамъ тщеславное желаніе выказать себя другимъ человѣкомъ, чѣмъ есть, желаніе, заводившее студента Иртеньева въ дебри самой отчаянной лжи, заставлявшее его рисоваться фразами, мысли которыхъ онъ вовсе не сочувствовалъ, или напускать на себя несвойственныя и чуждыя ему настроенія.

Но, показывая всю ложь и фальшь, которыми полна дѣйствительность юности, графъ Толстой не забываетъ и того прекраснаго, что живетъ въ мечтахъ, порывахъ и стремленіяхъ этого возраста. Стоитъ прочесть, напримѣръ, слѣдующій исполненный поэтической прелести, отрывокъ, изображающій юношескія грезы, навѣянныя картиною ясной лѣтней ночи: „Все (въ этой картинѣ) получало для меня странный смыслъ — смыслъ слишкомъ большой красоты и какого-то недоконченнаго счастья. И вотъ явилась она, съ длинною, черною косой, высокою грудью, всегда печальная и прекрасная, съ обнаженными руками, съ сладострастными объятьями. Она любитъ меня, я жертвовалъ для одной минуты ея любви всею жизнью. Но луна все

выше и выше, свѣтлѣе и свѣтлѣе стояла на небѣ, пышный блескъ пруда, равномѣрно усиливающійся, какъ звукъ, становился яснѣе и яснѣе, тѣни становились чернѣе и чернѣе, свѣтъ прозрачнѣе и прозрачнѣе, и вглядываясь и вслушиваясь во все это, что-то говорило мнѣ, что она съ обнаженными руками и пылкими объятіями еще далеко-далеко, еще не все благо; и чѣмъ больше я смотрѣлъ на высокій, полный мѣсяцъ, тѣмъ истинная красота и благо казались мнѣ выше и выше, чище и чище, ближе и ближе къ Нему, къ источнику всего прекраснаго и благого, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мнѣ на глаза".

Итакъ, вступая черезъ отрочество, разрушившее наивный и очаровательно-чистый міръ дѣтства, въ юность, человѣкъ встрѣчаетъ въ ней много прекрасныхъ надеждъ, чувствуетъ въ себѣ много силъ и стремленій, которыя должны бы дать ему полное и высокое счастье; но едва онъ начинаетъ жить, тратить этотъ многообѣщающій запасъ силъ, какъ жизнь его наполняется какою-то мелочностью и ложью, столь непохожими на великія ожиданія отъ нея. Сбываются ли эти ожиданія въ позднѣйшіе періоды человѣческой жизни, объ этомъ не говоритъ разсматриваемая повѣсть, опускающая передъ нами занавѣсъ раньше даже, чѣмъ оканчивается юность; но объ этомъ говорятъ другія произведенія художника Толстого. *Бар. Дистерло.*

Форма и содержаніе „Дѣтства и отрочества" и способъ изображенія.

Изъ всѣхъ формъ повѣствованія, разсказъ отъ собственнаго лица автора или отъ подставного лица, исправляющаго его должность, предпочитается писателями, большею частію, въ первыя эпохи дѣятельности ихъ — въ эпохи свѣжихъ впечатлѣній и силъ. Несмотря на относительную бѣдность этой формы, она представляетъ ту выгодность, что поле для картины и канва для мысли, по милости ея, всегда заготовлены впередъ и избавляютъ писателя отъ труда искать благонадежный поводъ къ разсказу. Съ нея началъ Тургеневъ и на ней еще стоитъ гр. Л. Н. Т., два повѣствователя весьма различные по качествамъ своимъ и по направленію, но сходные тѣмъ, что у обоихъ чувствуется присутствіе мысли въ разсказахъ и оба могутъ подать случай къ соображеніямъ о роли мысли вообще въ изящной словесности. Разсказъ отъ собственнаго лица освобождаетъ автора отъ многихъ условій повѣствованія и значительно облегчаетъ ему путь. Съ первыхъ пріемовъ писатель уже становится въ положеніе человѣка, не слишкомъ озабоченнаго достиженіемъ предположенной цѣли, что позволяетъ ему иногда рѣзвиться передъ своимъ читателемъ, на просторѣ, а иногда даже кончить вояжъ на полдорогѣ. При разсказѣ отъ собственнаго лица немаловажное удобство состоитъ еще и въ томъ, что писатель самъ себѣ назначаетъ границы и можетъ избавиться отъ необходимости сообщить предмету описанія настоящій его объемъ, истинныя

его очертанія. Отъ каждаго предмета онъ свободно беретъ только ту часть, которая или удачно освѣщена, или живописно выдалась впередъ. Задача писателя, разумѣется, на половину облегчена всѣми этими привилегіями, но и это еще не все. Писатель, разсказывающій отъ себя, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и адвокатъ своего дѣла. Онъ искусно оправдывается передъ читателемъ въ своихъ недоговорахъ, и если успѣлъ возбудить его симпатію, легко получаетъ согласіе даже на сдѣлки съ лицами и характерами, которые въ строгомъ, художественномъ повѣствованіи никогда бы не могли явиться. Онъ вполнѣ пользуется правомъ человѣка, состоящаго на лицо: съ нимъ всегда поступаютъ снисходительнѣе, чѣмъ съ отсутствующимъ. Однакожъ, по закону равновѣсія, существующему вездѣ, даже въ отношеніяхъ между авторомъ и чтецомъ его, выгоды, перечисленныя нами, не бываютъ подъ силу. Если съ одной стороны ослабѣваютъ требованія и изысканія критики, то они дѣлаются строже и придирчивѣе съ другой. И во-первыхъ, разсказчикъ обязанъ выразить личное мнѣніе свое о каждомъ предметѣ, встрѣчающемся на пути его, чего никогда не требуется отъ правильнаго повѣствованія, гдѣ только важно общее впечатлѣніе; затѣмъ, примѣры и наблюденія его должны отличаться самостоятельностью, зоркостью и умомъ въ степени, какой другого рода произведенія ее обязаны достигать; наконецъ, по участію живой личности автора во всѣхъ, такъ сказать, обстоятельствахъ повѣствованія, она сама должна обладать качествами, способными остановить вниманіе читателя... Только на этихъ условіяхъ предоставляется право разсказчику свободно отдаться теченію и даже капризу своей мысли и своего вдохновенія. Случалось и, вѣроятно, еще много разъ будетъ случаться, что писатели, прельщенные выгодами формы личнаго повѣствованія, принимались за нее, не взвѣсивъ предварительно важности условій, съ ней сопряженныхъ.

Авторъ „Исторіи четырехъ эпохъ“ далъ публикѣ еще только описаніе двухъ первыхъ эпохъ своихъ, именно: „Дѣтство“ и „Отрочество“, но уже способъ созданія его достаточно уяснился и можетъ быть оцѣненъ критикой. Онъ, разумѣется, говоритъ отъ себя и про себя, но здѣсь обыкновенные недостатки формы личнаго разсказа могли быть отстранены съ успѣхомъ по существу дѣла. Авторъ передаетъ намъ дѣйствительное развитіе собственнаго нравственнаго существа съ той минуты, когда мысль, какъ синій огонекъ разгорающагося газоваго проводника едва-едва теплится, не освѣщая еще вокругъ себя ничего, до тѣхъ поръ, пока, съ развитіемъ организма, она все болѣе и болѣе крѣпнетъ и начинаетъ ярко озарять предметы и лица. Само собой разумѣется, что строгость психическаго наблюденія, необходимаго при этомъ, уже должна была исключить произволъ, развязность въ пріемахъ и игру съ предметомъ описанія. Разсказы гр. Л. Н. Т. имѣютъ строгое выраженіе, и отсюда тайна впечатлѣнія, производимаго ими на читателя. Съ необычайнымъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за нарождающимися впечатлѣніями сперва ребенка, а потомъ отрока, и

каждое слово его проникнуто уваженіемъ, какъ къ задачѣ, принятой имъ на себя, такъ и къ возрасту, который столько же имѣетъ неразрѣшенныхъ вопросовъ, нравственныхъ паденій и поворотовъ, сколько и всякій другой возрастъ. Все это не могло остаться безъ послѣдствій. Полнота выраженій въ лицахъ и предметахъ, глубокія психическія разъясненія и, наконецъ, картина нравовъ извѣстнаго свѣтскаго и строго приличнаго круга, картина, написанная такой тонкой кистью, какой мы давно не видали у себя при описаніи высшаго общества, были плодомъ серіознаго пониманія авторомъ своего предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніе первыхъ колебаній воли, сознаніе мыслей у ребенка, благодаря тому же качеству, возвышаются у автора до исторіи всѣхъ дѣтей извѣстнаго мѣста и извѣстной эпохи, и какъ исторія, написанная поэтомъ, она уже заключаетъ, рядомъ съ поводами къ эстетическому наслажденію, и обильную пищу для всякаго мыслящаго человѣка.

Замѣчательная дѣятельность мысли была уже необходима, разумѣется, автору для представленія молодого существа, жизнь котораго есть только развитіе идей, въ чемъ, между прочимъ, дѣти сходятся со многими писателями — разница только въ значеніи и качествѣ идей. Но при участіи мысли въ созданіи — первый вопросъ, представляющійся обсужденію всегда одинъ: какъ проявляется мысль у автора? Повѣствованіе гр. Л. Н. Т. имѣетъ многія существенныя качества изслѣдованія, не имѣя ни малѣйшихъ внѣшнихъ признаковъ его и оставаясь, по преимуществу, произведеніемъ изящной словесности. Искусство здѣсь находится въ дружномъ отношеніи къ мысли, постоянно присутствующей въ разсказѣ, и указать способъ, какимъ образомъ совершилось это примиреніе, — значитъ подтвердить живымъ примѣромъ основныя положенія нашей статьи. Прежде всего должно замѣтить, что авторъ всегда держится перваго жизненнаго условія всякаго художественнаго повѣствованія: онъ не пытается извлечь изъ предмета описанія то, что онъ дать не можетъ, и поэтому не отступаетъ ни на шагъ отъ простого психическаго изслѣдованія его. Нѣтъ признаковъ противоэстетическаго смѣшенія цѣлей въ разсказахъ графа Л. Н. Т. — ничего не приноситъ онъ извнѣ, заготовленнаго другими, такъ же какъ отстраняетъ отъ нихъ вліяніе какихъ-либо любимыхъ идей, почерпнутыхъ въ особенномъ представленіи общества и человѣка, болѣе или менѣе благородномъ, болѣе или менѣе имѣющемъ похвальную цѣль. Онъ избѣгнулъ этихъ пятенъ современной литературы: оттого и содержаніе произведеній его имѣетъ здоровый видъ, убѣдительность и ясность почти физическихъ предметовъ. Онъ зорко смотритъ на себя и вокругъ себя, и мысль его въ обоихъ случаяхъ устремлена только на то, чтобъ показать сущность характеровъ и происшествій за внѣшними подробностями, затемняющими ихъ значеніе для менѣе проницательныхъ глазъ. Когда достигаетъ онъ поясненія ихъ же природными свойствами, онъ останавливается, не заботясь о томъ, какой видъ начинаютъ они принимать послѣ того: работа его кончилась, и это мы называемъ художнической работой.

Затѣмъ любопытно посмотрѣть на самое приложеніе его психическаго анализа къ дѣлу. Едва вспоминаетъ онъ какое-либо дѣтское ощущеніе, какую-либо раннюю попытку ребяческой мысли, какъ въ то же время представляется ему давленіе этой мысли на самый характеръ молодого человѣка и цѣпь случаевъ, происшествій, вызванныхъ ею; другими словами, онъ облекаетъ ее въ форму искусства, даетъ ей плоть и настоящее бытіе въ области изящнаго. Въ какомъ вѣрномъ отношеніи находятся эти результаты съ первымъ поводомъ, родившимъ ихъ, читатель можетъ убѣдиться самъ въ разсказахъ графа Л. Н. Т. Рѣдкіе писатели такъ логически послѣдовательны, такъ строго вѣрны своимъ идеямъ и рѣдкіе такъ сильно убѣждены въ единствѣ мысли и поступка, какъ онъ. Все это показываетъ, во-первыхъ, истинное пониманіе сущности автобіографіи, а во-вторыхъ, глубокое его познаніе самой природы того возраста, котораго онъ сдѣлался историкомъ. При этомъ живомъ художественномъ объясненіи дѣтства есть одна черта у автора, которая обнаруживаетъ его способность пониманія предметовъ чисто поэтически, именно: онъ вѣруетъ въ жизненное дѣйствіе его организма и съ настоящимъ чувствомъ поэта уловляетъ ту минуту, когда природа сама по себѣ, безъ всякаго пособія со стороны, даетъ искру мысли, первый признакъ чувства и первую наклонность.

Онъ слѣдитъ потомъ за ходомъ ихъ во всемъ ихъ извилистомъ полетѣ черезъ множество ощущеній и случаевъ, которые они окрашиваютъ своимъ цвѣтомъ. Какъ поступаетъ авторъ въ отношеніи самого себя, своей внутренней исторіи, такъ поступаетъ онъ и въ отношеніи внѣшней обстановки, гдѣ судьба опредѣлила ему находиться.

Онъ не обсуждаетъ тотъ кругъ, куда былъ поставленъ, и который, не очень глубоко и серіозно понимая вещи, бережетъ только внѣшній видъ достоинства и благородства: онъ его описываетъ. Кругъ этотъ служитъ рамой для автора, гдѣ вращается повѣствованіе его о странствіяхъ дѣтской мысли, безпрестанно возникающей по закону собственной производительности. Отношенія между кругомъ и юнымъ наблюденіемъ, старающимся разгадать его и испытывающимъ на себѣ его вліяніе, составляетъ хронику, исполненную занимательности, перипетій и катастрофъ, которыя, къ удивленію читателя, оковываютъ его вниманіе, какъ перипетіи и катастрофы драматическихъ героевъ, и такимъ образомъ, изъ представленія параллельнаго, жизненныхъ явленій и психическихъ движеній образуется у него разсказъ, исполненный мысли и вполнѣ художественный. Само собой разумѣется, что если таково общее впечатлѣніе его разсказовъ, то и всѣ подробности ихъ отличаются тѣмъ же характеромъ.

У повѣствователя нашего уже почти нѣтъ малозначительныхъ внѣшнихъ признаковъ для лица, ничтожныхъ подробностей для событія. Наоборотъ, каждая черта въ тѣхъ и другихъ доведена до значенія, иногда до разумности, смѣемъ выразиться, поражающей даже и такіе глаза, которые отъ привычки къ темнотѣ мало способны къ различенію

предметовъ. Отсюда рождается замѣчательная выпуклость какъ лицъ, такъ и происшествій. Авторъ доводитъ читателя, неослабной провѣркой всего встрѣчающагося ему, до убѣжденія, что въ одномъ жестѣ, въ незначительной привычкѣ, въ необдуманномъ словѣ человѣка скрывается иногда душа его, и что они часто опредѣляютъ характеръ лица такъ же вѣрно и несомнѣнно, какъ самые яркіе, очевидные поступки его. Обѣ части разсказа наполнены подобными изображеніями роли второстепенныхъ и третьестепенныхъ признаковъ въ жизни человѣка, но особенно выказалось это присутствіемъ мысли, наполняющей содержаніемъ все, до чего она коснулась, въ главахъ второго разсказа: „Отрочество". Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, авторъ рисуетъ способъ держаться двухъ подругъ, Любочки и Катеньки, и, не говоря ни слова о разности ихъ характеровъ, открываетъ нравственную сущность обѣихъ дѣвушекъ — въ манерѣ ходить, носить голову, складывать руки, говорить съ людьми и смотрѣть на подходящаго, возвышая такимъ образомъ незначительные внѣшніе признаки до вѣрныхъ, глубокихъ психическихъ свидѣтельствъ.

Происшествія въ разсказѣ имѣютъ точно такое же значеніе: вездѣ его переводъ мысли на дѣло, на существенность. Каждая дробная часть душевной, нравственной жизни отражается у автора въ такомъ же добромъ, мелкомъ, но граціозномъ и вѣрномъ случаѣ. Истинна обоихъ, какъ перваго повода, такъ и результата, особенно подтверждается тѣмъ, что въ разсказѣ гр. Л. Н. Т. нѣтъ признака анахронизмовъ или хронологическаго смѣшенія происшествій. Впечатлѣнія и событія дѣтства проще, наивнѣе, граціознѣе впечатлѣній и событій отрочества, которыя становятся сложнѣе, запутаннѣе, разсудочнѣе и потому драматичнѣе. Вотъ почему мысли и оболочка ея въ области искусства, т.-е. характеры, образъ и событія слиты у автора и представляютъ одно цѣлое, дѣйствующее сильно и благодѣтельно на читателя.

Мы возстали противъ авторскаго вмѣшательства вообще въ разсказъ, но, конечно, подобное изложеніе двухъ первоначальныхъ эпохъ жизни не могло быть сдѣлано иначе какъ возмужалой рукой, которая вездѣ и проглядываетъ. Вмѣшательство автора тутъ, однакоже, отходитъ въ общую систему, которая, какъ можно замѣтить, присутствовала при сочиненіи разсказовъ. Оно допущено, какъ поясненіе того, что смутно лежитъ въ представленіи ребенка, но что уже лежитъ въ немъ — несомнѣнно. Авторъ дѣлается только толмачемъ дѣтскихъ впечатлѣній. Такъ, буря на дорогѣ, во второмъ разсказѣ, столь превосходно описанная, конечно, не такъ полно и подробно могла отразиться въ воображеніи ребенка, но она отразилась въ немъ цѣликомъ, грудой, уже заключавшей всѣ подробности, уловленныя и опредѣленныя впослѣдствіи. Возмужалый авторъ только ихъ развилъ, извлекъ изъ темнаго представленія для ясной, поэтической картины и ею пояснилъ себѣ то, что въ первые годы только чувствовалъ. Таково и вездѣ его вмѣшательство.

Оставляемъ нѣкоторыя критическія замѣчанія до полнаго выхода произведеній гр. Л. Н. Т., но скажемъ теперь же, что если послѣднія двѣ части его разсказа, которыхъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ, будутъ надѣлены такой же дѣльной мыслію и такимъ же изложеніемъ многоразличныхъ ея проявленій въ жизни, то мы можемъ теперь же поздравить себя съ замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ. Конечно, послѣдующая работа автора гораздо труднѣе, чѣмъ та, которую онъ уже представилъ публикѣ; дѣтство и отрочество имѣютъ въ самомъ себѣ много такого, что подкупаетъ и привлекаетъ читателя: эпохи юношества и возмужалости уже требуютъ изображенія характера, который, по сущности своей, по своимъ стремленіямъ и даже по своимъ паденіямъ достоинъ былъ бы усилій и изысканій мысли. Тутъ предстоитъ опасность встрѣтить разнорѣчивыя мнѣнія о человѣкѣ, чего вполнѣ можетъ избѣгнуть эпоха дѣтства, имѣющая въ себѣ полное оправданіе. Не будемъ однакоже загадывать напередъ, а скорѣе полагаться на природную силу таланта въ авторѣ, которую онъ особенно показалъ въ сферѣ искренняго и глубокаго разъясненія душевныхъ оттѣнковъ. Судя даже по тому, что теперь имѣемъ отъ него, мы уже съ полнымъ убѣжденіемъ причисляемъ гр. Л. Н. Т. къ лучшимъ нашимъ разсказчикамъ и ставимъ его имя на ряду съ именами гг. Гончарова, Григоровича, Писемскаго и Тургенева, — именами, которыя, конечно, останутся въ памяти читателей и на страницахъ исторіи русской словесности и будутъ почтены добрымъ словомъ какъ тамъ, такъ и здѣсь.

Анненковъ.

Художественныя достоинства „Дѣтства и Отрочества“.

Повѣсть Л. Н. Т. „Отрочество“ мы читали, перечитали, и готовы опять читать. Мы испытывали тѣ же чувства удовольствія безграничнаго, съ которыми познакомились два года назадъ, читая „Дѣтство“, повѣсть того же автора. Не знаемъ, что больше хвалить въ этихъ двухъ повѣстяхъ: талантъ ли автора неоспоримый, мастерство ли разсказа, или ту умную наблюдательность, которая такъ рѣдка. Сверхъ того, гр. Л. Н. Т. во многихъ мѣстахъ своихъ повѣстей — истинный поэтъ. Всѣ эти достоинства поставили гр. Л. Н. Т. сразу, какъ семь лѣтъ назадъ г. Гончарова, съ которымъ у него очень много общаго, въ число немногихъ лучшихъ нашихъ писателей послѣдняго времени.

Насъ поразило въ гр. Л. Н. Т. то умѣнье писать, которое дается только долгими и трудными годами опытности. Ни одного слова лишняго, ни одной черты ненужной, ни одной фразы безъ картинки или безъ цѣли: это доказываетъ, что гр. Л. Н. Т. трудится и долго трудится надъ своими произведеніями и не бросаетъ ихъ въ печать недоконченными. Обѣ повѣсти по смыслу уже самаго заглавія „Дѣтство“ и „Отрочество“, обнимаютъ предметы очень широкіе. Дѣтство и отрочество могутъ быть или такія, какъ они описаны у графа Л. Н. Т., могутъ существовать и при совершенно другихъ условіяхъ. Всѣ недавно читали

дѣтство и отрочество Копперфильда, написанное авторомъ, знаменитымъ своими описаніями дѣтскаго возраста; читали у того же Диккенса исторію множество другихъ дѣтей, развившихся подъ совершенно другими условіями, какъ, напримѣръ, несчастнаго Джо въ послѣднемъ романѣ: „Холодный домъ". Слѣдовательно, это рама очень широкая, и въ нее можно вставлять какія угодно картины. Графъ Т. написалъ на эту тему нашу русскую картину, и сумѣлъ въ ней быть такимъ же глубокимъ наблюдателемъ общей человѣческой натуры, какъ и Диккенсъ — вотъ его главное достоинство. Англичанинъ пойметъ ее такъ же хорошо, какъ и русскій, хотя это и совершенно русская картина. Отъ этого же, въ исторіи дитяти, которую описываетъ гр. Т., хотя и не всѣ найдутъ общественныя условія своего развитія, но въ то же время ее всѣ поймутъ и будутъ сочувствовать этому дитяти, потому что будутъ видѣть въ немъ себя, только подъ другими формами. Если жизнь деревенская, путешествіе на долгихъ въ Москву и пребываніе въ Москвѣ знакомятъ васъ съ эссенціею чисто русскаго общества, то въ первомъ пробужденіи ума, въ первыхъ наклонностяхъ дитяти и въ дальнѣйшемъ его развитіи мы видимъ исторію не одной русской, но и вообще человѣческой жизни.

Дѣтство, какъ обширная цѣпь разнородныхъ поэтическихъ и безотчетныхъ нашихъ представленій объ окружающемъ, дало автору возможность взглянуть на всю деревенскую жизнь въ такихъ же поэтическихъ чертахъ. Онъ выбралъ изъ этой жизни все, что поражаетъ дѣтское воображеніе и умъ, а талантъ автора былъ такъ силенъ, что представилъ эту жизнь именно такою, какъ ее видитъ ребенокъ. Все окружающее его входитъ въ его повѣсть настолько, насколько оно поражаетъ воображеніе дитяти, и потому всѣ главы повѣсти, повидимому, совершенно разрозненныя, соединяются въ одно: всѣ онѣ показываютъ взглядъ ребенка на міръ. Но большой талантъ автора виденъ еще вотъ въ чемъ. Казалось бы, при такой манерѣ изображать дѣйствительную жизнь подъ вліяніемъ дѣтскихъ впечатлѣній, трудно дать мѣсто взгляду недѣтскому и вполнѣ обрисовать характеры: подивитесь же, когда, по прочтеніи этихъ разсказовъ, ваше воображеніе живо нарисуетъ вамъ и мать, и отца, и няню, и гувернера, и все семейство, и нарисуетъ красками поэтическими.

Въ отрочествѣ безотчетность дѣтскаго представленія исчезаетъ; умъ начинаетъ какъ будто что-то понимать и, какъ справедливо говоритъ авторъ, начинаетъ понимать, что, кромѣ родныхъ и семейства, существуетъ много другихъ людей, которые живутъ... „Но какъ живутъ, чему ихъ учатъ и кто ихъ учитъ, во что они играютъ, и наказываютъ ли ихъ?..." Первый толчокъ, который получилъ умъ ребенка, во время дороги изъ деревни въ Москву, начинаетъ съ лѣтами развиваться быстрѣе, и характеръ ребенка завязывается. Сцена на балѣ въ Москвѣ, за которую „отрока" посадили въ чуланъ, написана съ такимъ же великимъ знаніемъ, какъ и сцены дѣтства. Что-то борется, ломается въ ребенкѣ; неопредѣленныя мысли, неясныя чувства, безотчетныя же-

ланія, всѣ выражаются въ этомъ переходномъ возрастѣ — и они прекрасно изображены и поняты гр. Т. Слабѣе и не вполнѣ изображены тѣ вопросы, которые занимаютъ насъ въ отрочествѣ, — занимаютъ и въ то же время пугаютъ пробуждающуюся мысль. Что̀ именно могло занимать мысль пятнадцатилѣтняго Николая, совершенно справедливо указано авторомъ въ XVIII главѣ „Отрочества", но указано какъ общая программа. Не такъ онъ выразилъ дѣтство и его смутныя представленія: они слились у него съ жизнію и случаями семейной жизни; не такъ онъ выразилъ и первое броженіе неустановившагося характера: оно все видно на сценѣ на балу, въ забавахъ съ товарищами, въ ненависти къ Jerom'у; но первое развитіе мысли осталось пока только программою... Впрочемъ, въ „Отрочествѣ" оно только и начинается: дальнѣйшее развитіе должно быть въ юности, гдѣ мы, конечно, и увидимъ его. Что поражало впервые пугливую мысль въ отрочествѣ, становится яснѣе въ юности, потому что дѣлается опредѣленнѣе. Гр. Т. — истинный поэтъ, и на кого не подѣйствуетъ описаніе грозы въ „Отрочествѣ", тому не совѣтуемъ читать стиховъ ни г. Тютчева ни г. Фета: тотъ ровно ничего не пойметъ въ нихъ; на кого не подѣйствуютъ послѣднія главы „Дѣтства", гдѣ описана смерть матери, въ воображеніи и чувствѣ того уже ничѣмъ не пробьешь отверстія. Кто прочтетъ XV главу „Дѣтства" и не задумается, у того въ жизни рѣшительно нѣтъ никакихъ воспоминаній.

Въ доказательство нашихъ словъ, позволимъ себѣ указать на описаніе грозы во время дороги, какъ отдѣльный и полный эпизодъ. Въ немъ читатель увидитъ и ту наблюдательность, о которой мы говорили, и ту поэзію, съ которой мы знакомы по стихотвореніямъ гг. Фета и Тютчева; увидитъ и мастерство Т. не говорить фразъ, ничего незначащихъ, но каждымъ словомъ рисовать новыя картины; увидитъ также и отсутствіе всякой аффектаціи въ разсказѣ и простоту необъяснимую. Кто не читалъ самой повѣсти, тотъ все-таки не пойметъ изъ нашихъ словъ всѣхъ достоинствъ разсказа Толстого. Кто, слыша въ нашей литературѣ и особенно критикѣ много то̀лковъ о художественности, не понялъ (а это очень немудрено), что̀ такое писатель-художникъ, тому посовѣтуемъ прочесть произведеніе Толстого, и онъ пойметъ художественность лучше всякихъ разсужденій. Толстой преимущественно и исключительно художникъ: всѣ эти достоинства, о которыхъ мы говорили выше, служатъ Толстому, какъ вспомогательныя средства сдѣлать свой разсказъ художественнымъ. Это его цѣль, дальше которой онъ и не идетъ. Но ею-то и стоитъ полюбоваться: какъ выставить столько лицъ, сколько ихъ въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ", выставить въ идеальномъ свѣтѣ, и ни одно изъ нихъ не утрировать! Какъ спрятать до такой степени мысль за цѣлый рядъ живыхъ лицъ, что сперва кажется, будто все произведеніе написано безъ всякой мысли! Какъ умѣть изъ такихъ мелкихъ подробностей, разъединенныхъ между собою, составить цѣлую картину, полную жизни и тѣсно связанную въ частяхъ! *Изъ „Отечественныхъ Записокъ" 1854 г.*

Военный бытъ въ изящной литературѣ до Толстого.

Вся читающая публика оцѣнила талантъ Толстого, и мы не считаемъ нужнымъ распространяться о томъ, что̀ хорошо знаетъ сама публика. Но, можетъ-быть, еще немногіе изъ читателей отдаютъ себѣ полный отчетъ въ томъ, какой огромный шагъ сдѣланъ былъ графомъ Толстымъ, какъ живописцемъ военныхъ сценъ, по изученію дѣйствительной и вседневной жизни военнаго русскаго человѣка. До сихъ поръ между нашими литераторами было весьма мало настоящихъ военныхъ людей, — обстоятельство чрезвычайно невыгодное въ томъ отношеніи, что нравы и бытъ военнаго сословія, столь многочисленнаго въ Россіи, ускользали отъ пера нашихъ писателей по ихъ малому знакомству съ этимъ нравомъ и бытомъ. Сколько ни читай книгъ, сколько ни встрѣчай офицеровъ въ гостиной, сколько ни гляди на казармы и на солдатъ во время ученья, военной жизни (точно такъ же, какъ и всякой другой жизни) не узнаешь изъ такихъ праздныхъ наблюденій. Лермонтовъ, самъ служившій въ офицерахъ и бывавшій подъ пулями, сдѣлалъ многое, но мы лишились этого человѣка, едва успѣвъ насладиться его первыми созданіями. Послѣ Лермонтова пришло время рутины, ничѣмъ ни оправдываемой и ничѣмъ не измѣняемой. Обыкновенно люди, мало знающіе и худо изучившіе свой предметъ, силятся прикрыть скудость свою обобщеніями и хитрыми выводами, въ которыхъ бываетъ все, кромѣ истины и дѣйствительности. По причинѣ малаго знанія и страсти къ обобщеніямъ, наша литература, со времени Грушницкаго и Максима Максимыча до появленія разсказовъ графа Толстого, относилась къ русской военной жизни съ величавостью долговязаго младенца, нахватавшагося верховъ по книжкамъ и силящагося судить о предметахъ, ему вовсе незнакомыхъ. Бытъ русскаго воина, его интересы и подвиги, его достоинства и слабости, его возвышенныя и темныя стороны — все это было незнакомо рѣдкимъ изъ нашихъ писателей, изрѣдка выводившихъ военнаго человѣка въ своихъ разсказахъ. Такіе писатели дѣйствовали двумя путями: или жили на счетъ Лермонтова, передѣлывая его типы на свой ладъ, или, что̀ еще хуже, не зная ни военнаго быта ни военныхъ людей, составляли военнаго человѣка подобно нѣмцу-критику, рисовавшему верблюдовъ не съ натуры, но изъ сокровенной глубины своего самосознанія! Но сокровенная глубина самосознанія вела лишь къ пустой дидактикѣ и карающему юмору, не каравшему ровно никого и ничего на свѣтѣ. Подъ вліяніемъ этой скудости и развелись въ нашихъ романахъ нигдѣ не существующіе типы юношей, непремѣнно усатыхъ и самодовольныхъ, комическихъ безъ комизма, очертанныхъ безъ знанія дѣла. Старосвѣтскіе литераторы въ офицерѣ изображали непремѣнно красавца и удальца, перваго любовника, Вельскаго или Лидина; повѣствователи новаго поколѣнія бросились въ противоположную крайность. Каждый рисовалъ не съ натуры, а *отъ себя*, и эта рисовка *отъ себя* происходила

оттого, что изъ художниковъ никто не изучалъ натуры, а бродилъ въ сумракѣ своего сокровеннаго самосознанія. Намъ говорятъ, что военные люди всегда щекотливы на сатиру, и что это обстоятельство связывало руки у нравоописателей, но мы смѣемъ сказать, что, по странной игрѣ случая, эта дѣйствительная или воображаемая щекотливость принесла пользу словесности, избавивъ ее отъ цѣлаго ряда нелѣпыхъ созданій, цѣлой сотни ложныхъ типовъ. Кто изъ новыхъ писателей, послѣ Лермонтова и отчасти Гоголя, могъ знать и описывать военнаго русскаго человѣка? Кто изъ нихъ могъ бы сочинить хотя одну страницу изъ „Набѣга“ и „Рубки лѣса“? А между тѣмъ поползновеніе писать военныя сцены было у многихъ, только сцены эти писались бы отъ себя изъ сокровенной глубины литераторскаго самосознанія. Нѣтъ, мы отъ души радуемся, что такихъ сценъ у насъ писалось немного.

Въ такомъ отношеніи находилась русская литература наша къ военному быту, когда графъ Толстой сталъ печатать свои военные разсказы. Первымъ появился „Набѣгъ“, разсказецъ хорошенькій и какъ будто набросанный съ небрежностью, но разсказецъ, до такой степени исполненный поэзіи военной жизни, что многіе знатоки литературы, наслаждаясь поэзіей „Набѣга“, почти не отдали справедливости другимъ сторонамъ произведенія. Дѣйствительно, въ „Набѣгѣ“, есть что-то, особенно опьяняющее, волнующее душу и не дающее возможности остановиться на прозаической, вседневной сторонѣ разсказа. Эта картина выступленія войскъ, приготовленій къ бою, ночлеговъ подъ открытымъ небомъ, ощущеній подъ первыми пулями, картина смерти и веселости, рыцарства и беззаботности, удальства и унылыхъ минутъ послѣ набѣга, была дѣйствительно плѣнительна, но не менѣе плѣнительны и вѣрны были лица военныхъ людей, выведенныхъ въ набѣгѣ. Розенкранца и капитана Хлопова еще не бывало въ нашей повѣствовательной литературѣ. Съ появленіемъ „Рубки лѣса“ слава образцоваго военнаго разсказчика окончательно утвердилась за графомъ Толстымъ, въ то же самое время печатавшимъ свои „Очерки Севастополя“. Сильный талантъ, наблюдатель и мастеръ, военный человѣкъ, истинный воинъ по службѣ и призванію — сказались читателю самому недальновидному.

Намъ, пишущимъ людямъ, стало радостно думать, что одинъ изъ нашихъ талантливѣйшихъ сверстниковъ присутствуетъ съ русскими войсками на сценѣ дивныхъ севастопольскихъ подвиговъ, не только въ качествѣ зрителя и живописца, но въ качествѣ настоящаго воина, до тонкости знающаго военныхъ людей и военный бытъ, военныя радости и горести военнаго званія. Русская литература не могла имѣть въ стѣнахъ Севастополя лучшаго и надежнѣйшаго представителя. И когда осада кончилась, и когда авторъ „Рубки лѣса“ вернулся къ намъ не только цѣлый и здоровый, но еще съ „Севастополемъ въ августѣ“ для декабрьской книжки „Севременника“, онъ былъ встрѣченъ въ Москвѣ и Петербургѣ какъ одинъ изъ первыхъ русскихъ

писателей и чуть ли не единственный знатокъ поэзіи военнаго быта. Рукопись, имъ привезенная, не обманула ожиданій нашихъ, и послѣдній очеркъ Севастополя вышелъ едва ли не лучше двухъ первыхъ. Послѣ братьевъ Козельцовыхъ, Вланга, совѣстно вспоминать о военныхъ типахъ, когда-то выводимыхъ въ нашей литературѣ.

Передъ знаніемъ дѣла совершенно разрушились всѣ фантастическія понятія о военной жизни такъ, какъ они описывались до сихъ поръ въ литературѣ нашей. И что̀ до крайности поучительно: у графа Толстого, въ его разсказахъ изъ военнаго быта, знаніе дѣла всегда идетъ объ руку съ несомнѣнной поэзіею. Тутъ-то и видна справедливость стараго сравненія поэзіи съ вѣковымъ и сильнымъ деревомъ. Чѣмъ глубже сидятъ корни дерева, тѣмъ выше вздымается къ небу его вершина. У насъ многіе поэты думаютъ противное. Не давши своей житейской опытности пустить корень въ глубину родной почвы, они думаютъ, что ихъ поэзія вознесется къ небу изъ глубины самосознанія и грубыхъ дидактическихъ теорій. Не заложивъ прочнаго фундамента, они уже придаютъ изукрашенный видъ крышѣ своей постройки. Оттого ихъ зданіе валится на бокъ, оттого ихъ дерево чахнетъ и хирѣетъ и гнется къ землѣ, а они тому радуются. Это великое несчастіе дидактиковъ, утверждающихъ намъ, что верхушка вѣкового дуба должна стлаться по землѣ, а не возноситься къ небу. Въ землѣ долженъ сидѣть корень дерева; если же оно не возноситъ къ небу свои вершины, значитъ дерево или гнило, или еще очень молодо...

Дружининъ.

Типы и картины въ военныхъ разсказахъ Толстого.

Современныя военныя событія сдѣлались въ нашей литературѣ источникомъ многихъ разсказовъ, чрезвычайно живописныхъ; они же были предлогомъ и къ установленію той новой манеры въ этихъ описаніяхъ, которую выработала литература въ послѣднее время. Каждое великое отечественное событіе всегда отзывалось въ нашей словесности и выражалось въ описаніи сраженій, походовъ, въ историческихъ запискахъ очевидцевъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что и нынѣшняя великая война привела литературу къ тѣмъ же результатамъ. Но въ манерѣ описанія, собственно въ литературномъ отношеніи, мы видимъ разницу между записками современниковъ другихъ войнъ и между нынѣшними писателями, видимъ другіе пріемы, другую наблюдательность, другой языкъ, носящіе на себѣ рѣзкую печать литературы нашей эпохи. Вотъ на это-то мы и хотимъ обратить вниманіе.

Долгое время въ нашей литературѣ Марлинскій, а потомъ Лермонтовъ были образцами, которымъ старались подражать всѣ, когда дѣло касалось изображенія личностей, взятыхъ изъ военнаго круга; долгое время нѣкоторые писатели были образцомъ того, какъ должно вести разговоръ съ простымъ солдатомъ, какъ излагать его бесѣду, какъ выражать его чувства и мысли. Эти чувства, эти мысли одни

и тѣ же, какъ у прежнихъ писателей, такъ и у новѣйшихъ: та же, любовь къ родинѣ, та же вѣрность долгу, та же непоколебимая готовность на защиту всего родного; словомъ, сущность, содержаніе тѣ же. И такъ какъ эта сущность, это содержаніе всѣмъ и каждому извѣстны, то мы и считаемъ излишнимъ еще разъ повторять всѣмъ извѣстное. Мы будемъ говорить объ одной только литературной сторонѣ разсказовъ, въ которой замѣтимъ много новаго. Чтобы начать сначала, мы должны обратиться къ одному разсказу, напечатанному еще въ 1853 году.

Авторъ этого разсказа, безспорно, одинъ изъ первыхъ талантовъ нашей современной литературы. Мы говоримъ о разсказѣ „Набѣгъ" соч. гр. Л. Н. Т. Въ разсказѣ было такъ много новаго, и разсказъ былъ такъ простъ и естественъ, что на него даже мало обратили вниманія, какъ на вещь, которая не бросается въ глаза. Въ этомъ разсказѣ было высказано все, что впослѣдствіи тѣмъ же самымъ авторомъ было подробнѣе развито въ другихъ превосходныхъ военныхъ картинахъ, каковы: „Севастополь въ декабрѣ 1854 года" и „Рубка лѣсу". Какъ все неподдѣльное съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ только больше и больше удивленія, такъ и первый разсказъ гр. Л. Н. Т. можетъ быть названъ родоначальникомъ тѣхъ прелестныхъ военныхъ эскизовъ, въ которыхъ простота, естественность, истина вступили въ полныя свои права и совершенно измѣнили прежнюю литературную манеру разсказовъ подобнаго рода. Въ этихъ разсказахъ мы замѣтили примѣненіе всѣхъ тѣхъ же началъ, которыя въ другихъ родахъ нашей литературы, напримѣръ, оказали уже столько благодѣтельнаго вліянія. Но не будемъ торопиться дѣлать заключенія и прежде познакомимся съ фактами.

Припомнимъ только первый его разсказъ „Набѣгъ", бывшій истиннымъ и счастливымъ нововведеніемъ въ описаніи военныхъ сценъ, о которыхъ мы намѣрены говорить.

Въ этомъ разсказѣ обращаетъ на себя невольно вниманіе капитанъ Хлоповъ. На этомъ капитанѣ Хлоповѣ сосредоточена, повидимому, вся любовь автора; онъ — герой разсказа, онъ же — и нововведеніе. Однако опредѣлить это лицо было крайне трудно автору, потому что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. „У него была одна изъ тѣхъ спокойныхъ русскихъ физіономій, которымъ пріятно и легко прямо смотрѣть въ глаза". Вотъ все, что можно сказать о капитанѣ Хлоповѣ. Онъ не Максимъ Максимычъ Лермонтова, но нѣсколько съ родни ему; точно такъ же, какъ поручикъ Розенкранцъ не Печоринъ и не Мулла-Нуръ, хотя съ виду и походилъ на Мулла-Нура. Капитанъ Хлоповъ не похожъ на капитана Миронова въ „Капитанской дочкѣ", но тоже съ родни ему. Чтобы лучше узнать капитана Хлопова, нужно прежде познакомиться съ поручикомъ Розенкранцомъ.

„На немъ (Розенкранцѣ) былъ черный бешметъ съ галунами, такія же ноговицы, новые, плотно обтягивающіе ногу чувяки съ чиразами, желтая черкеска и высокая, заломленная назадъ папаха. На груди и спинѣ его лежали серебряные галуны, на которыхъ надѣты были натруска

и пистолетъ за поясомъ; другой пистолетъ и кинжалъ въ серебряной оправѣ, висѣли на поясѣ. Сверхъ всего этого была опоясана шашка въ красныхъ сафьянныхъ ножнахъ съ галунами, и надѣта черезъ плечо винтовка въ черномъ чехлѣ. По его одеждѣ, посадкѣ, манерѣ держаться и, вообще, по всѣмъ движеніямъ замѣтно было, что онъ старается быть похожимъ на татарина. Онъ даже говорилъ что-то на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ татарамъ, которые ѣхали съ нимъ, но, по недоумѣвающимъ, насмѣшливымъ взглядамъ, которые бросали эти послѣдніе другъ на друга, мнѣ показалось, что они не понимаютъ его. Это былъ одинъ изъ удальцовъ-джигитовъ, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрятъ на Кавказъ не иначе, какъ сквозь призму „героя нашего времени", Мулла-Нуровъ и т. п. и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются не собственными наклонностями, а примѣромъ этихъ образцовъ. Поручикъ всегда ходилъ въ азіатскомъ платьѣ и оружіи, имѣлъ кунаковъ не только во всѣхъ мирныхъ аулахъ, но и въ горахъ; по самымъ опаснымъ мѣстамъ ѣзжалъ безъ оказіи, ходилъ съ мирными татарами по ночамъ засаживаться на дорогу, подкарауливать и убивать горцевъ, былъ влюбленъ въ татарку и писалъ свои записки. Фамилія его была Розенкранцъ".

Не таковъ капитанъ Хлоповъ: „(Въ походѣ) на немъ былъ старый истертый сюртукъ безъ эполетъ, лезгинскіе широкіе штаны, бѣлая папашка, съ опустившимся, пожелтѣвшимъ курпемъ (овчиной) и незавидная азіатская шашка черезъ плечо. Бѣленькій маштачокъ (маленькая лошадка), на которомъ онъ ѣхалъ, шелъ понуря голову, мелкой иноходью, и безпрестанно взмахивалъ жиденькимъ хвостомъ. Несмотря на то, что въ фигурѣ добраго капитана было не только мало воинственнаго, но и красиваго, въ ней выражалось такъ много равнодушія ко всему окружающему, что она внушала невольное уваженіе".

Посмотрите, какъ разсуждаетъ о храбрости добрый капитанъ Хлоповъ. Слушая его, вы подумаете, что поручикъ Розенкранцъ, который связалъ престарѣлаго татарина въ разоренномъ аулѣ, азартнѣйшій изъ рыцарей.

„Вотъ, въ тридцать второмъ году (говоритъ капитанъ) былъ тоже неслужащій какой-то, изъ испанцевъ, кажется. Два похода съ нами ходилъ, въ синемъ плащѣ въ какомъ-то, да, наконецъ, и сложилъ тутъ свою голову.

„— Здѣсь, батюшка, никого не удивишь.

„— Что онъ храбрый былъ? — спросилъ я его.

„— А Богъ его знаетъ: все, бывало, впереди ѣздитъ; гдѣ перестрѣлка, тамъ и онъ.

„— Такъ, стало-быть, храбрый, — сказалъ я.

„— Нѣтъ, это не значитъ храбрый, что суется туда, гдѣ его не спрашиваютъ...

„— Что же вы называете храбрымъ?

„— Храбрый, храбрый? — повторилъ капитанъ съ видомъ человѣка, которому въ первый разъ представляется подобный вопросъ: —

храбръ тотъ, который ведетъ себя какъ слѣдуетъ, — сказалъ онъ, подумавъ немного".

Но оставимъ частности, въ которыхъ, между тѣмъ, и выражается вся сила таланта гр. Л. Н. Т., и постараемся яснѣе высказать мысль автора. Для этого мы должны привести одну сцену изъ разсказа, хотя далеко не лучшую въ художественномъ отношеніи, но поясняющую основную мысль.

„Едва мы отступили саженъ на триста отъ аула, какъ надъ нами со свистомъ стали летать непріятельскія ядра. Я видѣлъ, какъ ядромъ убило солдата... Но зачѣмъ разсказывать подробности этой страшной картины, когда я самъ дорого бы далъ, чтобы забыть ее?

„Поручикъ Розенкранцъ самъ стрѣлялъ изъ винтовки, не умолкая ни на минуту, хриплымъ голосомъ кричалъ на солдатъ и во весь духъ скакалъ съ одного конца цѣпи на другой. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ, и это очень шло къ его воинственному лицу.

„Хорошенькій прапорщикъ[1]) былъ въ восторгѣ: прекрасные черные глаза его блестѣли отвагой, ротъ слегка улыбался; онъ безпрестанно подъѣзжалъ къ капитану и просилъ его позволенія броситься *на ура.*

„— Мы ихъ отобьемъ, — убѣдительно говорилъ онъ: — право, отобьемъ.

„— Не нужно, — коротко отвѣчалъ капитанъ: — надо отступать.

„Рота капитана занимала опушку лѣса и лежа отстрѣливалась отъ непріятеля. Капитанъ, въ своемъ изношенномъ сюртукѣ и взъерошенной шапочкѣ, опустивъ поводья бѣлому маштачку и подкорчивъ на короткихъ стременахъ ноги, молча стоялъ на одномъ мѣстѣ. (Солдаты такъ хорошо знали и дѣлали свое дѣло, что нечего было приказывать имъ.) Только изрѣдка онъ возвышалъ голосъ, прикрикивая на тѣхъ, которые поднимали головы. Въ фигурѣ капитана было очень мало воинственнаго; но зато въ ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. „Вотъ кто истинно храбръ", сказалось мнѣ невольно.

„*Онъ былъ точно такимъ же, какимъ я всегда видалъ его:* тѣ же спокойныя движенія, тотъ же ровный голосъ, то же выраженіе безхитростности на его некрасивомъ, но простомъ лицѣ; только по болѣе, чѣмъ обыкновенно, свѣтлому взгляду можно было замѣтить въ немъ вниманіе человѣка, спокойно занятаго своимъ дѣломъ. Легко сказать: *такимъ же, какимъ и всегда;* но сколько различныхъ оттѣнковъ я замѣчалъ въ другихъ: одинъ хочетъ сказаться спокойнѣе, другой суровѣе, третій веселѣе, чѣмъ обыкновенно; по лицу же капитана замѣтно, что онъ и не понимаетъ, зачѣмъ казаться.

„Французъ, который при Ватерлоо сказалъ: la garde meurt, mais ne se rend pas" и другіе, въ особенности французскіе герои, которые говорили достопамятныя изреченія, были храбры и дѣйствительно гово-

---

[1]) Характеръ котораго съ необыкновеннымъ искусствомъ обрисованъ въ разсказѣ двумя-тремя словами.

рили достопамятныя изреченія; но между ихъ храбростію и храбростію капитана есть та разница, что если бы великое слово, въ какомъ бы то ни было случаѣ, даже шевелилось въ душѣ моего героя, я увѣренъ, онъ не сказалъ бы его: во-первыхъ, потому, что, сказавъ великое слово, онъ боялся бы этимъ самымъ испортить великое дѣло, а во-вторыхъ, потому, что когда человѣкъ чувствуетъ въ себѣ силы сдѣлать великое дѣло, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнѣнію, особенная и высокая черта русской храбрости; и какъ же послѣ этого не болѣть русскому сердцу, когда между нашими молодыми воинами слышишь французскія пошлыя фразы, имѣющія претензію на подражаніе устарѣлому французскому рыцарству?...“

Повторяемъ: мы стараемся уяснить идею, и потому всѣ поэтическія частности, въ которыхъ выражена идея, поневолѣ, чтобы не быть многословными, опускаемъ.

Отъ этого перваго разсказа гр. Л. Н. Т. переходимъ къ другому, напечатанному два года спустя: „Рубка лѣсу“. И мѣсто дѣйствія и самое дѣйствіе обоихъ разсказовъ одно и то же. Точно такъ же отрядъ русскій отправился въ горы Кавказа, въ первомъ случаѣ, для наказанія непокорныхъ горцевъ и разоренія ихъ аула; во второмъ, — для рубки лѣса. Самое описаніе двухъ разсказовъ одинаково; но лица другія, хотя опять выражаютъ совершенно одну и ту же мысль. Здѣсь главное, хотя и невидимо дѣйствующее лицо — русскій солдатъ, у котораго довольно мѣтко схвачено много характеристическихъ чертъ. Въ противоположность съ простымъ русскимъ солдатомъ поставленъ нѣкто капитанъ Болховъ, какъ въ предыдущемъ разсказѣ разыгрывалъ ту же роль Розенкранцъ. Этотъ капитанъ Болховъ, Богъ знаетъ, по какимъ побужденіямъ, явился на Кавказѣ; онъ совсѣмъ ужъ не Мулла-Нуръ съ виду, но въ душѣ у него очень много печоринскаго, и поэтому онъ имѣетъ вліяніе на кружокъ. Непремѣнно должно предположить, что онъ великій губитель женскихъ сердецъ: онъ все, кажется, извѣдалъ и потому считаетъ долгомъ вездѣ скучать. Точно такъ же, какъ въ „Набѣгѣ“ разоблаченъ былъ Розенкранцъ и выставленъ на видъ капитанъ Хлоповъ, точто такъ вся ходульность и мишурность капитана Болхова была поражена подобной же сценой.

„Оставивъ солдатъ разсуждать о томъ, какъ татары ускакали, когда увидали гранату, и зачѣмъ они тутъ ѣздили, и много ли ихъ еще въ лѣсу есть, я отошелъ съ ротнымъ командиромъ за нѣсколько шаговъ и сѣлъ подъ деревомъ, ожидая разогрѣвавшихся битковъ, которые онъ предложилъ мнѣ. Ротный командиръ Болховъ имѣлъ состояніе и служилъ прежде въ гвардіи. Товарищи любили его: онъ былъ довольно уменъ и имѣлъ достаточно такта. Поговоривъ о погодѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ, объ общихъ знакомыхъ офицеровъ и убѣдившись по вопросамъ и отвѣтамъ, по взгляду на вещи, въ удовлетворительности понятій одинъ другого, мы невольно перешли къ разговору болѣе короткому. Притомъ же на Кавказѣ между встрѣчающимися одного круга людьми, хотя не высказанно, но весьма очевидно

проявляется вопросъ: зачѣмъ вы здѣсь? и на этотъ-то мой молчаливый вопросъ, мнѣ казалось, собесѣдникъ мой хотѣлъ отвѣтить.

„— Когда этотъ отрядъ кончится? — сказалъ онъ лѣниво. — Скучно.

„— А мнѣ не скучно, — сказалъ я: — вѣдь въ штабѣ еще скучнѣе.

„— О, въ штабѣ въ десять тысячъ разъ хуже, — сказалъ онъ со злостью: — нѣтъ, когда все это совсѣмъ кончится?

„— Что же вы хотите, чтобъ кончилось? — спросилъ я.

„— Все, совсѣмъ! Что же, готовы битки, Николаевъ? — прибавилъ онъ.

„— Для чего же вы пошли служить на Кавказъ, — сказалъ я: — коли Кавказъ вамъ не нравился?

„— Знаете для чего? — отвѣчалъ онъ съ рѣшительной откровенностью: — по преданію. Въ Россіи вѣдь существуетъ престранное преданіе про Кавказъ — будто это какая-то обѣтованная земля для всякаго рода несчастныхъ людей...

„— Да, это почти правда, — сказалъ я: — большая часть изъ насъ...

„— Но что лучше всего, — перебилъ онъ меня: — что всѣ мы, по преданію ѣдущіе на Кавказъ, ужасно ошибаемся въ своихъ расчетахъ, и рѣшительно я не вижу, почему вслѣдствіе несчастной любви или разстройства дѣлъ — скорѣе ѣхать служить на Кавказъ, чѣмъ въ Казань или Калугу. Вѣдь въ Россіи воображаютъ Кавказъ какъ-то величественно, съ вѣчными дѣвственными льдами, бурными потоками, съ кинжалами, бурками, черкешенками — все это страшное что-то, а въ сущности ничего въ этомъ нѣтъ веселаго. Ежели бы они знали, по крайней мѣрѣ, что въ дѣвственныхъ льдахъ мы никогда не бываемъ, да и быть-то въ нихъ ничего веселаго нѣтъ, и что Кавказъ раздѣляется на губерніи: Ставропольскую, Тифлисскую и т. д., и я бы и вы не пріѣхали иначе.

„— Да, — сказалъ я смѣясь: — мы въ Россіи совсѣмъ иначе смотримъ на Кавказъ, чѣмъ здѣсь; это — испытывали ли вы когда-нибудь? — какъ читать стихи на языкѣ, который плохо знаешь: воображаешь себѣ гораздо лучше, чѣмъ есть...

„— Не знаю, право; но ужасно не нравится мнѣ этотъ Кавказъ, — перебилъ онъ меня.

„— Нѣтъ, Кавказъ для меня и теперь хорошъ, только иначе...

„— Можетъ-быть и хорошъ, — продолжалъ онъ съ какою-то раздражительностью: — знаю только то, что я не хорошъ на Кавказѣ.

„— Отчего же такъ? — сказалъ я, чтобы сказать что-нибудь.

„— Я чувствую себя неспособнымъ къ здѣшней службѣ, я не могу переносить опасности. — Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня. — Безъ шутокъ.

„Хотя это непрошенное признаніе чрезвычайно удивило меня, я не противорѣчилъ, какъ, видимо, хотѣлось того моему собесѣднику,

но ожидалъ отъ него самого опроверженія своихъ словъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

„— И что смѣшно, — продолжалъ онъ: — что здѣсь ужаснѣйшая драма разыгрывается, а самъ ѣшь битки съ лукомъ и увѣряешь, что весело.

„— Вино есть, Николаевъ? — прибавилъ онъ, зѣвая. Этотъ натянутый разговоръ, худо скрытый смыслъ котораго очень ясенъ, былъ перебитъ слѣдующимъ разговоромъ солдатъ:

„— Это *онъ*, братцы мои! — послышался въ это время встревоженный голосъ одного изъ солдатъ, и всѣ глаза обратились на опушку дальняго лѣса. Вдали, увеличиваясь и уносясь по вѣтру, поднималось голубоватое облако дыма. Когда я понялъ, что это былъ противъ насъ выстрѣлъ непріятеля, — все, что было на моихъ глазахъ въ эту минуту, все вокругъ приняло какой-то новый, почти величественный характеръ: и козлы ружей, и дымъ костровъ, и голубое небо, и зеленые лафеты, и загорѣлое, усатое лицо Николаева, — все это какъ будто говорило мнѣ, что ядро, которое вылетѣло изъ дула и летитъ въ это мгновеніе въ пространствѣ, можетъ-быть, направлено прямо въ мою грудь.

„— Вы гдѣ брали вино? — лѣниво спросилъ я Болхова, между тѣмъ какъ въ глубинѣ души моей одинаково внятно говорили два голоса — одинъ: Господи, пріими духъ мой съ миромъ; другой: надѣюсь не нагнуться, а улыбаться въ то время, какъ будетъ пролетать ядро; и въ то же мгновеніе надъ головой просвистѣло что-то ужасно непріятно, и въ двухъ шагахъ шлепнулось отъ насъ ядро.

„— Вотъ ежели бы я былъ Наполеонъ или Фридрихъ, — сказалъ въ то время Болховъ, совершенно хладнокровно поворачиваясь ко мнѣ: — я бы непремѣнно сказалъ какую-нибудь любезность.

„— Да вы и теперь сказали, — отвѣчалъ я, съ трудомъ скрывая тревогу, произведенную во мнѣ прошедшей опасностью.

„— Да что жъ, что сказалъ — никто не запишетъ.

„— А я запишу.

„— Да вы ежели и запишете, такъ въ *критику*, какъ говоритъ Мищенковъ, — прибавилъ онъ, улыбаясь.

„— *Тьфу ты проклятый!* — сказалъ въ это время сзади насъ Антоновъ, съ досадой плюя въ сторону: — *трошки по ногамъ не задѣла*.

„Все мое старанье казаться хладнокровнымъ и всѣ наши хитрыя фразы *показались мнѣ вдругъ невыносимо-глупыми*, послѣ этого простодушнаго восклицанія“.

Всякій истинный, дышащій правдой взглядъ на вещи тѣмъ плодотворенъ въ художественной дѣятельности, что онъ мгновенно превращается во множество лицъ, и всѣ эти лица кажутся живыми, какъ жива истина, ихъ согрѣвающая. Лишь только заученная маска, однообразная у всѣхъ, спала съ лица героевъ, которыхъ рядили черезчуръ уже монотонно неестественно, вдругъ всѣ они показали свои лица характерныя и настоящія, какими они всегда были. Такъ въ томъ же самомъ разсказѣ авторъ представилъ уже намъ много лицъ типиче-

скихъ изъ солдатскаго кружка. Хотя всѣхъ ихъ авторъ коснулся только вскользь — какъ это онъ до сихъ поръ дѣлалъ во всѣхъ своихъ военныхъ разсказахъ — однакожъ лица эти ужъ какъ будто намъ знакомы. Здѣсь мы почувствовали вновь вліяніе современной русской повѣсти на военные разсказы гр. Л. Н. Т. Если первую черту этого вліянія можно назвать разоблаченіемъ мишурности и вычурности, которою въ прежнее время были одѣты Розенкранцы и Болховы, и желаніе противопоставить имъ лица простыя, каковы, напримѣръ, капитанъ Хлоповъ, Тросенко и имъ подобные, то вторую черту, заимствованную изъ современной же нашей литературы, мы должны назвать стремленіемъ къ типическимъ лицамъ изъ простонароднаго круга. Въ прежней нашей литературѣ — пробѣгите разсказы — типъ русскаго солдата былъ однообразенъ. Не такъ поступаетъ гр. Л. Н. Т. Тамъ, гдѣ онъ говоритъ, какъ человѣкъ мыслящій, у него русскій солдатъ одинъ, и характеристика его одна; гдѣ же онъ представляетъ намъ лица, какъ художникъ, тамъ у каждаго своя личность; это разнообразіе лицъ даетъ ему средства подмѣчать характеристическія черты и создавать типы. Это, мы полагаемъ, вторая причина успѣха графа Л. Н. Т. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ вообще о русскомъ солдатѣ:

„Духъ русскаго солдата не основанъ такъ, какъ храбрость южныхъ народовъ, на скоро воспламеняемомъ и остывающемъ энтузіазмѣ: его такъ же трудно разжечь, какъ и заставить упасть духомъ. Для него не нужны эффекты и краснорѣчивыя рѣчи, для него нужны, напротивъ, спокойствіе, порядокъ и отсутствіе всего натянутаго. Въ русскомъ — настоящемъ русскомъ — солдатѣ никогда не замѣтите хвастовства, ухорства, желаніе отуманиться, разгорячиться во время опасности, напротивъ, скромность, простота и способность видѣть въ опасности совсѣмъ другое, чѣмъ опасность, составляетъ отличительныя черты его характера. Я видѣлъ солдата, раненаго въ ногу, въ первую минуту жалѣвшаго только о пробитомъ новомъ полушубкѣ; ѣздового, вылѣзающаго изъ-подъ убитой подъ нимъ лошади и растегивающаго подпругу, чтобы снять съ нея сѣдло“.

Но на этомъ не останавливается наблюдательность автора: ему, какъ художнику школы новѣйшей, нужны типы, и онъ сначала старается представить эти типы въ общихъ чертахъ, какъ программу, не болѣе. Въ этой программѣ видна мысль — а ее только на этотъ разъ и мы слѣдимъ въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Т. — хотя мысль уловить у такихъ художниковъ, какъ гр. Л. Н. Т., труднѣе всего. Рѣдко они обмолвливаются сухою, голою мыслью.

„Въ Россіи есть особенные типы солдатъ, подъ которые подходятъ солдаты всѣхъ войскъ: кавказскихъ, армейскихъ, гвардейскихъ, пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и т. д. Чаще другихъ встрѣчающійся типъ солдата, — типъ болѣе всего милый, симпатичный и большей частью соединенный съ лучшими христіанскими добродѣтелями — кротостью, набожностью, терпѣніемъ и преданностью волѣ Божіей, есть типъ *покорнаго* вообще. Есть еще многіе другіе типы.

„Типъ *начальствующихъ* вообще встрѣчается, преимущественно, въ высшей солдатской сферѣ: ефрейторовъ, унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и т. п. Типы эти разнообразны: *начальствующіе суровые* — типъ весьма благородный, энергическій, преимущественно военный, не исключающій высокихъ поэтическихъ порывовъ.

„Типъ *отчаяннаго*, точно такъ же какъ и типъ начальствующаго, хорошъ *въ отчаянныхъ забавникахъ*, отличительными чертами которыхъ бываютъ непоколебимая веселость, огромныя способности ко всему, богатство натуры и удаль; и ужасно дуренъ въ *отчаянныхъ развратныхъ*, которые, однако нужно сказать, къ чести русскаго войска, встрѣчаются весьма рѣдко и ежели встрѣчаются, то бываютъ удалены отъ товарищества самимъ обществомъ солдатскимъ. Невѣріе и какое-то удальство въ порокѣ — главныя черты въ характерѣ этого разряда".

Далѣе идутъ типы: *покорныхъ-хлопотливыхъ*, *забавника* и прочее.

Когда гр. Л. Н. Т. перешелъ отъ общихъ опредѣленій типовъ къ частнымъ, когда у него явились на сценѣ Максимовъ, Антоновъ, Валенчукъ, рекрутъ — передъ нами обнаружилась и та *мягкая* наблюдательность автора, въ которой такъ чудесно слиты и юморъ, и добродушіе, и веселость, и прямой взглядъ на вещи, тотъ многосторонній талантъ гр. Л. Н. Т., которымъ надѣлены очень-очень немногіе. Опять пошли картина за картиною одна другой лучше, одна другой поэтичнѣе. Но, къ сожалѣнію, мы теперь не можемъ вдаваться въ подробности, въ которыхъ также много истинной поэзіи, какъ и въ „Дѣтствѣ" и въ „Отрочествѣ" — произведеніяхъ, взятыхъ изъ другого круга жизни. За одинъ разговоръ солдатъ у огня, ночью, послѣ смерти Валенчука (XIII и XIV главы „Рубка лѣса") мы готовы отдать иной многотомный романъ. Эти пять страничекъ проникнуты такой неподдѣльной поэзіей, что ихъ можно перечитывать по нѣскольку разъ.

Въ другой картинѣ, именно „Севастополь въ декабрѣ-мѣсяцѣ", гр. Л. Н. Т. опять возвращается къ своимъ любимымъ лицамъ, которыхъ въ „Рубкѣ лѣса" онъ старался подраздѣлить на типы. Безъ всякихъ разсужденій, повидимому, въ одной простой картинѣ знаменитаго „Четвертаго бастіона", сказано вамъ гораздо болѣе, нежели можно сказать отвлеченными разсужденіями. Вглядитесь въ физіономію простого солдата, вслушайтесь въ его отрывистыя фразы, и вы почувствуете, что гр. Л. Н. Т. нигдѣ не измѣняетъ своему вѣрному и простому взгляду на предметъ. Вы почувствуете, что онъ постоянно преслѣдуетъ одну и ту же идею, только, какъ художникъ, выражаетъ ее въ картинахъ:

„Пройдя еще шаговъ триста, вы снова выходите на батарею — на площадку, изрытую ямами, и обставленную турами, насыпанными землей, орудіями на платформахъ и земляными валами. Здѣсь найдете вы, можетъ-быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ брустверомъ, и морского офицера, который, замѣтивъ въ васъ новаго человѣка — любопытнаго, съ удовольствіемъ покажетъ вамъ свое хозяйство и все, что можетъ быть для васъ интереснаго. Офицеръ

этотъ такъ спокойно свертываетъ папиросу изъ желтой бумаги, сидя на орудіи, такъ спокойно прохаживается отъ одной амбразуры къ другой, такъ спокойно, безъ малѣйшей аффектаціи, говоритъ съ вами, что, несмотря на пули, которыя чаще, чѣмъ прежде, жужжатъ надъ вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно разсматриваете и слушаете разсказы офицера. Офицеръ этотъ разскажетъ вамъ— но только ежели вы его разспросите — про бомбардированіе 5-го числа, разскажетъ, какъ на его батареѣ только одно орудіе могло дѣйствовать и изъ всей прислуги осталось только восемь человѣкъ, и какъ на другое утро, 6-го числа, онъ *палилъ* [1]) изъ всѣхъ орудій; разскажетъ вамъ, какъ 5-го попала бомба въ матросскую землянку и положила одиннадцать человѣкъ; покажетъ вамъ изъ амбразуры батареи и траншеи непріятельскія, которыя не дальше, какъ въ тридцать-сорокъ саженъ. Одного я боюсь, что подъ вліяніемъ жужжанія пуль, высовываясь изъ амбразуры, чтобы посмотрѣть непріятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этотъ бѣлый каменистый валъ, который такъ близко отъ васъ и на которомъ вспыхиваютъ бѣлые дымы, это-то и есть непріятель — *онъ*, какъ говорятъ солдаты и матросы.

„При этомъ офицеръ хладнокровно скажетъ: „Послать комендора, прислугу къ пушкѣ“ — и человѣкъ 14 матросовъ, живо, весело, кто засовывая въ карманъ трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформѣ, подойдутъ къ пушкѣ и зарядятъ ее. Вглядитесь въ лица, въ осанки, въ движенія этихъ людей; въ каждой морщинѣ этого загорѣлаго, смуглаго лица, въ каждой мышцѣ, въ ширинѣ этихъ плечъ, въ толщинѣ этихъ ногъ, обутыхъ въ громадные сапоги, въ каждомъ движеніи, спокойномъ, твердомъ, неторопливомъ, видны эти главныя черты, составляющія силу русскаго — простота и твердость; но здѣсь на каждомъ лицѣ кажется, что опасность, злоба и страданія, кромѣ этихъ главныхъ признаковъ войны, проложили еще слѣды сознанія своего достоинства и высокой мысли и чувства.

„Вдругъ, ужаснѣйшій, потрясающій не одни ушные органы, но все существо ваше, гулъ поражаетъ васъ такъ, что вы вздрагиваете всѣмъ тѣломъ; вслѣдъ за тѣмъ вы слышите удаляющійся свистъ снаряда, и густой пороховой дымъ застилаетъ васъ, платформу и черныя фигуры движущихся по ней матросовъ. По случаю этого нашего выстрѣла вы услышите различные толки матросовъ и увидите ихъ одушевленіе и проявленіе чувства, котораго, можетъ-быть, вы не ожидали видѣть, это — чувство злобы, мщенія врагу, которое таится въ душѣ каждаго. „Въ самую *амбразуру* попали, кажись, убило двоихъ, вонъ понесли“, услышите вы радостныя восклицанія. „А вотъ *онъ* разсерчаетъ, сейчасъ пуститъ сюда“, скажетъ кто-нибудь; и дѣйствительно, скоро вслѣдъ за этимъ вы увидите впереди себя молнію, дымъ; часовой, стоя-

---

[1]) *Моряки* всѣ говорятъ палить, а не стрѣлять.

щій на брустверѣ, крикнетъ *пу-у-шка,* и вслѣдъ за этимъ мимо васъ взвизгнетъ ядро, шлепнется въ землю и воронкой взброситъ вкругъ себя брызги грязи и камни. Батарейный командиръ разсердится за это ядро, прикажетъ зарядить другое и третье орудіе, непріятель также станетъ отвѣчать намъ, и вы испытаете интересныя вещи. Часовой опять закричитъ „пушка", и вы услышите тотъ же звукъ и ударъ, тѣ же брызги, или закричитъ „маркела" (мортира), и вы услышите равномѣрное — довольно пріятное и такое, съ которымъ трудно соединяется мысль объ ужасномъ — посвистываніе бомбы, услышите приближающееся къ вамъ и ускоряющееся это посвистываніе, потомъ увидите черный шаръ, ударъ о землю и разрывъ. Со свистомъ и визгомъ разлетятся потомъ осколки, зашуршатъ въ воздухѣ камни и забрызгаютъ васъ грязью. При этихъ звукахъ вы испытаете странное чувство наслажденія и вмѣстѣ страха. Въ ту минуту, какъ снарядъ, вы знаете, летитъ на васъ, вамъ непремѣнно придетъ въ голову, что снарядъ этотъ убьетъ васъ, но чувство самолюбія поддерживаетъ васъ, и никто не замѣчаетъ ножа, который рѣжетъ вамъ сердце; но зато, когда снарядъ пролетитъ, не задѣвъ васъ, вы оживаете, и какое-то отрадное, невыразимо-пріятное чувство, но только на мгновеніе, овладѣваетъ вами, такъ что вы находите какую-то прелесть въ опасности, въ этой игрѣ съ жизнью и смертью, вамъ хочется, чтобы еще и еще и поближе упало около васъ ядро или бомба. Но вотъ еще часовой прокричалъ своимъ громкимъ голосомъ „маркела!" еще посвистываніе, ударъ и разрывъ бомбы, но вмѣстѣ съ этимъ звукомъ васъ поражаетъ стонъ человѣка; вы подходите къ раненому, который въ крови и грязи имѣетъ какой-то странный, нечеловѣческій видъ. У матроса вырвало часть груди. Въ первыя минуты на забрызганномъ грязью лицѣ его виденъ одинъ испугъ и какое-то притворное, преждевременное выраженіе страданія, свойственное человѣку въ такомъ положеніи; но въ то время, какъ ему приносятъ носилки и онъ самъ на здоровый бокъ ложится на нихъ, вы замѣчаете, что выраженіе это измѣняется выраженіемъ восторженности и высокой невысказанной мысли: глаза горятъ ярче, зубы сжимаются, голова съ усиліемъ поднимается выше, и въ это время, какъ его поднимаютъ, онъ останавливаетъ носилки и дрожащимъ голосомъ съ трудомъ говоритъ товарищамъ: „простите, братцы!" еще хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ еще разъ: „простите, братцы!" Въ это время товарищъ-матросъ подходитъ къ нему, надѣваетъ фуражку на голову, которую подставляетъ ему раненый, и, размахивая руками, возвращается къ своему орудію..."

Мы до сихъ поръ старались только опредѣлить характеръ писателя, его взглядъ, его направленіе — трудъ очень скользкій въ отношеніи къ такому автору, какъ гр. Л. Н. Т., который казалось бы рисуетъ передъ покорнымъ воображеніемъ читателя только однѣ картины своей чудесной фантазіи. Картины эти такъ хороши, что сначала не задаешь себѣ и вопроса: что кроется въ нихъ симпатичнаго и почему онѣ такъ сильно привлекаютъ къ себѣ? Есть много картинъ

строгихъ, правильныхъ—и холодныхъ. Не таковы картины разбираемаго нами автора, и потому должно было прежде всего отдать отчетъ въ этой симпатіи. Лишь только опредѣленъ вѣрно взглядъ автора на вещи, лишь только читатель узнаетъ, чего хочетъ авторъ и куда онъ стремится — вся дѣятельность писателя вдругъ оживляется, какъ отъ какого-то магнетическаго соприкосновенія. Самый процессъ творчества дѣлается яснымъ. Отъ этого-то мы и говорили объ *идеѣ* въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Т. Теперь намъ уже понятно, что талантъ его, описывающій событія изъ совершенно иного міра, въ который не пускаются наши лучшіе современные писатели, есть въ то же время талантъ очень близкій, родственный имъ и по духу и по манерѣ. Передъ нимъ открытъ иной міръ, но онъ старается взять то же, чего ищутъ въ другихъ положеніяхъ наши другіе писатели, т.-е. преслѣдованіе всего мишурнаго, ложнаго, неестественнаго находитъ въ немъ явнаго гонителя, а истина, добро и лучшія свойства простого человѣка, — своего защитника. Какъ ни обширно и ни обще это опредѣленіе, но на этотъ разъ мы не сумѣемъ выразиться лучше.

Гр. Л. Н. Т. беретъ свои любимыя лица изъ того же простонароднаго круга, изъ котораго берутъ ихъ и всѣ другіе лучшіе наши писатели. Въ немъ мы видимъ товарища по труду гг. Тургеневу, Писемскому, Григоровичу, Островскому; въ созданныхъ имъ лицахъ видимъ живыхъ братій лучшимъ типическимъ лицамъ упомянутыхъ нами писателей.

Полагаемъ, послѣ этого не нужно распространяться о томъ, что всѣ остатки „Капитановъ Фрегата“, „Мулла-Нуровъ“ Марлинскаго и „Героевъ нашего времени“, переодѣтые авторомъ въ Розенкранцовъ, Болховыхъ и имъ подобныхъ, низведены съ своихъ ложныхъ пьедесталовъ. Эти лица и подобныя имъ уже довольно давно, начиная съ 1840 г., въ нашей литературѣ, въ повѣстяхъ и романахъ начали терять по частицамъ свой блескъ. Не будемъ также распространяться и о томъ, о чемъ уже намекнули выше, что родоначальниковъ капитана Хлопова и простыхъ русскихъ солдатъ мы видѣли отчасти, хотя въ другой формѣ, и у Лермонтова въ Максимѣ Максимовичѣ, и у Пушкина въ капитанѣ Мироновѣ. Но заслуга гр. Л. Н. Т. состоитъ въ томъ, что онъ заставилъ своихъ Розенкранцовъ и Болховыхъ помѣряться силами съ капитаномъ Хлоповымъ и ему подобными, свелъ ихъ лицомъ къ лицу, выбравъ для этого самое удобное, въ буквальномъ смыслѣ, поле сраженія — и герои нашего времени окончательно и навсегда смутились передъ своими незнаменитыми соперниками! Если прежняя литература изображала иногда Розенкранцовъ и Болховыхъ съ отрицательной точки зрѣнія, то гр. Л. Н. Т. сдѣлалъ послѣдній и важный шагъ: онъ имъ противопоставилъ лица положительныя, и этимъ покончилъ дѣло.

Но вотъ эта-то положительная сторона, конечно, и составляла сильный камень преткновенія таланту гр. Л. Н. Т. Однакожъ онъ побѣдилъ трудности большею частью счастливо. Преимущественно ему

удались лица солдатъ и капитанъ Хлоповъ. У другого таланта, менѣе сильнаго, нужно было бы опасаться, съ этой стороны, увлеченіе идеей, излишней идеализаціей. Но гр. Л. Н. Т. умѣлъ удержаться въ границахъ, и гдѣ чувствовалъ пустое пространство, гдѣ не находилъ жизни, не старался наполнять это пустое пространство своими собственными мыслями. Онъ, какъ художникъ, позволялъ себѣ скорѣе останавливаться на характерахъ безличныхъ, но пріятныхъ, каковъ, напримѣръ, прапорщикъ Аланинъ въ „Набѣгѣ", нежели надѣлить капитана Хлопова небывалыми чертами. Это намъ доказываетъ, что гр. Л. Н. Т. истинный художникъ, у котораго талантъ господствуетъ надъ мыслью, а не мысль надъ талантомъ, у котораго инстинктъ художника господствуетъ надъ творчествомъ ума. Отъ этого у гр. Л. Н. Т. въ разсказахъ нѣтъ лица, которое было бы положительно дурно, рѣзко, непріятно, какъ всѣ характеры, созданные однимъ систематическимъ умомъ, потому что этотъ умъ безпощаденъ и всегда любитъ крайности. Отъ этого-то, выше мы сказали, картины, изображаемыя гр. Л. Н. Т., дышатъ тою мягкою наблюдательностью, которая даетъ полный просторъ и юмору, и веселости, и добродушію, которая отзывается на многіе звуки, а не на одинъ монотонный мотивъ. Это всегда и легко замѣтить у художниковъ при созданіи второстепенныхъ лицъ въ разсказахъ, гдѣ писатели даютъ полный просторъ разгуляться своей фантазіи на свободѣ, не удерживая ея главною мыслью разсказа, при описаніи картинъ, такъ сказать, вставочныхъ. Этихъ второстепенныхъ лицъ у писателей-нехудожниковъ почти никогда не бываетъ, т.-е. они такъ безцвѣтны, что ихъ нельзя назвать лицами. Писатель-нехудожникъ слишкомъ усиленно и какъ-то напряженно держится за мысль, которую развиваетъ, и понятно, что всѣ его усилія сосредоточиваются на одномъ, главномъ дѣйствующемъ лицѣ.

Гр. Л. Н. Т. не представилъ намъ еще ни одной *повѣсти* въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. повѣсти *съ любовью*. Введи авторъ въ эти разсказы любовь, нѣтъ сомнѣнія, капитанъ Хлоповъ и подобныя ему лица проиграли бы поле сраженія въ битвѣ съ Болховыми, Розенкранцами и другими блестящими лицами разсказовъ, потому что, къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ, оно бываетъ такъ — и идея погибла бы. Дай торжество подобнымъ лицамъ авторъ — и онъ впалъ бы въ неестественный, натянутый тонъ, который происходитъ оттого, что писатель чувствуетъ, какъ подъ нимъ шатается міръ дѣйствительности: тогда-то обыкновенно авторъ старается всѣми убѣжденіями склонить читателя на сторону своего любимаго лица; но чѣмъ больше онъ убѣждаетъ и разсуждаетъ, тѣмъ больше онъ теряетъ достоинства художника.

Слѣдовательно, не имѣя пока повѣсти въ строгомъ смыслѣ, т.-е. въ томъ, въ какомъ мы привыкли ее понимать, мы не находимъ нужнымъ пускаться въ предположенія, какъ гр. Л. Н. Т. сумѣлъ бы выполнить и всѣ условія, налагаемыя этой формой, какъ онъ сумѣлъ бы выбрать сюжетъ, который укладывается именно въ эту, а не въ какую-либо другую форму.

Обратимся къ другой сторонѣ военныхъ разсказовъ.

Если въ изображеніи лицъ, въ манерѣ создавать характеры, мы видѣли огромное вліяніе нашей современной литературы, то еще больше замѣтимъ его въ *самомъ способѣ разсказывать*. Намъ бы очень хотѣлось привести на память читателю тѣ военные разсказы прежнихъ лѣтъ, гдѣ солдатъ не говоритъ иначе, какъ избранными пословицами, шутитъ извѣстными шутками и прибаутками, объясняется отмѣнно складно, какъ человѣкъ образованный, у котораго передъ глазами лежатъ, напримѣръ, „пословицы" г. Снегирева, который начитался разсказовъ г. Даля или Скобелева, и думаетъ, что онъ знаетъ языкъ простого человѣка. Неудивительно, что это было такъ въ военныхъ разсказахъ: такъ было тогда и во всей литературѣ. Языкъ простонародный былъ terra incognita, и потому всякій, кто скажетъ, напримѣръ, что „ученье свѣтъ, а неученье тьма", или что-нибудь въ этомъ родѣ, считался уже знающимъ кое-что изъ русскаго простонароднаго языка. Языкъ крестьянина, языкъ солдата, языкъ купца, весь слагался изъ подобныхъ поговорокъ (даже у двухъ-трехъ извѣстныхъ писателей, которые считали себя знатоками въ этомъ дѣлѣ), такъ что представлялъ изъ себя что-то натянутое, неестественное, изъ разсказчика же дѣлалъ какого-то забавника и каламбуриста. Средину между пословицами и поговорками занимали обыкновенно цѣлыя фразы, выписанныя изъ печатныхъ книгъ, и рѣчь имѣла видъ какой-то пестрой смѣси книжнаго, литературнаго языка и народныхъ поговорокъ. Но съ того времени наша литература, обратившись къ изученію простонароднаго быта, начала изучать языкъ народный. Конечно, это изученіе *было постепенное*, и чѣмъ больше писатели всматривались въ бытъ, тѣмъ ближе къ цѣли подходилъ и самый языкъ. Послѣднее десятилѣтіе нашей литературы особенно много сдѣлало въ этомъ отношеніи, и мы такъ быстро развивались, что, постепенно хваля то одного, то другого писателя, спустя два-три года, уже замѣчали и недостатки въ тѣхъ, кого хвалили прежде безусловно. Въ этомъ языкѣ слышались фразы прямо записанныя съ изустной рѣчи, слышались фразы сочиненныя, слышалось желаніе передать даже самую темноту и неопредѣленность языка простолюдина, хотя онѣ могли имѣть значеніе, можетъ-быть, только для филолога, но отнюдь не для литератора. Какъ бы то ни было, но въ этомъ замѣтенъ былъ трудъ, и трудъ большой, похвальный во всѣхъ отношеніяхъ.

Вдругъ въ это время литература обогатилась множествомъ разсказовъ, какъ мы уже говорили, изъ славныхъ событій нашей нынѣшней войны. Разсказчики очутились вдругъ между двумя крайностями: между преданіемъ прежнихъ военныхъ разсказовъ, которые сочинялись авторами по способамъ, нами выше изложеннымъ, и между простонароднымъ языкомъ, выработаннымъ новѣйшими нашими писателями, изучившими этотъ бытъ. Къ прежнему языку разсказовъ, очевидно, нельзя уже было возвратиться, и такіе писатели, какъ гр. Л. Н. Т., сразу сумѣли поставить себя на настоящую точку зрѣнія и создали

разговоръ простого солдата такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Но для этого нуженъ былъ талантъ гр. Л. Н. Т. Другіе, желая быть до мелочей вѣрными языку, рѣшились записывать эти разсказы со словъ самихъ солдатъ, и мы получили такимъ образомъ прекрасные образчики того разговорнаго языка, котораго домагались, къ которому стремились такъ усиленно и который давался очень немногимъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія рукописный сборникъ солдатскихъ разсказовъ г. Сокольскаго, изъ котораго былъ напечатанъ разсказъ рядового Таторскаго подъ названіемъ: „Восемь мѣсяцевъ въ плѣну у французовъ“ и „Дѣло подъ Журжею“, разсказъ тоже рядового Иванова, записанный г. Кузнецовымъ. Мысль счастливая, и мы увѣрены, что результаты ея будутъ чрезвычайно благотворны; оба разсказа въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія. Всмотритесь въ постройку фразъ, повидимому, неправильную, часто противорѣчащую требованіямъ синтаксиса и вмѣстѣ совершенно ясную; вглядитесь въ это отсутствіе напыщенности, которою страдали прежніе разсказы; вслушайтесь въ этотъ юморъ и эту наблюдательность, которая не оставляетъ солдата, когда онъ разсказываетъ самое трагическое свое положеніе, когда ему предстояло быть убитымъ или взятымъ въ плѣнъ, и вы какъ будто начнете понимать, что мы далеко еще не владѣемъ ключомъ къ этому таинственнему, не причудливому, но ясному разговору простого человѣка. Вотъ тотъ языкъ, слѣдовательно, которымъ должно дѣйствовать на умъ и чувство простого человѣка! Вотъ тотъ взглядъ на вещи, неподдѣльный, подъ который старается поддѣлываться каждый писатель, какъ только начинаетъ говорить отъ имени простого человѣка! Изучите его прежде внимательно, и тогда уже посмотрите на сочиненный языкъ. Если бъ мѣсто намъ позволило, мы привели бы и сравнили здѣсь нѣсколько прежнихъ солдатскихъ разсказовъ и разсказъ, напримѣръ, рядового Иванова. Въ прежнее время, въ угоду литературнымъ требованіямъ своего времени, *писатель не рѣшился бы* записать такой разсказъ со словъ солдата; онъ непремѣнно украсилъ бы его своими собственными разсужденіями, а языкъ выправилъ бы по книжнымъ правиламъ и далъ бы ему фальшивый лоскъ. Но другія времена... и тому, кто не видитъ въ нашей нынѣшней литературѣ ничего хорошаго — еще одинъ урокъ.

Послѣ такихъ разсказовъ, мы вполнѣ понимаемъ, какъ глубоко вникнулъ гр. Л. Н. Т. въ описываемый имъ бытъ, и почему въ разсказѣ его заключалась какая-то прелесть, которую сначала трудно было уловить. Въ разсказѣ, записанномъ г. Кузнецовымъ, вы чувствуете и человѣка и солдата вмѣстѣ, и когда вспомнишь, что простой человѣкъ такъ безыскусственно и не только безъ гордости, но и безъ сознанія особеннаго достоинства своего дѣла, разсказываетъ, можетъ-быть, лучшій подвигъ своей жизни, что онъ не старается украсить разсказъ ни однимъ хитрымъ словомъ и не желаетъ скрыть своихъ естественныхъ чувствъ — когда подумаешь обо всемъ этомъ да припомнишь прежніе военные разсказы нашихъ писателей, невольно

подивишься тому, какъ можно было допустить столько неестественнаго въ эти разсказы...

А намъ часто еще приходится слышать вопросъ: къ чему ведутъ эти повѣсти, драмы и романы, въ которыхъ дѣйствуютъ и разговариваютъ купцы, крестьяне, солдаты?... *Дудышкинъ.*

Правдивость и самобытность военныхъ разсказовъ Толстого.

Полный, неоспоримый, завидный успѣхъ новаго повѣствователя начался съ его очерковъ Севастополя, при началѣ, въ самомъ разгарѣ и при концѣ его знаменитой осады. Тутъ уже каждое слово, каждая мастерская подробность, каждое замѣчаніе талантливаго писателя, свидѣтеля великихъ сценъ великой драмы, было оцѣнено и встрѣчено общею симпатіею. Вся читающая Россія восхищалась Севастополемъ въ ноябрѣ, Севастополемъ весною, Севастополемъ въ августѣ мѣсяцѣ. Вся читающая Россія видѣла въ поэтическихъ разсказахъ графа Толстого не одни любопытные факты, сообщаемые очевидцемъ, не одни восторженные разсказы о подвигахъ, способныхъ воодушевить самаго безстрастнаго разсказчика. Всякій читатель, одаренный здравымъ смысломъ, видѣлъ и зналъ, что на небольшомъ клочкѣ земли, приковывавшемъ къ себѣ взоры всего свѣта черезъ необыкновенныя дѣла, тамъ происходившія, находился настоящій русскій военный писатель, одаренный зоркимъ глазомъ, слогомъ истиннаго художника, — писатель готовый дѣлиться съ публикой исторіею всего имъ видѣннаго и пережитаго во время осады Севастополя. Замѣчательно, что изъ числа всѣхъ непріязненныхъ державъ, войска которыхъ бились подъ стѣнами нашей Трои, ни одна не имѣла у себя хроникера осады, который могъ бы соперничать съ графомъ Львомъ Толстымъ, авторомъ немногихъ замѣтокъ о Севастополѣ, небольшихъ по объему и далеко не охватывавшихъ всего предмета. Наше увѣреніе мы произносимъ со знаніемъ дѣла, ибо не только во время войны внимательно слѣдили за корреспондентами иностранныхъ газетъ, но даже имѣли терпѣніе перечитать большое количество разсказовъ и записокъ, набросанныхъ какъ зрителями, такъ и участниками севастопольской осады. О Турціи и Сардиніи говорить нечего — первая не имѣетъ писателей, вторая подарила намъ только небольшое число страницъ, преисполненныхъ самаго смѣшного бомбаста. Французская литература представила книгу бездарнаго Базанкура, — книгу почти единственную за все время, ибо статей и брошюръ военно-ученаго содержанія мы считать здѣсь не можемъ. Англія была богата отличными корреспондентами газетъ, и изъ нихъ нѣкоторые, особенно знаменитый корреспондентъ газеты „Times“, превосходили графа Толстого великолѣпной художественностью изложенія, замѣченною всѣми европейскими читателями. И несмотря на огромность таланта, британскіе корреспонденты были всетаки не чѣмъ инымъ, какъ фельетонистами, хотя фельетонистами

великаго дарованія. Они гнались за красотой слога, были бѣдны по части безпристрастія, наконецъ, смотрѣли на дѣло не глазами поэтовъ и мыслителей, а глазами восторженной театральной публики, опьяненной видомъ красныхъ мундировъ, сверкающихъ штыковъ, скачущихъ коней и стрѣляющихъ орудій. Они были фразерами, сами того не вѣдая. Они довели страсть къ живописнымъ подробностямъ до такой степени, что, за этими подробностями, почти не видали смысла великой трагедіи, передъ ихъ взорами совершавшейся. Недавно въ Англіи вышли особою книгою разсказы Росселя, корреспондента „Times", — разсказы, о которыхъ мы теперь упоминаемъ. Мы прочли ихъ сызнова, — сызнова отдали полную дань похвалы ихъ блестящему автору и все-таки остались при своемъ мнѣніи: замѣтки графа Толстого о Севастополѣ кажутся намъ произведеніемъ несравненно высшимъ. Эти замѣтки, въ которыхъ дѣйствуютъ вымышленныя лица, поражаютъ правдою и отсутствіемъ фразы, — письма великобританскаго разсказчика, въ которыхъ все описано съ натуры, озадачиваютъ внимательнаго читателя иногда стремленіемъ къ фразѣ, иногда положительною неправдою. Мы совѣтуемъ людямъ, читающимъ по-англійски, самимъ провѣрить наши замѣчанія. Пусть они возьмутъ изъ Росселевой книги, на выборъ, ея блистательнѣйшіе пассажи, повергавшіе всю Европу въ восхищеніе, какъ, напримѣръ, начало инкерманскаго дѣла, кавалерійскую атаку подъ Балаклавою, атаку русскихъ гусаровъ на шотландскій полкъ сира Колина Кембелля, изображеніе поля инкерманскаго ночью, послѣ битвы. Все это великолѣпно, поразительно, показываетъ въ авторѣ истиннаго художника, надо въ томъ признаться. Но во сколько разъ вѣрнѣе и трогательнѣе въ замѣткахъ графа Толстого изображеніе графской пристани, звѣздной ночи во время бомбардировки, перемирія для уборки тѣлъ, наконецъ, Володи Козельцова, семнадцатилѣтняго артиллерійскаго прапорщика, въ первую ночь послѣ пріѣзда въ Севастополь. По части чисто художественной, нашъ русскій авторъ иногда не уступаетъ своему англійскому сопернику; чтобы въ томъ убѣдиться, достаточно прочитать тѣ страницы „Севастополя въ августѣ", на которыхъ разсказанъ переходъ братьевъ Козельцовыхъ съ сѣверной стороны на южную, въ темную ночь, при волнахъ бьющихъ въ края моста, въ виду непріятельскаго флота, огни котораго какъ-то дерзко пробиваются сквозь мглу тягостной ночи! Но не одной картинностью изображеній силенъ нашъ русскій писатель. Мысль и поэзія неразлучны съ его очерками, и эта мысль есть мысль человѣка высоконравственнаго, эта поэзія не можетъ назваться театральною поэзіею. Англійскій писатель съ потрясающей вѣрностью рисуетъ намъ, въ какихъ изумительныхъ положеніяхъ лежали люди, убитые подъ Инкерманомъ — этотъ дагерротипный очеркъ, при всей его разительности, очевидно, составленъ для празднаго читателя, говорящаго за чаемъ: „Я хочу знать все, все, — и въ чемъ былъ одѣтъ непріятель, и что подумали иностранцы, увидавъ шотландскіе полки, лишенные самой необходимой части одежды!" До дагерротиповъ подобнаго рода графъ

Толстой не доходитъ, его воздержность можетъ служить урокомъ всякому писателю, особенно начинающему. Изображая намъ перемиріе во время уборки труповъ, онъ не станетъ изображать намъ положеній, въ какихъ лежали жертвы недавняго боя, но онъ заставитъ читателя почувствовать то, что чувствовалъ самъ во время сказаннаго зрѣлища. Англійскій корреспондентъ, разсказывая про кавалерійское дѣло подъ Балаклавою, несмотря на всю свою горячность, подступаетъ къ своей задачѣ словно къ описанію великолѣпной скачки съ препятствіями. Графъ Толстой скупъ на великолѣпныя описанія, ибо хорошо знаетъ, что война кажется великолѣпнымъ дѣломъ только для поверхностныхъ зрителей, дилетантовъ. Подвиги, имъ изображаемые, не имѣютъ въ себѣ никакого великолѣпія, кромѣ великолѣпія, нравственнаго, если позволено такъ выразиться. Его герои не скачутъ на кровныхъ лошадяхъ при трубномъ звукѣ — они сидятъ въ душныхъ блиндажахъ, геройски переносятъ операціи, лежа на окровавленной госпитальной койкѣ, поддерживаютъ раненаго товарища и безстрашно идутъ на вылазку, во всей трогательной прозѣ военной жизни, въ фуражкахъ и розовыхъ рубашкахъ съ разстегнутымъ воротомъ, иногда даже въ стоптанныхъ сапогахъ, потому что недосугъ думать о сапогахъ, когда предстоятъ дѣла другого рода. Нужно ли сказывать, чьи картины вѣрнѣе и который изъ двухъ писателей оказалъ большую услугу массѣ своихъ согражданъ?

Превосходство нашего автора надъ многими хроникерами Крымской компаніи заключается не въ одномъ складѣ его дарованія, преисполненнаго правды и разумности. Графъ Толстой, въ своихъ разсказахъ о Севастополѣ, важенъ какъ человѣкъ военный, какъ счастливѣйшій представитель образованнѣйшей части нашего достославнаго воинства. Онъ попалъ въ Крымъ не въ видѣ зрителя и живописца по приглашенію, не въ видѣ туриста, любящаго сильныя ощущенія, даже не въ видѣ литератора, явившагося на поле борьбы за новымъ вдохновеніемъ. Нашъ новый новеллистъ и дорогой товарищъ — русскій офицеръ, начавшій свою службу на Кавказѣ, много ночей спавшій у костра, рядомъ съ артиллерійскими солдатами, видавшій въ свою жизнь военныя дѣла и уже присмотрѣвшійся къ той картинности военнаго быта, которая всегда неотразимо поражаетъ людей незнакомыхъ съ жизнью воина. Для него русскій солдатъ занимателенъ не въ однѣхъ массахъ и не въ одной полной парадной формѣ, такъ драгоцѣнной англійскимъ корреспондентамъ: графъ Толстой знаетъ и любитъ солдата во всѣхъ видахъ и во всѣхъ случаяхъ солдатской жизни. Для его ума, изощреннаго раннимъ наблюденіемъ, извѣстное число военныхъ людей уже не представляется какою-то безразличною массою одинаково одѣтаго народа, сходнаго между собой по нравамъ, какъ и по костюму. Все общее, случайное, давно уже отброшено нашимъ нравоописателемъ военнаго быта; все типическое, оригинальное, самостоятельное, прямо вытекающее изъ характера русскаго человѣка, предназначеннаго на военную дѣятельность, даетъ пищу графу Тол-

стому, какъ поэту и какъ простому разсказчику. Отчего намъ какъ нельзя болѣе понятна та завидная популярность, какою пользуется графъ Толстой. Можетъ-быть, онъ самъ не догадывается о размѣрахъ этой популярности; но по нашему собственному опыту, довольно многостороннему по этой части, ея размѣры, увеличиваясь со всякимъ днемъ, уже достигли самой завидной степени. Много разъ намъ приходилось своими ушами слышать отзывы такого рода: „Никогда, ни одинъ русскій писатель не умѣлъ такимъ образомъ изображать русскаго военнаго человѣка“.

Подведя итогъ всему тому, что мы уже сказали о дарованіи молодого нашего повѣствователя, мы видимъ себя вправѣ высказать мысль весьма утѣшительную. По независимости своего таланта, по разумности своего направленія, по отвращенію ко всякой фразѣ — качеству, до крайности рѣдкому въ наше время, — графъ Левъ Толстой представляется намъ, какъ одинъ изъ безсознательныхъ представителей той теоріи свободнаго творчества, которая одна кажется намъ истинною теоріею всякаго искусства. Невозможно предположить, чтобы авторъ „Дѣтства“ дошелъ до этой теоріи путемъ долгаго опыта и изслѣдованіемъ вопросовъ о значеніи искусства; но всякій знаетъ, что натурамъ, блистательно одареннымъ, писателямъ, исполненнымъ истиннаго поэтическаго чутья, пониманіе правды дается вмѣстѣ съ самимъ талантомъ. Не одинъ молодой поэтъ, едва вступивъ на литературное поприще, открывалъ тѣ самые пути, около которыхъ опытные критики ходили много лѣтъ, ничего не видя и ничего не открывая. Все дѣло въ свѣжести дарованія, соединенной съ тою стойкостью натуры, безъ которой никогда не предпринимается ничего прочнаго. По первымъ произведеніямъ Л. Н. Т., въ немъ не трудно было распознать писателя вполнѣ независимаго. Самая тѣнь рутины не касалась его молодыхъ силъ. Онъ не зналъ многаго, но зато и не заблуждался во многомъ. Для него какъ будто не существовало прошлаго; всѣ мелкіе грѣшки нашей словесности, — ея общественный сентиментализмъ, ея робость передъ новыми путями, ея одностороннее стремленіе къ отрицательному направленію, наконецъ, остатки стараго дидактическаго педантизма, отнявшіе столько силы у нашихъ современныхъ дѣятелей, — нимало не отразились на талантѣ новаго повѣствователя. Когда постоянный рядъ успѣховъ, наконецъ, доставилъ графу Толстому почетное мѣсто въ строю русскихъ писателей, онъ уже твердо стоялъ на своихъ ногахъ, не чувствуя никакого расположенія увлекаться подражаніемъ кому бы то ни было. Дорожа своей первой дѣятельностью, онъ ясно увидалъ, какъ безполезно рисковать ею, устремляясь съ своей собственной дороги на путь чуждый. Ни къ сентиментализму ни къ дидактическимъ фразамъ любви онъ не чувствовалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ далекъ и отъ другой крайности воззрѣнія, вслѣдствіе котораго искусство чистое, но понятое черезчуръ исключительно, становится проводникомъ мелкаго дагерротипнаго реализма, не оживленнаго никакой дѣльной мыслью. Вѣря въ себя и въ свое призваніе, онъ отша-

тнулся отъ всѣхъ переходящихъ воззрѣній и пошелъ по той дорогѣ, куда влекла его сила таланта. Судьба, такъ благосклонная къ нашему автору при самомъ началѣ его поприща, не измѣнила ему и въ минуту кризиса. Теперь для насъ не можетъ быть сомнѣнія въ дальнѣйшемъ направленіи всей дѣятельности графа Толстого. Онъ навсегда станетъ независимымъ и свободнымъ творцомъ своихъ произведеній. Ему нечего бояться литературной рутины: онъ не будетъ писать сентиментальныхъ диссертацій на современныя темы, и вмѣстѣ съ тѣмъ не станетъ изображать какого-нибудь журчанья ручейка, если его собственное настроеніе не повлечетъ его къ журчащему ручью съ непреодолимою силой. Онъ будетъ прямъ и искрененъ въ проявленіяхъ своей поэтической фантазіи. Если ему вздумается написать идиллію — никакой авторитетъ не склонитъ его передѣлать идиллію въ сатиру. Если вдохновеніе застанетъ его въ минуты тяжелыя для души — графъ Толстой не станетъ насиловать себя для идиллической картины. Весь міръ раскроется передъ нимъ со своими свѣтлыми и темными сторонами, а онъ не устремится къ той или другой сторонѣ міра по чужому указанію. Оттого въ графѣ Толстомъ еще болѣе, нежели въ другомъ его сильномъ сверстникѣ — Островскомъ, мы видимъ правильное наступательное движеніе современной изящной словесности въ сторону истиннаго пониманія законовъ искусства. Г. Островскій, при всѣхъ его заслугахъ, при всей важности дѣла, имъ совершоннаго, имѣлъ свои колебанія и склонялся къ дидактикѣ своего рода. Независимость и литературная самостоятельность автора „Дѣтства“ были постоянно одинаковы во всѣ періоды его дѣятельности. Нельзя не подивиться и не порадоваться этой несокрушимой стойкости направленія, устоявшей противъ всѣхъ искушеній, противъ всѣхъ иллюзій молодости, противъ литературныхъ преданій, наложившихъ свое вліяніе на души талантливыхъ, самыхъ опытныхъ нашихъ товарищей. Можно находить многіе недостатки въ произведеніяхъ Толстого, но направленію ихъ не можетъ сдѣлать упрека критикъ самый придирчивый. Тутъ нѣтъ ни преднамѣренной дидактики, ни идиллической несостоятельности передъ темной стороной жизни, — ни заранѣе накинутой на себя мизантропіи, ни розоваго свѣта, ни безстрастія, ни сентиментальности. Тутъ все твердо и свободно. Преднамѣренно-поучительная мысль не выглядываетъ отовсюду, какъ кость какого-нибудь сухощаваго оратора, наставительныя умозрѣнія не портятъ своимъ присутствіемъ поэзіи свободной и чистой, — чистая поэзія не исключаетъ серіознаго взгляда на дѣла жизни. Все строго и соразмѣрно съ своей цѣлью, всѣ стороны міра равны передъ поэтическимъ взглядомъ писателя, — и самъ писатель твердо вѣритъ, что ему дано отъ судьбы полное право итти въ ту сторону, куда зоветъ его загадочная и талантливая сила, называемая вдохновеніемъ.

Дружининъ.

Общее содержаніе и идея разсказа „Казаки“.

Перломъ среди кавказскихъ разсказовъ остается все-таки повѣсть „Казаки“, появившаяся въ первый разъ въ печати только въ 1863 году, хотя начата она была еще во время пребыванія Толстого на Кавказѣ. Молодой, знатный московскій баринъ, Оленинъ, спустившій, игрой и разными пустыми развлеченіями, значительную часть своего состоянія, прощается съ друзьями и одной зимней ночью отправляется на Кавказъ. Жизнь, которую онъ до сихъ поръ велъ, опротивѣла ему. Онъ рѣшилъ стряхнуть съ себя однообразіе и пустоту жизни въ обществѣ и сдѣлаться совсѣмъ новымъ человѣкомъ. Онъ поселился на берегу Терека, живетъ въ казацкой семьѣ; дядя Ерошка, старый охотникъ, любитель выпивки и пѣсенъ, посвящаетъ его въ тайны этой новой для него жизни. Его задача — вырвать съ корнемъ тѣ извращенныя мысли и чувства, которыя отравляли ему жизнь, и возвратиться къ природѣ, въ полномъ отчужденіи отъ которой жилъ онъ до сихъ поръ. Онъ ходитъ съ казаками на охоту, живетъ, ѣстъ, пьетъ, какъ они, и надѣется стать въ концѣ концовъ настоящимъ казакомъ. Красавица Марьянка, дѣвушка-казачка, дочь людей, у которыхъ онъ живетъ, возбуждаетъ сначала его вниманіе, затѣмъ удивленіе и, наконецъ, глубокую любовь, которой онъ не въ силахъ побороть. До сихъ поръ романтикъ старой школы разрабатывалъ бы эту фабулу такъ же, какъ сдѣлалъ это Толстой. Но тутъ вступаетъ въ свои права реализмъ, столь свойственный нашему писателю, и все дѣло принимаетъ совсѣмъ иной оборотъ. Страсть Оленина къ молодой дѣвушкѣ остается совершенно непонятной. Всѣмъ своимъ поведеніемъ Марьянка доказываетъ, что къ этой здоровой, простой натурѣ не пристанетъ ничто, чѣмъ Оленинъ желаетъ выказать свою любовь. Она находитъ странными его манеры, начинаетъ почти что бояться его, когда его съ трудомъ сдерживаемое чувство вырывается наружу въ двухъ-трехъ несвязныхъ словахъ. Въ душѣ она совершенно равнодушна къ нему. Какъ изображаетъ ее авторъ, она, красивая и сильная, гордая и съ богатымъ природнымъ умомъ, казачка душой и тѣломъ, живетъ въ такой сферѣ, которая совершенно недоступна для сентиментальнаго культурнаго человѣка, который охотно разстался бы съ обычными условіями жизни и не можетъ сдѣлать это, при всемъ своемъ желаніи. Марьянка создана для сына того народа, къ которому принадлежитъ она сама, въ родѣ Лукашки. По отношенію къ знатному барину, связанному съ ихъ средой только внѣшнимъ образомъ, она проявляетъ чувствъ не больше, чѣмъ рѣки и горы ея страны. Въ письмѣ, въ которомъ Оленинъ описываетъ всю безнадежность своего положенія, онъ приходитъ къ слѣдующему выводу относительно Марьянки: „Въ нелѣпыхъ мечтахъ я воображалъ ее то своею любовницею, то своею женой, и съ отвращеніемъ отталкивалъ и ту и другую мысль. Сдѣлать ее дѣвкой было бы ужасно. Это было бы убійство. Сдѣлать ее барыней, женою Дмитрія Андреевича Оленина, какъ одну изъ здѣшнихъ каза-

чекъ, на которой женился нашъ офицеръ, было бы еще хуже. Вотъ ежели бы я могъ сдѣлаться казакомъ, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями, убивать людей и пьянымъ влѣзать къ ней въ окно на ночку, безъ мысли о томъ, кто я? и зачѣмъ я? — тогда бы другое дѣло, тогда бы мы могли понять другъ друга, тогда бы я могъ быть счастливъ. Я пробовалъ отдаваться этой жизни, и еще сильнѣе чувствовалъ свою слабость, свою изломанность. Я не могъ забыть себя и своего сложнаго, не гармоническаго, уродливаго прошедшаго. И мое будущее представляется мнѣ еще безнадежнѣе. Каждый день передо мною далекія снѣжныя горы и эта величавая, счастливая женщина. И не для меня единственно возможное на свѣтѣ счастье, не для меня эта женщина. Самое ужасное и самое сладкое въ моемъ положеніи то, что я чувствую, что я понимаю ее, а она никогда не пойметъ меня. Она не пойметъ не потому, что она ниже меня, напротивъ, она не должна понимать меня. Она счастлива, она, какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ. А я, исковерканное, слабое существо, хочу, чтобъ она поняла мое уродство и мои мученія!" Съ гораздо большей тяжестью на сердцѣ, чѣмъ какую чувствовалъ онъ до своего отъѣзда на Кавказъ, возвращается онъ къ своему полку въ крѣпость. Когда запрягали лошадей, онъ замѣтилъ, что ни дядя Ерошка ни Марьянка даже и не смотрятъ на него, а просто толкуютъ о своихъ дѣлахъ.

Такой исходъ любовной исторіи Оленина былъ принятъ съ удивленіемъ, какъ ни обоснованъ онъ, повидимому, данными условіями и характерами дѣйствующихъ лицъ. Но если бы отбросили условныя воззрѣнія и взглянули на дѣло просто, то легко нашли бы, что содержаніе этой повѣсти, цѣликомъ взятое изъ дѣйствительной жизни, по меньшей мѣрѣ столь же поэтично, какъ и традиціонная романтика. Какъ просто и естественно въ этой повѣсти описаніе Москвы ночью, прощальнаго настроенія друзей, кончающихъ ужинъ, въ то время какъ слуга въ передней съ нетерпѣніемъ ожидаетъ окончанія бесѣды, а передъ подъѣздомъ запряженная въ сани тройка роетъ снѣгъ! Затѣмъ эта поѣздка на югъ зимней ночью, сначала по длиннымъ улицамъ Москвы, а затѣмъ большой дорогой, между тѣмъ какъ въ воображеніи Оленина воспоминанія о прошедшей жизни перемѣшиваются съ мечтами о будущемъ въ быстро смѣняющихся образахъ. Онъ чувствуетъ, что до сихъ поръ онъ, собственно говоря, даже не жилъ еще, несмотря на всѣ свои попытки — испробовать всѣ наслажденія и завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ. Не имѣя ни семьи ни внѣшнихъ побужденій къ дѣятельности онъ утерялъ вѣру въ счастье; но теперь, „уѣзжая изъ Москвы, онъ находился въ томъ счастливомъ молодомъ настроеніи духа, когда, сознавъ прежнія ошибки, юноша вдругъ скажетъ себѣ... что теперь начинается новая жизнь, въ которой уже не будетъ больше тѣхъ ошибокъ, не будетъ раскаянія, а навѣрное будетъ одно счастіе". При видѣ снѣжныхъ равнинъ, пробѣгающихъ мимо него, онъ думаетъ то о томъ, то о другомъ, вспоминая друзей, жен-

щинъ, неоплаченные счеты. Въ немъ крѣпко засѣла мечта о женщинѣ, которую онъ надѣется найти на Кавказѣ: „И тамъ она, между горъ, представляется воображенію въ видѣ черкешенки-рабыни, съ стройнымъ станомъ, длинною косой и покорными глубокими глазами. Ему представляется въ горахъ уединенная хижина, и у порога *она*, дожидающаяся его въ то время, какъ онъ, усталый, покрытый пылью, кровью, славой, возвращается къ ней, и ему чудятся ея поцѣлуи, ея плечи, ея сладкій голосъ, ея покорность. Она прелестна, но она необразованна, дика, груба. Въ длинные зимніе вечера онъ начинаетъ воспитывать ее. Она умна, понятлива, даровита и быстро усвоиваетъ себѣ всѣ необходимыя знанія. Отчего же? Она очень легко можетъ выучить языки, читать произведенія французской литературы, понимать ихъ. Notre Dame de Paris, напримѣръ, должно ей понравиться. Она можетъ и говорить по-французски. Въ гостиной она можетъ имѣть больше природнаго достоинства, чѣмъ дама самаго высшаго общества. Она можетъ пѣть, просто, сильно и страстно“. Оленинъ пробуждается отъ этихъ мечтаній и находитъ, что все это вздоръ; но опять и опять ищетъ воображеніемъ этого вздора. Югъ становится все ближе, все больше измѣняется ландшафтъ; живописнѣе становится одежда людей, попадающихся навстрѣчу; все отраднѣе становится на душѣ у Оленина. Наконецъ, въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ онъ видитъ вдали уходящія въ облака вершины безконечныхъ горъ, составляющихъ цѣль его путешествія. Описанія Кавказа тѣсно связаны съ изображеніемъ разнообразныхъ характеровъ. Отправившись однажды на охоту одинъ, лицомъ къ лицу съ спокойной, вѣчной, равнодушной природой, онъ, казалось ему, нашелъ то, что одно только даетъ цѣнность жизни и удовлетвореніе. „Счастье вотъ что, — сказалъ онъ самъ себѣ: — счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья, стало-быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!“ Какъ много изъ собственной философіи жизни вложилъ Толстой въ образъ Оленина, видно уже изъ одного этого признанія, въ которомъ выразилась существеннѣйшая сторона этики и всего вообще міросозерцанія Толстого. Характеры, встрѣчающіеся въ „Казакахъ“, не менѣе оригинальны, чѣмъ самая фабула этой повѣсти: старый, загорѣвшій отъ солнца и вѣтра сѣдобородый великанъ Ерошка, вся жизнь котораго проходитъ въ охотѣ, пьянствѣ, болтовнѣ и пѣніи, засиживающійся, подъ веселую руку, за стаканчикомъ до той поры, что его приходится прямо уносить; молодой казакъ Лукашка, убивающій человѣка, какъ будто рѣжетъ курицу; самъ Оленинъ и еще четыре-пять фигуръ, стоящихъ на второмъ планѣ, родители Марьянки, слуга Оленина — Ванюшка и другіе. *Цабель.*

Дѣйствующія лица въ разсказѣ „Казаки“ и ихъ характерныя черты.

Съ точки зрѣнія художественнаго совершенства, лучшій типъ, созданный гр. Толстымъ въ его послѣднемъ романѣ — это, мнѣ кажется, безспорно, казакъ Ерошка — типъ, глубоко постигнутый, оригинальный и живой.

Дядя Ерошка прежде всего *казакъ*. Какъ линейный казакъ, соперникъ и сосѣдъ чеченца, онъ проникнутъ насквозь духомъ молодечества; но его молодечество не чопорная бравура французскаго рыцаря, не дикое безстрашіе скандинавскаго бирзеркера; онъ не просто молодецъ, а *казакъ-молодецъ, джигитъ,* какъ онъ самъ любитъ называть подобныхъ себѣ. Джигиту, по догматамъ джигитовъ, великая честь подстеречь неосторожнаго врага и просадить ему пулей голову изъ потаеннаго мѣста; джигиту великая слава тайкомъ отправиться съ товарищемъ въ аулы мирныхъ ногайцевъ и угнать отъ нихъ въ горы табунъ или стадо, хотя бы пришлось для этого задушить спящихъ пастуховъ и разорить деревню. Искусно, а главное, *безнаказанно украсть* что-нибудь у чужого — даетъ джигиту такое же право на уваженіе товарищей, какое мы, цивилизованные люди, признаемъ за великими нашими дипломатами, умѣющими оттягать отъ иностранной державы лишнюю сотню миль или лишній милліонъ франковъ. Ему его воровство кажется столь же мало безчестнымъ, какъ англичанину плутни его дипломатіи.

Дядя Ерошка вѣритъ въ свои догматы, какъ въ свои пять пальцевъ; онъ обнаруживаетъ ихъ не только съ полною откровенностью, но даже съ хвастовствомъ и гордостью человѣка, сознающаго размѣръ своихъ заслугъ...

Къ людямъ, не понимающимъ его догматовъ — неодобреніе онъ можетъ считать только за непониманіе — дядя Ерошка относится какъ къ неразумнымъ ребятамъ полупрезрительно, полунасмѣшливо, полужалѣя. Онъ даже считаетъ за лишнее убѣждать ихъ тѣмъ болѣе, что по натурѣ своей исполненъ терпимости къ слабостямъ другихъ. Но зато онъ серіозно уважаетъ и отличаетъ истиннаго джигита, что значитъ *истиннаго человѣка,* по идеалу дядей Ерошекъ. Лукашка, застрѣлившій абрека, Лукашка, воровавшій съ Гирей-ханомъ, въ его глазахъ есть лучшій исполнитель своего призванія, своего долга. За его удаль онъ полюбилъ его какъ родного сына: онъ его учитъ, интересуется имъ, любуется на него, расхваливаетъ его другимъ; между ними устанавливается крѣпкая нравственная связь помимо расчетовъ и внѣшней случайности.

Другая черта, усложняющая характеръ стараго казака — это то, что онъ охотникъ, бродяга. Охота придаетъ его физіономіи и его воззрѣніямъ болѣе личный колоритъ. Она дѣлаетъ его еще большимъ непосѣдою, чѣмъ обыкновенно бываетъ казакъ. Она до такой степени освоиваетъ его съ зоологическою жизнью лѣсовъ, что онъ едва отли-

чаетъ въ своихъ понятіяхъ дикую свинью отъ чужого человѣка. Онъ въ звѣрѣ видитъ живое существо съ разсудкомъ, чувствомъ, обычаями иными, чѣмъ у казака или чеченца, но иными въ томъ же смыслѣ, какъ у нѣмца въ сравненіи съ русскимъ, у татарина съ жидомъ. Это придаетъ его міросозерцанію что-то пантеистическое и вмѣстѣ поэтическое. Тутъ онъ прячется не за общеказацкимъ догматомъ, а за плодомъ личныхъ наблюденій, за выводомъ своего многолѣтняго и внимательнаго общенія съ природою. Онъ втянулся въ нее совсѣмъ съ головою и инстинктивно чувствуетъ себя ея нераздѣльною частью, однимъ изъ тѣхъ ея созданій, которымъ нельзя счета найти, которыя наполняютъ непроходимые лѣса и камыши, и тайныя подземныя норы, и безграничныя травяныя степи. Съ зари и до зари, изъ году въ годъ сидитъ и бродитъ онъ въ этихъ камышахъ и подъ этими чинарами; онъ застаетъ своими собственными глазами всевозможные моменты животной жизни: слѣдитъ выдру подъ водой, подманиваетъ тетеревовъ, обходитъ лежку кабана. Передъ нимъ и они слѣдятъ и ловятъ другъ друга, употребляютъ то же насиліе и тотъ же обманъ, какъ человѣкъ; какъ онъ, требуютъ пищи и покоя и удовлетворенія срастямъ; какъ онъ, родятся въ болѣзняхъ и сосутъ молоко матери, мужаютъ, укрѣпляясь тѣломъ и смысломъ, болѣютъ и умираютъ, скорбятъ и радуются. Какъ у него, у нихъ есть жены и семейства, и домашній кровъ, и родная земля, любовь и дружба, страхъ и гнѣвъ. Другіе могутъ этого не знать, могутъ искажать съ разными цѣлями представленія свои о животныхъ тваряхъ. Но дядѣ Ерошкѣ не знать звѣря нельзя, и унижать звѣря нѣтъ никакой причины. Онъ лучше всѣхъ знаетъ, что между нимъ и кабаномъ бездна не безмѣрно велика; знаетъ уже по тому одному — какое напряженіе физическихъ силъ, энергіи и умственной изобрѣтательности необходимо ему употребить для одолѣнія этого звѣря, то-есть для фактическаго доказательства своего превосходства надъ нимъ. Это напряженіе ощущается имъ слишкомъ осязательно и непосредственно, чтобы не быть сознаннымъ.

Отсюда прямо вытекаютъ религіозныя представленія дяди Ерошки. Онъ не въ силахъ раздѣлить свою судьбу отъ судьбы милліоновъ другихъ созданій, такъ близко къ нему подходящихъ, составляющихъ, такъ сказать, его домочадцевъ, знакомцевъ и соотечественниковъ. У дяди Ерошки то же приравненіе себя къ животному, но только болѣе реальное, основанное на опытѣ. Онъ видѣлъ, какъ умирали чеченцы, олени и казаки, и видѣлъ, что гдѣ они гнили — трава вырастала. Старый казакъ когда-то сказалъ ему, что *все то фальшь, что уставщики говорятъ;* эта мысль и застряла у него въ головѣ, потому что она вполнѣ подтверждала его собственный опытъ. Удивительно ли, что формальныя толкованія раскольничьихъ книгъ полуграмотными начётчиками, толкованія о какихъ-то неуловимыхъ, отвлеченныхъ предметахъ языкомъ нечеловѣчески-изломаннымъ — казались одною фальшью человѣку лѣса и поля, привыкшему не къ рѣчи, а къ дѣлу, не къ скучной книгѣ, а къ свѣжей природѣ.

Религіозныя воззрѣнія дяди Ерошки даже не кажутся намъ какимъ-нибудь исключительнымъ явленіемъ въ жизни простого народа. Это не какой-нибудь Lucifer Бартольда Ауэрбаха, не какой-нибудь esprit fort, возстающій противъ старыхъ догматомъ во имя чего-либо новаго. Дядя Ерошка, по болтливости стараго кутилы и празднаго охотника, весь нараспашку за кружкой чихиря. Оленинъ простъ, по его мнѣнію; онъ его не опасается, не стѣсняется имъ, а говоритъ по душѣ. Въ сущности же онъ и религіозенъ не болѣе большинства. Надо еще замѣтить, что дядя Ерошка даже и въ такомъ откровенномъ расположеніи духа боится формулировать свои сомнѣнія въ сколько-нибудь рѣшительный выводъ; онъ разомъ прекращаетъ разговоръ, когда замѣчаетъ соблазнительность его исхода...

Третья характерная черта дяди Ерошки — это его эпикуреизмъ на казацкій ладъ. Онъ не можетъ подчиниться условіямъ гражданской жизни, дисциплинѣ арміи, дисциплинѣ закона. Онъ не боится труда, но не выноситъ принужденія. Вѣдь издыхаютъ же въ клѣткахъ самые сильные и здоровые звѣри. Рожденный въ лѣсахъ Терека, среди горъ, онъ не можетъ разстаться съ почвою, его вскормившей. Онъ питается корочкою хлѣба, когда нечего съѣсть, но онъ зато не работаетъ и не служитъ. Онъ всегда господинъ своего времени и своей воли: идетъ куда вздумаетъ, зачѣмъ вздумаетъ, къ кому вздумаетъ. Попробуйте назначить горному хищнику — орлу или коршуну, — гдѣ и какъ онъ долженъ ловить свою добычу. Для дяди Ерошки жизнь есть свобода, иначе онъ не въ состояніи мыслить жизнь. День и ночь онъ шатается по камышамъ, по колючимъ кустарникамъ, по глухимъ лѣсамъ. Онъ едва спитъ: до зари уже съ ружьемъ. *Сидѣть въ хатѣ онъ просто не умѣетъ.*

„Что дома-то сидѣть? только нагрѣшишь, пьянъ надуешься. Еще бабы тутъ придутъ, тары да бары; мальчишки кричатъ, угоришь еще; то ли дѣло на зорькѣ выйдешь?...“ и т. д.

Но уже если разъ онъ дома, ему хочется побаловать себя, ему хочется веселой компаніи за бутылкой чихиря, и, конечно, чужого чихиря, потому что своего хозяйства у него нѣтъ. Поэтому онъ такъ любитъ простыхъ людей, въ родѣ Оленина, то-есть такихъ, у которыхъ можно выпить. Онъ ихъ по чутью узнаетъ и сходится съ ними въ одну минуту. Но тутъ дѣйствуетъ не одно побужденіе выпивки и блюдолизничества. Дядя Ерошка не унижается чужимъ угощеніемъ и не считаетъ его за подачку, за милость. Онъ твердо убѣжденъ, что самъ понадобится не нынче — завтра, и что его услуга будетъ нисколько не меньше, хотя и въ другомъ родѣ. У него нѣтъ чихиря, но можетъ быть кабанья свѣжина, и тогда ему вся станица кланяется; нѣтъ пороха, но зато бываютъ фазаны. Оттого онъ за чужимъ столомъ, какъ за своимъ: посылаетъ Оленинскаго деньщика покупать чихирь на деньги Оленина, будто въ свой собственный погребъ, всѣмъ распоряжается безъ всякаго смущенія и стѣсненія. Но въ немъ чувствуется не безстыдникъ, не эксплуататоръ, а щедрая душа, привык-

шая вездѣ раскошеливаться. Посмотрите, сколько привлекательнаго въ этомъ откровенномъ, безхитростномъ подступѣ его къ Оленину, въ минуту перваго знакомства. Это именно подступъ простой души, не знающей и знать не желающей той условной лжи, которой сложная система стремится совсѣмъ замѣнить нашу жизнь...“

„Ерошка очарователенъ именно своею реальностію, полнотою, а не выдуманностью и односторонностью. Онъ — человѣкъ практическій, живетъ легко и весело. Впечатлѣнія его неглубоки, но живы, взглядъ широкій, свѣтлый и спокойный. Иначе бы и не дожить ему въ такомъ кабаньемъ здоровьѣ до сѣдой бороды, не быть бы въ 70 лѣтъ румянорожимъ кутилой и плясуномъ. Изъ этихъ условій вытекаетъ его благорасположеніе къ людямъ, его поэтическое чувство природы; но въ жизни его не существовало никакихъ условій, способныхъ очистить его характеръ, языкъ и привычки отъ вліяній обстановки, ремесла и вѣковыхъ преданій; и онъ является съ ними со всѣми, какъ есть, живой, выпуклый, навсегда памятный.

Казакъ Лука — джигитъ, удалецъ, но не можетъ такъ симпатически дѣйствовать на чувства читателя, какъ дѣйствуетъ старый циникъ Ерошка. Въ Лукашкѣ много сухой серіозности, односторонности и прозы. Это идеалъ казака, упорно вѣрующій въ малѣйшій догматъ казачества, не знающій ни въ чемъ отступленія, сомнѣнія, колебаній. Въ него не вложено ни одной искры поэзіи, ни одной соринки скептицизма, отчего отъ него нѣсколько пахнетъ умственною ограниченностью. Въ Ерошкѣ сидитъ, хотя очень глубоко, бѣсъ новизны, реформы. Ерошка оттрепанъ на всѣ бока своимъ житейскимъ опытомъ; инстиктивно онъ понялъ относительность и условность многаго. Рѣзкость его лѣсныхъ вкусовъ и казацкихъ догматовъ смягчились столько же этимъ долголѣтнимъ опытомъ, сколько несомнѣнно-поэтическимъ складомъ его души. Но Луку мы застаемъ во всемъ весеннемъ сокотеченіи грубыхъ силъ; ослабленіе физической жизни еще не уступило умственнымъ силамъ его господства надъ его дѣйствіями. Оттого онъ рѣзокъ, суровъ и исключителенъ. Въ убійствѣ абрека, даже при созерцаніи трупа его, онъ еще не умѣетъ видѣть что-нибудь иное, кромѣ собственнаго подвига; онъ дрожитъ отъ радости, какъ коршунъ, задравшій перепелку, и полонъ только одной казацкой гордости. Но это не кровожадность, не дрянное чувство радости о гибели другого. Это — безсознательное, вполнѣ естественное ощущеніе хищной птицы или кошки, удовлетворившей своей органической потребности. Безнравственнаго тутъ уже ничего не откопаешь. Такова же его любовь къ Марьянѣ: прямая, откровенная, пропечатанная до послѣдней буквы въ каждомъ его жестѣ и словѣ. Онъ не скрываетъ, чего хочетъ отъ Марьянки: — ни отъ нея самой ни отъ людей; онъ даже не подозрѣваетъ, что у кого-нибудь могутъ быть поводы скрывать это. Марьянка лучше другихъ дѣвокъ, больше по вкусу ему: но онъ ничуть не мечтаетъ, будто бы она для него незамѣнима: она — или никто... Вовсе нѣтъ: не пошла Марьянка — другую бы взялъ, казачекъ хоро-

шихъ много; не удается ему къ Марьянкѣ въ окно влѣзть — поворачиваетъ къ Ямкѣ, и дѣло съ концомъ. Для Марьянки онъ не пожертвуетъ также своими военно-казацкими интересами. Ихъ только онъ считаетъ *настоящимъ дѣломъ*, а всѣ свои бесѣды съ Марьянкой, всѣ свои попойки у Ямки — однимъ баловствомъ, гуляньемъ, пригоднымъ между дѣломъ и въ свой часъ. Марьянка не закрыта отъ него никакими иллюзіями; онъ не считаетъ разрушеніемъ своей любви открыто-высказаннаго ей подозрѣнія въ невѣрности; онъ въ этой невѣрности видитъ весьма естественное событіе, хотя лично ему невыгодное. Онъ не изнываетъ въ психическихъ мученіяхъ, какъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ какой-нибудь Грыцько или Остапъ Марко-Вовчка, а просто-напросто грозитъ Марьянѣ и ругается съ нею. Такъ же ругается онъ и въ отвѣтъ на постоянные ея отказы его желаніямъ: „Хорунжиха! замужъ выйдешь", ворчитъ онъ презрительно на свою возлюбленную. Такъ же откровенны, можно сказать, всенародны его кутежи у Ямки, его связи съ прежнею любовницей; все это основано на казацкихъ принципахъ, допускается казацкою моралью — стало-быть, изъ чего тутъ скрываться? Оттого въ его пьянствѣ и развратѣ не видишь ничего омерзительнаго, унижающаго, какъ нельзя видѣть ничего этого въ жизни дикаго коня. Что бы ни дѣлалъ звѣрь — онъ никогда не представляется намъ безнравственнымъ, грязнымъ, но всегда естественнымъ, исполненнымъ своего особеннаго достоинства и своей особенной красоты; потому что онъ всегда вѣренъ самому себѣ, никогда не ниже себя. Когда гуляетъ Лука, чувствуешь, что этому организму надо выпить и нагуляться именно настолько, что это не извращенье инстинктовъ, не болѣзненное раздраженье вкусовъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ иныхъ слояхъ общества.

Отношенія Лукашки къ матери, вставленныя авторомъ, словно мимоходомъ, прекрасно дорисовываютъ его портретъ. Эти отношенія опять-таки глубоко казацкія, глубоко простонародныя. Что ни говори, а въ настоящей русской семьѣ, не только мужицкой, но даже и купеческой, взрослые сыновья безъ отца дѣлаются хозяевами, властелинами своихъ матерей. Лука — суровый и эгоистическій хозяинъ, какъ все наше простонародье. Баба, хотя она и мать, не слышитъ отъ него ласки и празднаго разговора. Какъ казакъ, онъ особенно презираетъ бабу: баба не воинъ, не джигитъ, бабѣ только пироги печь; что съ нею толковать? Спросилъ чихирю, прикрикнувъ для порядка да и за дѣло. Помыслы Луки, какъ и всякаго казака, внѣ семьи; ему дома скучно и почти неприлично. А между тѣмъ онъ уважаетъ мать по-своему: онъ ей достанетъ все, что нужно, онъ не дастъ ее обидѣть, онъ на нее не только не осмѣлится руки поднять, но даже нехорошее слово сказать. И народъ кругомъ, и сама мать, и самъ Лука увѣрены, что онъ почтительный сынъ, какъ казаку и православному быть, хотя онъ презираетъ нѣжничанье и возню съ бабой. Чѣмъ онъ виноватъ? Онъ слѣдуетъ только тому, чему научили его собственные гувернеры — Ерошки и Гирейханы; онъ помнитъ только свои лекціи,

прослушанныя когда-то въ камышахъ Терека и на вышкѣ кордона. Конечно, пріятно было бы устроить чувствительный пейзажъ, съ одной стороны, изъ престарѣлой матери, обливающей слезами стремя сыновняго коня, лобзающей сына въ уста и въ очи, называющей его „желаннымъ“ и „сизымъ голубемъ“ и „дитяткой ненаглядным“; а съ другой стороны, отъ этого статнаго юноши съ поникшимъ челомъ и съ слезою, повисшей на черномъ усѣ: „Прощай, моя ясочка, родимая моя!“ могъ бы тихо прошептать онъ; „кто-то будетъ мнѣ расчесывать шелковыя кудри мои, кто-то будетъ миловать да голубить“: а она бы еще; а онъ бы еще, и кончить потомъ многими точками. Я знаю, что эта сцена вышла бы поразительно подъ талантливымъ перомъ нашего знаменитаго изслѣдователя простонародной жизни — Марка-Вовчка. Но что же дѣлать? Нѣкоторые односторонніе писатели не любятъ почему-то поразительныхъ сценъ; надо и имъ когда-нибудь уступить.

Лукашка выступаетъ грубымъ прозаикомъ еще въ одномъ обстоятельствѣ своей жизни: въ дружбѣ съ Оленинымъ. Несмотря на беззавѣтную доброту Оленина, на его горячія желанія сдѣлать для счастія Луки все, отъ него зависящее, Лукашка ведетъ себя настоящимъ болваномъ; надъ сердечными изліяніями Оленина онъ внутренно подсмѣивается и долго не вѣритъ чистотѣ его намѣреній. Даже послѣ подарка Оленинскаго, Лука не разубѣждается, а ждетъ все, что Оленинъ выпроситъ у него что-нибудь себѣ, взамѣнъ подареннаго коня; онъ радъ-радехонекъ, что можетъ отдѣлаться однимъ кинжаломъ. Только впослѣдствіи, когда ему сказали старики, что русскіе всегда такіе дураки и богачи, онъ какъ будто понялъ Оленина, и пересталъ его подозрѣвать. Васъ, можетъ быть, удивляетъ, отчего этотъ безсердечный юноша, безъ всякой причины, такъ упорно не хотѣлъ вѣрить теплымъ словамъ дружбы? Вещь очень простая, читатель! для него эти слова имѣютъ то же значеніе, какъ для насъ съ тобою стереотипныя фразы писемъ: *многоуважаемый господинъ* или *имѣю честь остаться душевно вамъ преданнымъ*. Казаки и чеченцы не словами, а дѣлами съ мальства научили его, что чужого коня можно достать или своимъ золотомъ, или своею кровью; что безъ собственной выгоды одинъ человѣкъ для другого пальцемъ не пошевелитъ; что не только слова, даже клятвы даются именно тѣми, кто скорѣе всего готовъ ихъ нарушить. Послушайте, какъ учитъ его довѣрію къ людямъ его сѣдой дядька и гувернеръ — Ерошка:

„Гирей-хану вѣрить можно, его весь родъ — люди хорошіе; его отецъ вѣрный кунакъ былъ. Только слушай дядю, я тебя худу не научу: вели ему клятву взять, тогда вѣрно будетъ; а поѣдешь съ нимъ, все пистолетъ наготовѣ держи... Вѣришь — вѣрь, а безъ ружья спать не ложись“. Грубый въ страстяхъ, грубый въ любви, грубый въ дружбѣ — вотъ, значитъ, и весь Лукашка — подумаете вы, весь идеалъ казака. Нѣтъ, далеко не весь. Казакъ — вѣчный воинъ, вѣчный борецъ. Тутъ все его содержаніе, вся его добродѣтель и мораль. Лукашка переполненъ этой существенно-казацкой добродѣтелью. Къ ней прикованы его

фантазіи и его сознаніе. Долгъ въ отношеніи къ ней — для него святъ и неуклоненъ, какъ Божья заповѣдь. Она — *дѣло;* все остальное — пустая, ребяческая забава. Лукашка, такъ безцеремонно трактующій свою невѣсту-любовницу, такъ безпросыпно гуляющій въ станицѣ съ своимъ другомъ Назаркою — тотъ же Лукашка сидитъ, не смыкая глазъ, цѣлыя ночи на берегу Терека, оберегая родную станицу; онъ первый бросается на пули и ножи арбековъ; онъ, когда нужно, не раздумывая, переплываетъ Терекъ, подвергая себя всевозможнымъ опасностямъ. Рыцарскій духъ казака горитъ въ немъ жаркимъ, для всѣхъ замѣтнымъ, пламенемъ. Сами товарищи лучше всего чуютъ въ немъ присутствіе этого избраннаго духа и невольно уступаютъ ему въ дѣлѣ первый шагъ и первый голосъ, помимо всѣхъ чиновныхъ и сѣдыхъ старшинъ...

Въ типѣ Марьянки нѣтъ ни малѣйшаго недостатка опредѣленности; она намъ ясна до осязательности. Это — здоровая, красивая, молодая дѣвка, такъ же точно вѣрная во всемъ своей сферѣ и своей породѣ, какъ буйволица вѣрна своимъ. Посмотрите, какими глазами смотритъ она на свою красоту, на свои отношенія къ Лукашкѣ. Жизнь успѣла уже показать ей, что всѣ молодыя дѣвки въ свою пору нравятся парнямъ, что за всѣми ухаживаютъ, отъ всѣхъ добиваются поцѣлуевъ и обѣщаній; стало-быть, ничего особенно лестнаго, исключительнаго не можетъ быть въ отношеніяхъ къ ней ея Лукашки. Лукашка добивается своего, для себя, а не для нея. Лукашка будетъ ее бить, когда станетъ ея мужемъ; ластится онъ до поры до времени, пока она еще не въ рукахъ. Она знаетъ, что не одна она привлекала его, что онъ даже къ ней ходитъ отъ своей прежней душеньки. Отсюда понятно ея довольно равнодушное и нѣсколько строгое поведеніе по отношенію къ Лукѣ. Нельзя сказать, что она его не любитъ; она желала бы изъ всѣхъ казаковъ имѣть мужемъ Лукашку; Лукашка — молодецъ собою, первый храбрецъ, на виду у всей станицы. Она тоже изъ первыхъ дѣвокъ въ станицѣ; это ей всѣ говорятъ, и она на столько сама понимаетъ; поэтому имъ сподручнѣе всего быть мужемъ и женою. Тутъ не одно благоразуміе: и физическая страсть уже говоритъ въ этомъ крѣпкомъ, молодомъ тѣлѣ. Но странно бы было приписать этой страсти подавляющее значеніе, какъ поступаетъ обыкновенно въ отношеніи своихъ героинь Жоржъ-Зандъ и ея крошечные копировщицы и копировщики.

„Благоразуміе и чувство туземнаго приличія заставляетъ Марьянку сдерживать нетерпѣніе молодого казака; она не прочь цѣловаться съ нимъ, она позволяетъ ему ласкать себя и слушаетъ съ большимъ удовольствіемъ его любовныя рѣчи; она горитъ въ его объятіяхъ; но всякое рѣшительное требованіе Лукашки отклоняется настойчиво и сурово, потому что суровыя стороны жизни побѣждаютъ въ сознаніи Марьянки увлеченіе любви. Любовь хороша, но любовь все же таки роскошь: а жизнь уже показала ей, что прежде роскоши нужно еще удовлетворить многому и важному другому. Эти неизбѣжныя и постоянныя условія приковываютъ ея мысль, мѣшая ей уступить скоротечной вспышкѣ,

которой радости стоили бы несоразмѣрно дорого. Нѣтъ спора, что это — проза, скучная и матеріальная проза, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому слову. Въ этомъ и заслуга писателя, что онъ не обманываетъ насъ и не сочиняетъ намъ Ганусей и игрушечекъ, ясочекъ и лебедушекъ, *такихъ якъ краля*, которыя распускаютъ свои волоса на берегу озера и поютъ, ничего не дѣлая, меланхолическія пѣсни къ вѣтру буйному, къ соколику ясному, которыя влюбляются въ разныхъ таинственныхъ Петро — *такихъ чернобривыхъ да хорошихъ*, вмѣстѣ съ ними плачутъ и мечтаютъ объ Аркадіи въ Бахмутскомъ уѣздѣ. Посмотрите, напротивъ, съ какою откровенною правдивостью рисуетъ намъ гр. Л. Толстой нравы своихъ Ромео и Юлій даже въ моменты ихъ нѣжнѣйшихъ воркованій:

— „Дай сѣмечекъ", прибавилъ онъ (Лука), протягивая руку. Марьянка совсѣмъ улыбнулась и открыла воротъ рубахи. — Всѣ не бери, сказала она. — Право, все о тебѣ скучился, ей-Богу, сказалъ сдержанно спокойнымъ шопотомъ Лука, доставая сѣмечки изъ-за пазухи дѣвки и еще ближе, ближе пригнувшись, сталъ шопотомъ говорить что-то, смѣясь глазами:

— „Не приду, сказано!" вдругъ громко сказала Марьянка, отклоняясь отъ него... и т. д."

Это изъ самыхъ деликатныхъ сценъ; другія рѣчи и сцены еще выразительнѣе.

„Ишь, хорунжиха!" думаетъ Лука про свою невѣсту: „и не пошутитъ, чортъ! Дай срокъ".

— „Вишь чортъ проклятый! напугалъ меня. Ну, пошелъ же домой" со смѣхомъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ Марьянка про Луку. Офицера Бѣлецкаго она цѣлуетъ безъ всякаго смущенія и замахивается на него кулакомъ въ видѣ гостинной любезности. Юнымъ подругамъ своимъ кричитъ: „заперлись, черти!" Когда Оленинъ неожиданно расцѣловалъ ее при всей публикѣ, она только громко захохотала. Въ жару самаго патетическаго и рѣшительнаго объясненія Оленина, предлагающаго ей всю жизнь свою, вмѣстѣ съ своею рукою, она перерываетъ его словами: „ну, что брешешь!..." и т. д. Еще характернѣе предпослѣдняя сцена Оленина съ Марьянкой, когда у нихъ между собою все уже улажено. Оленинъ не знаетъ, куда дѣть, въ чемъ выразить свое блаженство; ему хочется слышать слова любви и ласки изъ устъ дорогого созданія; онъ нѣсколько разъ обращаетъ къ ней все тотъ же вопросъ о любви, словно разсмаковывая свое счастье въ этихъ праздныхъ, но такъ понятныхъ повтореніяхъ; и Марьянкѣ все это кажется до крайности страннымъ, ненужнымъ, чуть не безумнымъ. Она обдаетъ самою бабьею, стряпухинскою прозою всѣ поэтическіе запросы своего обожателя"...

Итакъ, Марьянка гр. Толстого является женщиною своей среды и породы, т.-е. расчетливою, матеріальною, ставящею прежде всѣхъ своихъ страстей требованіе благоразумія. Ей непонятно и даже невѣроятно все, что только не основывается на узкомъ простонародномъ

расчетѣ. Она считаетъ глупостью, баловствомъ нѣжныя рѣчи и безразсудное нетерпѣніе своихъ любовниковъ. По нравственнымъ идеаламъ своимъ, это — *бюргерша* въ самомъ обидномъ смыслѣ, который стали придавать этому слову; по формамъ, въ которыхъ проявляются ея взгляды, это — истая мужичка. И все это составляетъ достоинство ея художественнаго характера, ибо все это трижды справедливо; ибо никто изъ насъ не встрѣчалъ въ простомъ быту другихъ женщинъ, кромѣ Марьянокъ и Устенекъ. Всѣ мы слышали отъ нихъ: „ну, что брешешь"; всѣ получали любезности въ видѣ удара кулакомъ; но никто изъ насъ, надѣюсь, не натыкался въ русскихъ избахъ на Ганусь, не слышалъ разговоровъ о розовыхъ облачкахъ и желаній летѣть за птичкою, dahin, dahin!

Нельзя не удивляться при этомъ тому рѣдкому въ нашей литературѣ чувству правды и художественности, которое удержало автора отъ малѣйшей попытки сообщить фигурѣ героини болѣе нѣжный колоритъ. Подобныя попытки обыкновенно соблазняютъ даже высокоталантливыхъ писателей, въ родѣ Диккенса; и онѣ очень понятны. Не трудно оставаться въ сферѣ суроваго реализма, создавая загорѣлую фигуру охотника Ерошки. Но не такъ легко поэту побѣдить враждебное ему стремленіе къ идеализаціи, къ опоэтизированію красавицы-женщины, его героини и сосредоточія всей его драмы. Нужно много такта и неподкупнаго творческаго чутья, чтобы съ первой страницы до послѣдней, ни разу не смягчить грубаго тона рѣчи, ни разу не дать забыть, что героиня наша — казацкая дѣвка Марьянка, ходящая въ одной рубахѣ, и собственноручно запрягающая въ арбу отцовскихъ буйволовъ. А между тѣмъ, сколько въ романѣ графа Толстого тропинокъ и лазеекъ, въ которыя не преминули бы свернуть съ прямого пути писатели, менѣе искренніе и не столь строго воспитавшіе свои художественныя силы. Сколько поводовъ къ идиллическимъ картинамъ, драматическимъ эффектамъ, поэтическимъ діалогамъ, психологическимъ фантазіямъ. Графъ Толстой прошелъ между этими шхерами художественныхъ произведеній съ искусствомъ опытнаго и увѣреннаго въ себѣ лоцмана; онъ нигдѣ не измѣнилъ своей цѣли, своему пониманію. Онъ не слушалъ плѣнительнаго голоса сиренъ, сбивающихъ съ толку слабохарактерныхъ народныхъ писателей, преимущественно писателей-женщинъ; оттого ему удалось разыграть свою тему до конца въ одномъ и томъ же данномъ тонѣ, безъ фальши, и искусственныхъ переходовъ.

Однако, нельзя не остановиться на такой приблизительной и общей оцѣнкѣ характера Марьяны, на которой мы держимся до сихъ поръ. Нельзя же думать, чтобъ подъ этими грубыми рѣчами и движеніями не отыскалось своего рода душевной нѣжности, чтобы сквозь однообразный покровъ этого обыденнаго равнодушія и спокойствія не прорѣзались иногда бѣглыми молніями человѣческія волненія, сомнѣнія и желанія. Они должны имѣть свою мужицкую одежду, но они все-таки должны быть, потому что сквозь мужицкія черты и сквозь рѣчь мужицкую — глядитъ и говоритъ человѣческая душа.

Марьянка равнодушна и благоразумна, но нельзя не замѣтить, что она гораздо выше Устеньки и другихъ своихъ подругъ, болѣе живущихъ увлеченіемъ, болѣе уступающихъ желаніямъ минуты. Марьяна среди ихъ будто царица, по увѣренію автора: ей уступаютъ лучшее мѣсто и лучшихъ кавалеровъ, при ней стихаются безчинные разговоры; Марьяну обходитъ пьяный Ергушовъ, обнимающій всѣхъ дѣвокъ подъ рядъ, и даже старухъ заодно съ дѣвками; о Марьянѣ избѣгаетъ говорить съ Оленинымъ циникъ Ерошка; самъ безстрашный Лукашка нѣсколько смиряется передъ этою строгою казачкою, а Оленинъ совсѣмъ ей подчиняется.

Марьяна горда, и это — главное ея качество. Въ ея сферѣ, женщины, подобныя Устенькѣ, не могутъ имѣть значенія и вліянія. Онѣ дѣлаются не сегодня такъ завтра игрушками и рабами своихъ любовниковъ; съ ними будутъ такъ же мало церемониться, какъ съ Яшками и Дуняшками. А Марьяна не хочетъ примириться съ мыслью о своей ничтожности и безропотной покорности мужчинѣ. Она, конечно, не реформаторша, не эмансипированная дѣвица, не имѣетъ теоретическихъ и ясно сознанныхъ цѣлей; но у нея гордый, независимый темпераментъ. Она инстинктивно упирается противъ ярма. Она временами чувствуетъ къ Лукашкѣ что-то отталкивающее, какъ къ будущему господину своему, и ревниво старается отстаивать свою свободу, пока она еще въ ея рукахъ. Она всячески даетъ ему чувствовать свою независимость и оскорбляется внутренно его требовательнымъ тономъ. Конечно, къ этимъ чувствамъ тѣсно примѣшиваются и другія, противоположныхъ свойствъ; она въ то же время любитъ и жалѣетъ его. Безъ этого сплетенія разнообразныхъ качествъ, могла ли быть достигнута жизненность изображенія? Зная, что разъ поддавшись мужчинѣ, она будетъ его вещью, Марьяна сурово отбивается отъ просьбъ Лукашки, хотя не видитъ ничего предосудительнаго и опаснаго для себя въ его ласкахъ. Можно ли обвинить ее, что она такъ мало страстна, такъ дешево цѣнитъ ласки и клятвы мужчинъ, какъ будто жизнь пріучила ее къ нѣжности, къ любовной болтовнѣ, къ духовному наслажденію своимъ чувствомъ? Какъ будто кромѣ объятій, лазанья за сѣмечками и ночного стука въ окно, она могла бы чего-нибудь дождаться отъ любезниковъ казацкой станицы? Замужество представляется ей, какъ и Устенькѣ, временемъ нужды; она должна будетъ рожать дѣтей, печь мужу хлѣбы, цѣдить чихирь. Что же настроитъ ее на соловьиныя пѣсни, на не земное томленье? Надо быть пустой и необдуманной дѣвчонкой, въ родѣ Устеньки, чтобы для какого-нибудь часа физическихъ наслажденій забыть все остальное. Марьяна умна, горда и мужичка; поэтому не можетъ быть особенно страстною и особенно нѣжною. Она слишкомъ хорошо, хотя инстинктивно, понимаетъ, какъ мало заслуживаютъ страсти и нѣжности тѣ отношенія, къ которымъ ее пріучили, и которыя ей сулятъ впереди. Конечно, она была бы другою, родившись не въ станицѣ на берегу Терека дочерью хорунжаго, а на берегахъ Невы, гдѣ издаются жур-

налы и воспитываются въ институтахъ. Но какъ казачка, Марьянка, какъ хорунжиха, она должна быть именно такою и никакою другою.

Замѣчательно, что вниманіе Оленина очень скоро отдаляетъ Марьяну отъ Лукашки. Сначала это можетъ показаться грубымъ и матеріальнымъ до безобразія. Оленинъ богатъ, у него цѣлая хата вещей, у его отца есть холопы, и Марьяна безъ дальнихъ думъ мѣняетъ на него своего давнишняго жениха-пролетарія. „А Лукашку куда дѣнемъ?“ грубо спрашиваетъ она во время сватовства Оленина. И между тѣмъ авторъ нигдѣ не даетъ намъ замѣтить, чтобы она разлюбила Луку: черезъ это, подозрѣніе въ бездушномъ расчетѣ, руководящемъ ея выборомъ, повидимому, получаетъ серіозное основаніе. Но мы не хотимъ смотрѣть такъ близоруко на дѣло. Намъ кажется особенно тонкимъ и мастерскимъ этотъ особенно трудный для изображенія переходъ чувствъ Марьяны отъ Лукашки къ Оленину, эта едва очеркнутая, въ нѣсколькихъ намекахъ прорывающаяся, внутренняя борьба молодой казачки. Луку она любитъ и считаетъ женихомъ по прежнему; съ нимъ ей легче и понятнѣе; будущая связь съ нимъ гораздо для нея достовѣрнѣе. Но въ то же время она незамѣтно привязывается къ Оленину. Ее манитъ къ нему именно то, чего она отъ роду не видѣла у казаковъ и отъ казаковъ, что-то нѣжное, тихое, подчиняющееся, и вмѣстѣ барское, благородное. Она, конечно, ничего этого ясно не различаетъ и подчиняется какому-то таинственному, необъяснимому для нея влеченію. Она чувствуетъ, что Оленинъ *что-то не то*, что-то высшее и лучшее, хотя и не такая пара ей, какъ Лукашка. Ее чаруютъ и интересуютъ, противъ воли, его странныя, ласковыя и слезныя рѣчи, къ которымъ она совершенно не привыкла“...

„Для нея самой привлекательное въ Оленинѣ было то, что онъ могъ бояться ее, что она для него много значила. Ясно, что на этомъ сознаніи и укоренились ея первыя симпатіи къ юнкеру. Въ Лукашкѣ же, наоборотъ, самое отталкивающее для нея было то, что онъ не боялся ее, недостаточно уважалъ и искалъ.

Но между тѣмъ старая привязанность къ Лукашкѣ не вымерла въ ней; ей казалось почти невозможнымъ стать женой барина и русскаго; она не чувствовала ни малѣйшей органической связи между собою и имъ ни въ прошедшемъ ни въ будущемъ. Ихъ образованіе, привычки, вѣрованія, обстановка, родня, языкъ — все было слишкомъ не похоже одно на другое. Уступая частью благоразумному расчету, частью зародившейся симпатіи къ невѣдомымъ дотолѣ качествамъ образованнаго человѣка, она соглашалась одно время стать женою Оленина. Но Луку она словно не хотѣла забыть. Когда Оленинъ случайно упомянулъ про гульбу Лукашки, Марьяна вспыхнула какъ отъ кровной обиды.

„Большіе черные глаза блестѣли на него строго и недружелюбно. Ему стало совѣстно за то, что онъ сказалъ.

— „Что-жъ, никому худа не дѣлаетъ, вдругъ сказала Марьяна: — на свои деньги гуляетъ, и, спустивъ ноги, она соскочила съ печи и вышла, сильно хлопнувъ дверью.

А между тѣмъ она уже хорошо знала чувство Оленина къ ней. Наконецъ страшный случай, на который никто не разсчитывалъ, — смертельная рана Лукашки и гибель казаковъ, разомъ отрезвили Марьяну. Казацкая натура ея сказалась явственно и несомнѣнно. Она ощутила свое органическое родство съ казакомъ и безконечное отдаленіе отъ пришельца.

Трагическое происшествіе подавило капризныя и роскошныя чувства, мало-по-малу проросшія въ сердцѣ Марьянки, и вызвало на сцену опять однѣ суровыя и трагическія стороны духа. Оленинъ нашелъ ее въ слезахъ, угрюмую.

— „О чемъ ты, что ты? —

— „Что? повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ: — казаковъ перебили, вотъ что!

— „Лукашку? спросилъ Оленинъ.

— „Уйди, чего тебѣ надо...

— „Марьяна, сказалъ Оленинъ, подходя къ ней.

— „Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

— „Марьяна, не говори, умолялъ Оленинъ.

— „Уйди, постылый! крикнула дѣвка, топнувъ ногою и угрожающе придвинулась къ нему. И такое отвращенье, презрѣнье и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться...“ и т. д.

Она словно захотѣла отомстить ему въ эту тяжкую минуту за свою собственную слабость, за невольную измѣну своему жениху-казаку, умирающему теперь отъ ранъ.

Типъ Оленина не есть одно бездушное олицетвореніе извѣстныхъ мыслей. Оленинъ — лицо очень живое и очень распространенное. Онъ дѣйствительно не очень образованъ школою, и въ этомъ отношеніи есть, по преимуществу, нашъ современный, русскій типъ. Его выработка предоставлена жизни, поэтому должна быть исполнена противорѣчій, рѣзкихъ перемѣнъ и неправильностей. Это — судьба и исторія всѣхъ насъ. „Всѣ мы учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь“, но изъ насъ однако вырабатываются люди послѣ долгой житейской ломки. Оленинъ былъ трактирнымъ героемъ не по натурѣ, но, попавъ случайно въ компанію Сашекъ Б., молодой мальчишка увлекся этою стороною и заплатилъ ей неизмѣнную дань; онъ былъ на верху блаженства, прохаживаясь подъ-руку съ флигель-адъютантомъ и называя князя уменьшительнымъ именемъ. Оленинъ — человѣкъ обыкновенный по своей біографіи, по обстановкѣ, въ которой находится. Но онъ все-таки изъ лучшихъ людей. Въ немъ живетъ духъ ищущій и стремящійся, въ его душѣ не потухнетъ то внутреннее пламя, которое особенно сообщаетъ человѣчность нашей жизни. Онъ не остался Сашкою Б. въ Москвѣ, не сдѣлался Бѣлецкимъ на линіи; онъ искалъ удовлетворенія своимъ позывамъ сначала въ данной обстановкѣ, потомъ, къ своему счастью нашелъ новую сферу, гдѣ ему могло быть лучше, и за которую поэтому онъ ухватился. Оленинъ въ нашихъ глазахъ не есть типъ

цивилизованнаго человѣка вообще, а напротивъ — человѣкъ весьма опредѣленнаго образованія и опредѣленнаго общественнаго слоя, принесшій на борьбу съ иными началами только силы и слабости одного своего слоя, одного своего воспитанія. Намъ нѣтъ пока дѣла до того — такую ли ограниченную, или болѣе обширную цѣль имѣлъ въ виду самъ авторъ, вводя въ романъ своего героя; обсуждая художественныя стороны его типовъ, мы имѣемъ право смотрѣть только на то, что̀ онъ, дѣйствительно, сказалъ и изобразилъ, и нисколько не касаемся того, что̀ онъ, можетъ быть, замышляетъ. Авторъ не представилъ намъ Оленина какимъ-нибудь Фаустомъ, познавшимъ сначала всю глубину науки, потомъ все обаяніе власти, испытавшимъ огонь сильнѣйшихъ страстей и безуміе физическихъ наслажденій, и уже впослѣдствіи, на концѣ своего поприща, нашедшимъ себѣ счастіе въ тихой жизни на лонѣ природы. Оленинъ еще очень молодъ, и ему пока наскучила только пустая жизнь въ сообществѣ свѣтскихъ кутилъ, свѣтскихъ франтовъ и свѣтскихъ барышень. Въ немъ таились поэтическія задушевныя струны, которыя обнаружились особенно рѣзко послѣ жизни въ сферѣ, ихъ нисколько не удовлетворявшей. Случай бросаетъ его именно въ такую обстановку, гдѣ особенно много пищи этимъ его главнымъ, но еще не удовлетвореннымъ струнамъ. Онъ поддается вліянію новой обстановки просто шагъ за шагомъ, по мѣрѣ своего механическаго приближенія къ ней. *Чувство горъ*, охватившее его еще издали, завладѣваетъ имъ окончательно, когда онъ очутился среди этихъ горъ. Поэтъ, почуявъ годный ему воздухъ, очнулся внутри свѣтскаго франта и вздохнулъ во всю грудь; пошлыя черты лица московскаго хлыща преображаются подъ наитіемъ могущественной свѣжести природы въ серіозный и теплый образъ естественнаго человѣка. Кому кажется страннымъ и исключительнымъ такое чарующее вліяніе природы на человѣка, кто видитъ въ этой перемѣнѣ только дидактическую уловку автора для униженія неодобряемыхъ имъ принциповъ — тотъ, значитъ, самъ никогда не ощущалъ въ своей груди могущественной власти горъ и лѣсовъ, тотъ лишенъ органа для воспріятія этого поразительнѣйшаго изъ всѣхъ впечатлѣній человѣка и для наслажденія этимъ чистѣйшимъ изъ всѣхъ наслажденій. Не только сама природа — однѣ уже картины ея, набросанныя такою живописною и тонкою кистью въ романѣ „Казаки“, производятъ необыкновенное обаяніе. Какъ живая, встаетъ передъ нами эта глухая станица надъ бурными волнами Терека съ своими стройными казачками въ цвѣтныхъ бешметахъ, веселымъ хохотомъ казаковъ, мычаніемъ буйволовъ и коровъ на солнечномъ заходѣ. Слышишь скрипъ этихъ тяжелыхъ воротъ, сквозь которыя проламывается своими крутыми боками огромная буйволица; слышишь шлепанье по лужамъ и далекіе оклики на кордонѣ... И вдали надъ всѣмъ владычествующія горы, горы и лѣса... Разумѣется я не буду пытаться повторять глубоко-поэтическія картины ночей и утра, степей и лѣса, которыя непобѣдимо овладѣваютъ художественнымъ чувствомъ читателя въ романѣ гр. Толстого. Сторона описательная — одна изъ сильнѣйшихъ сторонъ романа, одно

изъ главныхъ его достоинствъ. Кончая романъ, можно серіозно забыться и подумать, что самъ живалъ когда-то на линіи, самъ просиживалъ ночи съ веселымъ старикомъ на крылечкѣ за стаканомъ чихиря, бродилъ по лѣсамъ и садамъ, и любовался на шумные хороводы казацкихъ дѣвокъ. Я увѣренъ, что никакой этнографическій или географическій очеркъ, никакое описаніе путешествія не могли бы меня живѣе и полнѣе познакомить съ чуждою для меня жизнью и природою, какъ этотъ романъ гр. Толстого.

Мудрено ли же, что природа, до такой степени покоряющая насъ даже въ портретахъ своихъ, подавила Оленина, прикоснувшагося къ ея живью, посмотрѣвшаго ей прямо въ глаза. Казаки и казачки явились для него нераздѣльными частицами этой природы, такими же, какъ звѣри и деревья. На Терекѣ жили чинары и чеченцы, казаки, олени... надъ всѣми надъ ними простирался одинъ и тотъ же голубой сводъ неба и сіяло всѣми своими красотами одно и то же утреннее, полдневное и вечернее солнце. Всѣхъ ихъ поила одна и та же вода, покрывалъ одинъ и тотъ же лѣсъ. Чуткая душа Оленина не могла устоять противъ этой простой, всеуравнивающей силы: Оленинъ понялъ бытъ казака и прелесть этого быта. Бѣлецкій, его пріятель, этого не понималъ и понимать не хотѣлъ, но зато гораздо скорѣе понялъ, что дѣвки въ станицахъ, рослыя, веселыя, и гораздо удачнѣе ухаживалъ за этими веселыми дѣвками. Большинство изъ насъ, конечно, поступило бы, какъ Бѣлецкій. *Марковъ.*

Общее содержаніе и построеніе „Войны и мира".

Это произведеніе предлагаетъ читателю исполинскую картину жизни 1805—1812 гг., гдѣ съ кропотливостью миніатюриста вырисованы фигуры. Насъ плѣняетъ не та или иная судьба, въ отдѣльности взятая, — насъ плѣняетъ совмѣстное дѣйствіе всѣхъ силъ, во дворцѣ и въ хижинѣ, на улицахъ и внутри домовъ, въ гостиной и на полѣ брани, — силъ, направленныхъ къ тому, чтобъ постепенно, но неудержимо привести къ гибели императора французовъ съ его арміей. Героемъ романа является судьба, насколько она обнаруживается во второстепенныхъ вещахъ. Методъ изображенія — аналитическій, онъ исходитъ отъ наблюденія частнаго, придаетъ фигурамъ полноту характеристическихъ подробностей и, слѣдуя той же основѣ, живописуетъ каждое положеніе до мельчайшихъ чертъ. Отдѣлы, какіе обыкновенно встрѣчаются въ большинствѣ романовъ, гдѣ вниманіе читателя не приковывается съ одинаковой энергіей, съ трудомъ можно указать въ „Войнѣ и мирѣ". Все тутъ тщательнѣйшимъ образомъ обработано и сконцентрировано въ тонкій экстрактъ. Романъ этотъ есть созданіе великаго писателя, умудреннаго опытомъ человѣка и солдата, русскаго патріота. Все здѣсь, дѣйствія людей и положеніе вещей, какъ бы необходимо и законосообразно. Толстой не вѣритъ въ великихъ людей на манеръ

Карлейля. Онъ скорѣе сторонникъ философіи исторіи Бокля и охотно насмѣхается надъ тѣмъ недостойнымъ толкованіемъ исторіи, которое пытается великія дѣянія объяснить малыми причинами. Такъ онъ почти съ ироническимъ намѣреніемъ предпочитаетъ показывать Наполеона и Александра не въ блескѣ ихъ величія, а въ болѣе случайныхъ положеніяхъ, изображая ихъ во время туалета и замѣняя костюмъ героя во всякомъ случаѣ не менѣе интереснымъ неглиже. Особенной полнотой жизни дышатъ его описанія войны, которыя исполнены имъ съ изумительнымъ знаніемъ дѣла и богатствомъ фантазіи. Образы выступаютъ одинъ изъ-за другого и снова смыкаются въ красивыя группы. Въ цѣломъ, романъ сохраняетъ единство и глубоко прочувствованъ, отличается многообразіемъ и одушевленіемъ. Особенно замѣчательны мастерскія картины битвы Аустерлицкой, Фридландской и Бородинской. Онѣ совсѣмъ не похожи на то, что̀ обыкновенно разумѣется подъ такими описаніями. Толстой не показываетъ театра военныхъ дѣйствій, какимъ онъ былъ бы отмѣченъ на картѣ генеральнаго штаба, но точно изображаетъ лишь столько, чтобъ каждый въ состояніи былъ какъ бы фактически наблюдать и присутствовать во время битвы. Вслѣдствіе этого описаніе дышитъ свѣжестью и естественностью впечатлѣнія, которое усиливаетъ до высшей степени иллюзію въ читателѣ и заставляетъ съ полной силой чувствовать ужасающую силу войны. Надо самому простоять подъ градомъ пуль, чтобъ такъ прочувствовать и написать, какъ это видимъ у Толстого.

Но Толстой съ такой же увѣренностью распутываетъ сѣть интригъ, которая завязывается въ салонѣ, и оттуда захватываетъ различныя явленія общественной жизни. Въ старомъ князѣ Николаѣ Болконскомъ онъ представляетъ типъ русскаго вельможи, натуру сильную, исполненную эгоизма и быстро воспламеняющуюся гнѣвомъ, признающую закономъ лишь свою волю и тиранствующую надъ окружающими, но при этомъ энергія и твердость характера привлекаетъ нашу симпатію. Сынъ его Андрей есть воплощеніе скептицизма, развитаго разсудочностью сомнѣнія въ своихъ силахъ и волѣ. Стоя на верху общественной лѣстницы, блистая въ гостиныхъ, выказывая отвагу на полѣ брани, эта личность внутренно чувствуетъ индифферентизмъ къ жизни и не стремится ни къ какой великой идеѣ. Только тогда, когда онъ, смертельно раненый при Аустерлицѣ, лежитъ на полѣ битвы, является у него мысль о могуществѣ Божіемъ. Однимъ разумомъ нельзя наполнить содержательность жизни, удовлетворить можетъ только то, въ чемъ принимаютъ участіе сердце и фантазія. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Толстого, и потому-то онъ противопоставляетъ скептику Андрею своего собственнаго героя, насколько вообще можно говорить о героѣ въ этомъ романѣ, — противопоставляетъ графа Пьера Безухаго, дѣлая его въ то же время выразителемъ патріотической идеи цѣлаго. Проживъ долгіе годы съ женой, которая его обманывала, онъ создалъ великія задачи эпохи. Онъ „идетъ въ народъ, подобно позднѣйшимъ нигилистамъ, но не для того, чтобъ бунтовать этотъ народъ противъ госу-

дарственной власти, а для того, чтобъ познать душу народа и при защитѣ отечества совершить великое дѣло". Онъ остается въ Москвѣ, покинутой жителями, и ожидаетъ прибытія французовъ, чтобы убить ихъ императора. Его забираютъ въ плѣнъ, и тутъ-то онъ узнаетъ цѣну жизни, сродняясь съ идеями гуманности и самоотверженія, которыя возрождаютъ его въ семейной жизни, какъ полезнаго члена общества.

Невозможно въ немногихъ словахъ представить хотя бѣглый обзоръ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа. Но двѣ женскія фигуры выступаютъ изъ этой массы лицъ такъ рельефно, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ,— Марія, сестра князя Андрея и Наташа Ростова. Первое — идеальное, второе — реальное выраженіе свѣтлой женственности; та вся переполнена страстнымъ желаніемъ небеснаго блаженства, эта вся отдается радостямъ земнымъ. Въ Маріи кажется тѣмъ больше смиренія, что она живетъ при своемъ доходящемъ до дикаго гнѣва отцѣ, потомъ она въ Николаѣ Ростовѣ находитъ прекраснаго мужа и, будучи женой, сохраняетъ въ себѣ мечтательность своей натуры. Наташѣ, напротивъ, всю прелесть ея существа придаютъ ей земныя страсти, находящія себѣ успокоеніе послѣ долгаго кипѣнія. Сердце ея испытало различныя разочарованія и испытанія. Она порхаетъ отъ одного къ другому, пока здоровое зерно ея натуры не обнаруживается въ обязанностяхъ жены относительно ея мужа и матери относительно ея дѣтей.

Цабель.

Лица и событія въ романѣ „Война и Миръ".

I.

Въ романѣ „Война и Миръ", какъ и во всякой комедіи, написанной по правиламъ искусства, дѣйствіе начинается съ того, что передъ зрителемъ выступаетъ цѣлый рядъ лицъ, болѣе или менѣе играющихъ значительную роль въ произведеніи. Дѣйствіе открывается въ іюлѣ 1805 г. въ салонѣ Анны Павловны Шереръ, фрейлины императрицы Маріи Ѳеодоровны, куда къ вечернему чаю съѣхалась вся высшая знать Петербурга.

Вотъ на первомъ планѣ — князь Василій Курагинъ, весьма скучная личность, пустой себялюбивый эгоистъ подъ маской скромнаго бюрократа и свѣтскаго лоска. Затѣмъ дочь его — княжна Эленъ — напыщенная, блестящая красавица. А вотъ молодая, маленькая княгиня Лиза Болконская — „самая обворожительная женщина" въ Петербургѣ: живая, веселая, какъ птичка, съ ежеминутной улыбкой на устахъ, при чёмъ показывается рядъ прелестныхъ бѣлыхъ зубовъ. Мужъ маленькой княгини, — молодой князь Андрей Болконскій, — небольшого роста, весьма красивый, съ выразительными, но черствыми чертами лица, съ скучающимъ видомъ и медленной покойной походкой, — представляетъ полнѣйшій контрастъ съ маленькой оживленной

женой. Они мало симпатизируютъ другъ другу, несмотря на недавнюю женитьбу.

А вотъ и лицо совсѣмъ иного типа, появленіе котораго производитъ нѣкоторую сенсацію въ кругу обычныхъ корректныхъ посѣтителей мадамъ Шереръ. Это молодой человѣкъ — массивный, толстый, со стриженой головой, въ очкахъ, свѣтлыхъ панталонахъ, съ огромнымъ жабо и въ коричневомъ фракѣ; все вмѣстѣ взятое шокируетъ хозяйку дома.

Онъ крайне мѣшковатъ, — не знаетъ, какъ ступить, теряется въ разговорѣ, но зато всѣ наружные недостатки — непозволительные въ глазахъ А. П. — искупаются вполнѣ прекраснымъ сердцемъ и врожденной скромностью. Добрая, открытая улыбка придаетъ его умному, серіозному лицу такой добродушный видъ, что невольно вызываетъ всеобщую симпатію. Онъ, правда, любитъ вино, поклонникъ женщинъ, а главное, увлекается житейской философіей. Въ обществѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ м-г Пьера, а на дѣлѣ незаконный сынъ богатѣйшаго въ Россіи стараго графа Безухова.

Всѣ эти лица необыкновенно удачно и художественно обрисованы въ романѣ Толстого. Предъ нами живые люди, вполнѣ реальные, полные жизни; къ однимъ влечетъ, отъ другихъ отталкиваетъ. Вначалѣ авторъ знакомитъ съ нѣкоторыми лицами романа, а затѣмъ переноситъ въ Москву, а именно на Поварскую, въ домъ Ростовыхъ, гдѣ въ этотъ день — въ честь именинницъ — самой графини и ея дочери Наташи — дается парадный обѣдъ.

Ростовы, несмотря на всѣ ихъ недостатки или, скорѣе, слабости, — прекрасные люди! Графиня, въ былое время, славившаяся восточной красотой, и теперь еще важная дама, несмотря на свои 45 лѣтъ и на двѣнадцать человѣкъ дѣтей, только слабая здоровьемъ и очень чувствительная — вся живетъ для мужа и четырехъ дѣтей, оставшихся въ живыхъ. Графъ по природѣ человѣкъ добрый и мягкосердечный, но прожившій состояніе по безпечности и на большіе пріемы, клубъ и охоту.

Старшая дочь, семнадцатилѣтняя Вѣра, хорошенькая, разсудительная дѣвушка, но нѣсколько жеманная и холодная.

Сестры и братья въ насмѣшку прозвали ее m-me Genlis. Старшій сынъ Николай — еще юный студентъ, съ малиновымъ воротникомъ, красивый, кудрявый, съ черными усиками, пятнадцатилѣтній пылкій энтузіастъ. Этотъ благородный, чистосердечный юноша — одно изъ самыхъ удачныхъ и жизненныхъ твореній Толстого. Не менѣе прелестное созданіе его сестра Наташа. Дома, въ семейномъ кругу, это милая тринадцатилѣтняя дѣвочка, забавляющаяся еще съ своей „Мими“, хотя въ ней уже проглядываютъ первые порывы переходнаго возраста, — нѣжная дѣвическая душа. Младшій сынъ Петръ — Петруша — Петя — толстенькій мальчуганъ въ курточкѣ, румяный и живой.

Кромѣ родныхъ дѣтей, въ семьѣ Ростовыхъ воспитывается обѣднѣвшій кузенъ Борисъ, мать котораго въ настоящее время гоститъ

въ домѣ родителей, и Соня — племянница самого графа, которую онъ любитъ, какъ родную дочь.

Борисъ — товарищъ дѣтства Николая Ростова, красивый блондинъ, высокаго роста, съ правильными, но холодными чертами лица. Насколько Николай легкомысленъ и чистосердеченъ, настолько Борисъ холоденъ и сдержанъ не по лѣтамъ.

Благодаря проискамъ матери, умѣющей замолвить слово у вліятельныхъ лицъ, Борисъ сразу попадаетъ въ гвардію, между тѣмъ какъ Николай при объявленіи войны простымъ юнкеромъ вступаетъ въ Павлоградскій полкъ.

Въ настоящую минуту и офицеръ и студентъ, оба заняты тѣмъ, что „строятъ куры“ своимъ кузинамъ. Борисъ ухаживаетъ за Наташей, Николай — за Соней и преисправно цѣлуются съ ними, забравшись въ оранжерею.

Таковы главныя лица романа.

Сцена переноситъ насъ въ домъ стараго гр. Безухова — отца Пьера, — лежащаго на смертномъ одрѣ. Вокругъ умирающаго разыгрывается обыденная въ этихъ случаяхъ комедія: наслѣдники съ замираніемъ сердца ожидаютъ, когда милліонеръ-дядя испуститъ послѣдній вздохъ. На этотъ разъ развязка комедіи завершается къ полному удовольствію читателя. Алчные наслѣдники по боковой линіи, каковы: Василій Курагинъ и др., остаются ни при чемъ, только честный Пьеръ — незаконный сынъ покойнаго графа — наслѣдуетъ его имя, титулъ и многомилліонное состояніе.

Между тѣмъ война объявлена.

Князь Андрей Болконскій, назначенный въ адъютанты къ главнокомандующему Кутузову, долженъ немедленно ѣхать на театръ военныхъ дѣйствій, но прежде отвозитъ жену въ „Лысыя горы“, помѣстье его отца — стараго князя Болконскаго.

Старый князь — типичная и весьма оригинальная личность. Человѣкъ стараго закала, генералъ-аншефъ при Павлѣ I, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени — страшный скряга, несмотря на большія средства, — желчный, раздражительный, тяжелаго характера. Съ нимъ въ деревнѣ живетъ дочь его княжна Марія, — безотвѣтная, покорная отцу, „ангелъ доброты“, но очень некрасивая собой. Отецъ любитъ дочь по-своему, но обходится съ ней крайне грубо и деспотично.

Легко понять, какой страхъ внушаетъ суровый князь своей маленькой невѣсткѣ — княгинѣ Лизѣ, — такъ внезапно перенесенной изъ блестящаго Петербурга въ холодную атмосферу княжескаго дома; тѣмъ болѣе, что она готовится стать матерью съ постоянной боязнію за исходъ критической минуты.

Теперь вернемся въ главную квартиру Кутузова, а именно въ Браунау, въ Австрію. Здѣсь мы видимъ князя Андрея Болконскаго и Николая Ростова, прикомандированнаго юнкеромъ къ гусарскому Павлоградскому полку.

Предъ нами развертываются картины браннаго поля во всей ихъ ужасающей дѣйствительности.

Николай Ростовъ встрѣчаетъ „огненное крещеніе“ съ дерзской отвагой, съ веселымъ лицомъ — какъ школьникъ, старающійся отличиться на экзаменѣ предъ многочисленной публикой.

Вначалѣ война не удачна для русскихъ, а равно и для ихъ союзниковъ — австрійцевъ. Послѣднимъ Бонапартъ нанесь тяжкое пораженіе при Ульмѣ.

Послѣ пораженія австрійцевъ, Кутузовъ, предоставленный своимъ слабымъ силамъ, принужденъ отступить и ждать соединенія съ войсками, шедшими на подкрѣпленіе изъ Россіи. Но маршалъ Мортье преграждаетъ ему путь, Кутузовъ отражаетъ французовъ и, хотя тѣснимый ими, продолжаетъ отступленіе. Боясь быть отрѣзаннымъ отъ соединенія съ главными силами, онъ даетъ приказъ князю Багратіону, во что бы то ни стало, задержать непріятеля съ своимъ четырехтысячнымъ корпусомъ, чтобъ спасти остальную армію.

Всѣ перипетіи этой кровавой драмы мастерски переданы авторомъ. Читатель какъ бы очевидцемъ присутствуетъ на полѣ брани, слышитъ пальбу, стоны раненыхъ, умирающихъ. Особенно ярко очерчена личность князя Багратіона. Въ то время какъ чередуются военныя событія, нашъ другъ „Пьеръ“ — нынѣ, графъ Безуховъ — становится виднымъ лицомъ Москвы, завиднымъ женихомъ. Первымъ накидывается на него князь Василій Курагинъ. Давъ себѣ слово захватить выгодную партію въ свои руки, онъ женитъ его на своей дочери, красавицѣ Эленъ. Послѣдняя, испорченная, тщеславная кокетка, не прочь попытать счастья и благодаря своей величественной красотѣ легко покоряетъ сердце честнаго, но недальновиднаго Пьера. Ободренный первымъ успѣхомъ, Василій Курагинъ задумываетъ женить и сына Анатолія на богатѣйшей наслѣдницѣ — княжнѣ Маріи Болконской, сестрѣ князя Андрея.

Но на этотъ разъ затѣя не удается. Благодаря своему цинизму, красавецъ Анатоль, сватаясь за княжну, въ то же время заводитъ у нея въ домѣ любовную интрижку съ ея компаньонкой — дѣвицей Бурьенъ.

Перенесемся опять на полѣ битвы — въ Аустерлицъ — на арену состязанія трехъ императоровъ — гдѣ сошлась на бой стошестидесятитысячная армія. Кутузовъ и Шварценбергъ какъ болѣе опытные генералы, медлятъ сдѣлать вызовъ, но мнѣніе молодыхъ генераловъ беретъ перевѣсъ.

Планъ атаки составленъ австрійцемъ Вейротеромъ, но Кутузовъ порицаетъ его и отказывается привести его въ исполненіе. Тогда между союзниками возникаютъ нерѣшительность, взаимное недовѣріе. Между австрійцами и русскими возгарается зависть, начальствущія лица обвиняютъ другъ друга въ медленномъ размѣщеніи войскъ и даже взваливаютъ впослѣдствіи одни на другихъ отвѣтственность за пораженіе. Между тѣмъ Наполеонъ рѣшается дѣйствовать. „Заснувъ подъ утро, онъ, однако, встаетъ въ веселомъ расположеніи духа, здоровый, твердо

вѣря въ свою счастливую звѣзду, и въ такомъ настроеніи, когда все доступно, все возможно человѣку, садится на лошадь и ѣдетъ осматривать поле до начала битвы. Его покойное, безстрастное лицо при всей своей неподвижности сіяетъ сознаніемъ заслуженнаго счастія, какъ лицо влюбнаго юноши".

Снявъ съ бѣлой правой руки перчатку, Наполеонъ махнулъ рукой. И въ ту же минуту маршалы въ сопровожденіи адъютантовъ поскакали по разнымъ направленіямъ.

Вскорѣ затѣмъ французская армія, выступивъ изъ-за разсѣявшагося тумана, совершенно неожиданно появилась предъ глазами русскихъ, считавшихъ ее за двѣ версты. Послѣдніе отступили въ безпорядкѣ. Князь Андрей бросается въ середину бѣгущихъ и, поднимая надъ головой знамя, призываетъ солдатъ сомкнуться, но въ ту же минуту его оглушаетъ ударъ по головѣ, и онъ замертво падаетъ, сжимая въ рукѣ древко съ оторваннымъ знаменемъ. „Какая прекрасная смерть!" сказалъ Наполеонъ, объѣзжая вечеромъ поле битвы. Николай Ростовъ, невредимый, но честно исполнившій долгъ, по окончаніи битвы, получивъ отпускъ, ѣдетъ къ роднымъ. Поручику не терпѣлось показать свой блестящій гусарскій доломанъ.

Въ Москвѣ онъ встрѣчаетъ Пьера Безухова, который дрался на дуэли съ нѣкоторымъ Долоховымъ за кокетку жену.

Между тѣмъ вѣсть о смерти князя Андрея доходитъ и до „Лысыхъ горъ" какъ разъ въ то время, когда жена его „маленькая княжна" — ожидаетъ съ часу на часъ сдѣлаться матерью.

Но, къ счастью, слухъ о смерти Андрея оказывается ложнымъ: раненый князь былъ поднятъ на полѣ битвы и, благодаря хорошему уходу, остался живъ. Въ скоромъ времени онъ самъ пріѣзжаетъ въ деревню, — худой, блѣдный, — но, увы! слишкомъ поздно: маленькая княгиня при послѣднемъ издыханіи. Все время предчувствовавшая дурной исходъ, молодая мать умираетъ, давъ жизнь первенцу-сыну.

Пораженный неожиданнымъ ударомъ, князь Андрей, и безъ того уже разочарованный военной службой, выходитъ въ отставку, чтобъ посвятить себя всецѣло воспитанію новорожденнаго малютки-сына и заняться улучшеніемъ быта отцовскихъ крѣпостныхъ.

Въ „Лысыя горы" пріѣзжаетъ къ Андрею другъ его, Пьеръ Безуховъ, — не менѣе несчастный мужъ, окончательно порвавшій съ женою и не знающій, чѣмъ наполнить пустоту жизни. То бросается, очертя голову, въ масонство, то задается либеральными планами объ улучшеніи быта крѣпостныхъ въ своихъ огромныхъ помѣстьяхъ — и вотъ оба друга философствуютъ напропалую.

Между тѣмъ снова возгорается война, все ближе надвигаясь къ границамъ Россіи.

Николай Ростовъ опять уѣзжаетъ, оставляя родной домъ, любимую сестренку Наташу — это прекрасное, полное жизни существо, разстается и съ хорошенькой кузиной Соней, обожающей своего двоюроднаго брата, и догоняетъ свой полкъ уже въ Польшѣ.

Въ это время товарищъ Николая, командиръ партизановъ Денисовъ, извѣстный герой, но крайне горячій, затѣваетъ ссору съ главнымъ интендантомъ, кидая ему въ лицо названіе „вора“, затѣмъ ѣдетъ на рекогносцировку, гдѣ получаетъ серіозную рану, грозящую смертью.

Николай немедленно по полученіи извѣстія о болѣзни друга ѣдетъ навѣстить его въ лазаретъ, гдѣ находитъ несчастнаго въ ужасно грязной палаткѣ, среди умирающихъ тифозныхъ. Пораженный такой тяжкой картиной и понявъ въ первый разъ, какія горькія слѣдствія ведетъ за собой война,—въ душѣ молодого воина зарождаются мрачныя думы о горькой участи солдата. До сихъ поръ ему доводилось видѣть лишь свѣтлыя стороны боевой жизни.

Первая часть романа заканчивается описаніемъ этихъ плачевныхъ картинъ войны, написанныхъ авторомъ съ поражающимъ интересомъ.

II.

Прошло два года. Въ послѣдній разъ мы оставили князя Андрея въ „Лысыхъ горахъ“, разочарованнымъ военной службой и жизнью. Въ исходѣ зимы 1809 г., когда пахнуло весной, наступили теплые майскіе дни, на деревьяхъ показались молодые листочки, князь Андрей пріѣзжаетъ по дѣламъ въ имѣніе своего сосѣда графа Ростова. Здѣсь онъ случайно сталкивается съ прелестными дѣвушками — Наташей и Соней. Оживленная болтовня и веселый искренній смѣхъ молодежи вмѣстѣ съ расцвѣтающей природой пробуждаютъ и въ его сердцѣ жажду къ жизни. На утро онъ говоритъ себѣ: „Нѣтъ, жизнь не кончена въ 31 годъ!“

Является желаніе къ труду, онъ пишетъ опять свой проектъ военнаго устава и, закончивъ, везетъ въ Петербургъ на усмотрѣніе военнаго министра. Но встрѣтивъ недружелюбный пріемъ у Аракчеева,— человѣка недовѣрчиваго ко всякимъ новшествамъ и устарѣлыхъ взглядовъ, онъ ѣдетъ къ Сперанскому, — этому смѣлому и великодушному новатору, благодаря внушеніямъ котораго императоръ Александръ задумываетъ произвести рѣшительныя реформы. Здѣсь онъ встрѣчаетъ самый радушный пріемъ.

Пьеръ Безуховъ, съ своей стороны, пришелъ къ убѣжденію, что въ большинствѣ братья-масоны ухаживаютъ за нимъ, какъ за богатымъ человѣкомъ, полезнымъ для выполненія ихъ плановъ, и мало-по-малу отдаляется отъ сношеній съ ними. Онъ чувствуетъ, что почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ, долго не знаетъ, на чемъ остановиться; по настоянію тещи, вновь сходится съ женой, которая вращается въ высшемъ обществѣ сѣверной столицы.

Въ это же время въ Петербургъ пріѣзжаетъ гр. Ростовъ съ семействомъ, въ надеждѣ поправить свои разстроенныя дѣла и найти подходящую партію для дочерей. Вскорѣ старшая дочь Вѣра выходитъ замужъ за гвардейскаго капитана Берга, человѣка далеко не симпатичнаго, но вполнѣ корректнаго и практичнаго нѣмца. Младшая — шестнадцатилѣтняя Наташа — еще слишкомъ молода для замужества, хотя

давно уже забыла свою ребяческую любовь къ кузену, да Борисъ и самъ старается вычеркнуть изъ своей жизни этотъ дѣтскій романъ. Ловко направивъ ладью жизни, онъ разсчитываетъ выгодной женитьбой составить себѣ блестящую карьеру.

Наташа и не помышляетъ о замужествѣ: она съ полнымъ увлеченіемъ отдается невиннымъ удовольствіямъ и веселью.

Ростовы получаютъ приглашеніе на блестящій балъ, гдѣ будетъ самъ государь и весь дипломатическій корпусъ. Это первый великосвѣтскій балъ, на который ѣдутъ Соня съ Наташей. Боже! сколько хлопотъ, заботъ! Прекрасно и чрезвычайно живо описываетъ Толстой лихорадочное нетерпѣніе и поспѣшныя приготовленія къ балу въ домѣ Ростовыхъ.

Сколько правды, тонкой наблюдательности, врожденнаго изящества, жизненности въ этой сценѣ!

Даровитый писатель нигдѣ не переходитъ должной границы, нигдѣ не впадаетъ въ банальность.

Наконецъ, наступаетъ давно желанный день! Дѣвушки садятся въ карету съ отцомъ и матерью и ѣдутъ на балъ. Имъ нѣсколько холодно съ непривычки въ бальномъ открытомъ костюмѣ, но онѣ обѣ — такія свѣженькія, хорошенькія, безъ капли жеманства, въ своихъ воздушныхъ тюлевыхъ платьяхъ на розовой тафтѣ, съ пышной розой въ волосахъ. Несмотря на свой скромный нарядъ, ихъ милыя лица привлекаютъ всеобще вниманіе.

Но вотъ является графиня Элена Безухова — эта „царица“ петербургскихъ баловъ, затѣмъ пріѣзжаетъ государь — и наши дѣвочки отступаютъ на второй планъ. Имъ остается лишь быть простыми зрительницами бала, къ великому прискорбію Наташи, у которой одно страстное желаніе потанцовать. Она уже готова заплакать съ досады, но смущеніе дѣвушки не укрылось отъ друга ея, Пьера Безухова, тоже присутствующаго на балу ради жены. И вотъ, по его настоянію, на выручку является интересный полковникъ въ бѣломъ кавалергардскомъ мундирѣ и ангажируетъ на вальсъ. Личко Наташи озаряется несказанной радостью, счастьемъ.

Князь Андрей Болконскій, приглашая Наташу, исполнилъ лишь желаніе Пьера, но сдѣлавъ съ ней нѣсколько туровъ, онъ весь подъ обаяніемъ ея невинной граціи и простоты.

Ея веселый, искренній смѣхъ, оживленіе, милая застѣнчивость, безыскусственная прелесть манеръ и даже „ошибки во французскомъ языкѣ“ — все, что отличало ее отъ великосвѣтскихъ дѣвицъ Петербурга, производитъ глубокое впечатлѣніе на князя.

Вернувшись съ бала, онъ чувствуетъ себя инымъ человѣкомъ, совсѣмъ обновленнымъ.

До этого дня онъ не зналъ любви, такъ какъ маленькая княгиня Лиза не сумѣла подойти къ его сдержанной и гордой натурѣ. На этотъ разъ сердце его не обмануло — онъ побѣжденъ, и подъ вліяніемъ этого чувства стушевываются мрачное состояніе духа, равнодушіе къ жизни, всѣ разочарованія.

Пьеръ съ удовольствіемъ выслушиваетъ признанія своего друга и даже совѣтуетъ ближе познакомиться съ чудной Наташей.

И Наташа также неравнодушна ко вниманію князя, и все пришло къ скорому и желанному концу, — но для женитьбы Андрею необходимо согласіе отца. Суровый, непреклонный князь весьма недружелюбно встрѣчаетъ признанія сына и проситъ или, скорѣе, приказываетъ сыну отложить свадьбу и уѣхать на годъ за границу.

Наташа, счастливая предложеніемъ князя Андрея, очарованная его обхожденіемъ, внезапно спускается съ облаковъ. Она негодуетъ въ душѣ на стараго деспота, и разлука съ любимымъ женихомъ повергаетъ ее въ глубокую тоску: она почти не выѣзжаетъ, проводитъ время взаперти, въ мечтахъ. Но, спустя немного, кипучая натура беретъ верхъ, она сбрасываетъ съ себя уныніе, старается казаться счастливой и веселой, но это не всегда удается — рана не заживаетъ. Ростовы всей семьей уѣзжаютъ въ Отрадное. Здѣсь, среди монотонной деревенской жизни, покинутая невѣста снова изнываетъ въ тоскѣ, цѣлыми часами сидя безъ дѣла, то лихорадочно набрасываясь на занятія, то безутѣшно рыдая.

„Ахъ, какъ я боюсь за нее!“ говоритъ себѣ графиня. Заботливая мать предчувствуетъ, что такое натянутое положеніе можетъ привести къ печальной катастрофѣ. Къ тому, говоря откровенно, бракъ этотъ ей далеко не по сердцу: важный и гордый князь Андрей ей не симпатиченъ.

Ей бы скорѣе хотѣлось хорошей партіи для сына Николая. Но и тутъ неудача. Въ ту минуту, какъ она лелѣетъ мысль женить его на богатой, — Николай объявляетъ графинѣ о своемъ желаніи жениться на кузинѣ Сонѣ. Бѣдная графиня даже не на шутку заболѣваетъ, и предполагаемая ею поѣздка съ мужемъ въ Москву — для закупки Наташинаго приданаго и представленія невѣсты будущему свекру — откладывается на время.

Старый князь Болконскій, съ неудовольствіемъ отнесшійся къ предполагаемой женитьбѣ сына, весьма нелюбезно и даже грубо встрѣчаетъ будущую невѣстку. Этотъ холодный пріемъ глубоко оскорбляетъ молодую невѣсту, и вообще пребываніе въ Москвѣ еще болѣе даетъ ей чувствовать всю горечь разлуки съ женихомъ. Ожиданіе становится со дня на день тяжелѣе, Наташа сильно хандритъ. Добрая кузина Соня употребляетъ всѣ усилія, уговаривая быть терпѣливѣй.

„Я не понимаю такой любви!“ едва сдерживая рыданія, говоритъ Наташа. „Развѣ возможно все только ждать и ждать!“

То впадая въ полную апатію, то чувствуя приливъ страсти, она не довольствуется тѣмъ, что любима и любитъ, — ей хотѣлось бы броситься въ объятія любимаго человѣка, шептать ему страстныя рѣчи, которыми такъ полно ея сердце.

Въ такомъ отчаянномъ нравственномъ состояніи и томленіи, — желая ее развлечь, отецъ предлагаетъ дочери поѣхать въ оперу. Это ея первый выѣздъ въ театръ. Графъ по своей недальновидности не понимаетъ ея душевнаго настроенія.

Рядъ освѣщенныхъ ложъ съ дамами въ брильянтахъ на обнаженныхъ шеяхъ и рукахъ, партеръ, пестрѣющій всевозможными вышитыми мундирами и позолотой, — все ослѣпляетъ глаза молодой дѣвушки.

Тысячи огней зрительнаго зала, удушливая атмосфера, аплодисменты, шарканье ногами и сама сцена — все приводитъ Наташу въ какое-то опьянѣніе. А самое волненіе дѣлаетъ ее особенной, привлекательной и хорошенькой въ этотъ вечеръ. Никогда еще не испытанныя ощущенія, — что сотни глазъ смотрятъ на ея обнаженныя руки и шею, — непріятно и въ то же время сильно охватываютъ ее всю, вызывая цѣлый рой воспоминаній, желаній, волненій... Забывъ, гдѣ она находится, она смотритъ на сцену, ничего не видя, а голову осаждаютъ тысячи самыхъ несвязныхъ, фантастическихъ мыслей. А тутъ еще красавецъ Курагинъ — изящный кавалергардъ — и Наташа окончательно сбита съ толку, страшно взволнована. Анатоль Курагинъ — уже знакомый читателю — бездушный щеголь, достойный братецъ красавицы графини Эленъ.

Наташа встрѣчается съ нимъ въ ложѣ его сестры. Пораженный невинной красотой и свѣжестью дѣвушки, онъ немедленно забрасываетъ удочку и даетъ себѣ слово добиться побѣды и, какъ кажется, довольно легкой. И, дѣйствительно, полная неопытность Наташи, а особенно ея душевное настроеніе, съ которымъ она борется напрасно, отдаютъ ее беззащитной во власть этого ловкаго соблазнителя, не разборчиваго на средства. Его замѣтное предпочтеніе, очень умно расчитанное, льститъ самолюбію молодой дѣвушки, наконецъ, не на шутку волнуетъ, и вскорѣ, не отдавая себѣ отчета въ чувствахъ, ее влечетъ къ красавцу Анатолю, а между тѣмъ сердце сжимаетъ невыразимый страхъ.

Послѣдній, пользуясь своимъ преимуществомъ, не даетъ времени опомниться своей жертвѣ. Спустя нѣсколько дней послѣ встрѣчи въ театрѣ, онъ продолжаетъ темную игру въ салонѣ своей сестрицы Эленъ и подъ ея покровительствомъ. Ему удается влюбить въ себя Наташу, нашептывая страстныя признанія, а разъ, оставшись наединѣ даже имѣетъ дерзость цѣловать ее.

Смущенная, ослѣпленная Наташа не сознаетъ себя, она не въ силахъ бороться и сама дивится, какъ можно любить двоихъ въ одно время.

Она вполнѣ увѣрена, что любитъ князя Андрея, и въ то же время влюбляется въ Анатоля. Наконецъ, послѣ жестокаго отчаянія, она рѣшается возвратить слово князю Андрею, несмотря на мольбы и увѣщеванія Сони, узнавшей ихъ тайну, беречься Курагина.

Соня все время зорко слѣдитъ за Наташей, давъ себѣ слово оберегать ее и при первой необходимости прійти къ ней на помощь. Благодаря ея бдительности и сердечной привязанности, ей удается разстроить планъ похищенія, на который слишкомъ слабая и мягкая Наташа дала уже согласіе.

Безъ сомнѣнія, влюбленная дѣвушка не чувствуетъ не только признательности, но укоряетъ жестоко кузину за ея вмѣшательство

въ „чужія дѣла“. Она не слушаетъ ни увѣщеваній ни утѣшеній, а когда Пьеръ Безуховъ доводитъ до ея свѣдѣнія, что ея поклонникъ женатъ и даже успѣлъ бросить жену, — она окончательно теряетъ разсудокъ и отравляется мышьякомъ.

Къ счастью, доза такъ незначительна, что Наташа остается жива, но сильно страдаетъ.

Черезъ нѣсколько дней возвращается въ Москву князь Андрей. О, зачѣмъ онъ такъ долго не ѣхалъ!

Повидимому, онъ довольно равнодушно принялъ извѣстіе объ измѣнѣ невѣсты и поручаетъ Пьеру передать ей ея портретъ и письма.

Добрѣйшій Пьеръ, никогда не умѣвшій отказать въ услугѣ, беретъ на себя это щекотливое порученіе. Но увидя страшное горе Наташи, когда сердце ея и безъ того разбито, невыразимое чувство жалости наполняетъ сердце Пьера.

„Ахъ, не говорите со мною такъ! я не стою этого!“ восклицаетъ Наташа на всѣ его утѣшенія. Но чѣмъ болѣе она винитъ себя, тѣмъ болѣе Пьеръ старается поднять ее въ ея собственныхъ глазахъ. „Нѣтъ, — восклицаетъ онъ, — вся жизнь еще впереди для васъ. Если бъ я былъ не я, а самый красивѣйшій, самый умнѣйшій изъ людей, самый лучшій человѣкъ въ мірѣ, и былъ бы свободенъ, — я бы на колѣняхъ просилъ руки и любви вашей“.

Такъ заканчивается эта интимная сцена, которую авторъ ведетъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ и тонкостью, но и съ такой естественностью, что ни у кого нехватитъ мужества сердиться на бѣдную Наташу, такую слабую, непослѣдовательную, но чистосердечную, правдивую, женственную даже во всѣхъ ея слабостяхъ и непостоянствѣ.

Мы увидимъ въ будущемъ, къ какимъ послѣдствіямъ эта драма, а особенно послѣдняя сцена приведутъ ее и другихъ лицъ романа.

III.

Авторъ быстро переноситъ насъ снова на театръ военныхъ дѣйствій. Наступаетъ двѣнадцатый годъ. Наполеонъ переправился черезъ Нѣманъ, начиная злополучную для него войну, закончившуюся знаменитымъ въ исторіи отступленіемъ русскихъ.

Но прежде, чѣмъ продолжать, остановимся на философскихъ теоріяхъ гр. Толстого объ „отвѣтственности человѣчества“, — теоріяхъ совсѣмъ особенныхъ и абсолютныхъ. Толстой всегда при случаѣ не прочь пофилософствовать.

Авторъ „Войны и мира“ въ полномъ смыслѣ фаталистъ. По его мнѣнію, исторія неизбѣжно слѣдуетъ фатализму. Онъ говоритъ, что вóйны являются не слѣдствіемъ одной какой-нибудь случайности, что событія совершаются лишь потому, что должны свершиться, а что касается отдѣльныхъ личностей, то онѣ являются лишь безсознательнымъ орудіемъ въ движеніи человѣчества, и безъ ихъ вѣдома событія покоряются общему закону совпаденія. „Такъ называемые „великіе люди“, — говоритъ авторъ, — не иное что, какъ „этикеты“ исторіи,

часто ихъ именемъ называются историческія событія, тогда какъ они не имѣютъ никакой внутренней связи съ самимъ фактомъ.

А при такомъ взглядѣ на исторію, личная воля совершенно игнорируется, и великія событія значительно умаляются, а потому исторія теряетъ и свой интересъ.

Прикладывая свой масштабъ къ грознымъ событіямъ, охватившимъ всю Россію, Толстой отказывается признать ихъ слѣдствіемъ злополучнаго нарушенія континентальнаго равновѣсія или слѣдствіемъ необузданной страсти Наполеона къ военнымъ лаврамъ или нѣчто другое въ этомъ же родѣ.

И сами главныя дѣйствующія лица этой драмы, каковы: Наполеонъ, Александръ, Кутузовъ, въ глазахъ автора не болѣе, какъ шахматы, передвигаемые рукою судьбы.

Но вернемся къ переправѣ черезъ Нѣманъ, вѣсть о которой какъ громомъ поражаетъ императора Александра на балу въ Вильнѣ. Въ негодованіи на обманувшаго Наполеона, государь воскликнулъ: „Клянусь, что не помирюсь, пока хоть одинъ вооруженный непріятель останется на русской землѣ!“

По зрѣломъ размышленіи государь призываетъ флигель-адъютанта Балашева и вручаетъ ему собственноручное письмо къ Наполеону, въ которомъ говоритъ, что вся отвѣтственность за войну падаетъ на него, какъ на зачинщика.

Съ пріѣздомъ Балашова во французскій лагерь, Толстой даетъ очень забавный, хотя нѣсколько преувеличенный, портретъ неаполитанскаго короля Мюрата и излишнее строгое изображеніе маршала Даву. Но если историкъ не всегда безпристрастенъ, то тѣмъ простительнѣй романисту. Даже съ Наполеономъ Толстой обходится не лучше, чѣмъ съ его генералами: ему такъ и хочется сорвать съ него ореолъ.

Понятно, что порученіе Балашева остается безъ послѣдствій, а военныя событія идутъ своимъ чередомъ.

Въ западной арміи мы встрѣчаемъ князя Андрея Болконскаго, въ чинѣ генерала, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, и Николая Ростова, въ чинѣ капитана, эскадроннымъ командиромъ Павлоградскихъ гусаръ.

По обыкновенію, генералы спорятъ, рѣшаютъ, но ни къ чему не приходятъ: одни настаиваютъ наступать, другіе совѣтуютъ отступать къ границамъ Россіи, уничтожая по пути все могущее попасть въ руки непріятеля. Послѣднее беретъ верхъ, но это не мѣшаетъ арьергарду завязать кой-гдѣ стычки съ непріятелемъ.

Одна изъ такихъ выпадаетъ на долю эскадрона, подъ командой Н. Ростова, а именно 13-го іюля подъ Островной. Завидя отрядъ уланъ, отброшенный французскими синими драгунами, и, горя желаніемъ помочь своимъ братьямъ, Ростовъ бросается на драгунъ и обращаетъ ихъ въ бѣгство. Но вмѣсто ожидаемой кары за свое самоволіе, его представляетъ къ Георгію за молодецкій подвигъ и назначаютъ командиромъ двухъ эскадроновъ.

Здѣсь, подъ Островной, въ первый разъ пришлось Н. Ростову постоять за свою жизнь, и тяжелое чувство охватило блестящаго гусара, когда для спасенія своей жизни нужно убить другого.

Чтобъ понять его чувства, лучше прочесть краснорѣчивое описаніе боя, когда Ростовъ, бросившись на французскаго офицера, сшибаетъ его съ ногъ и уже заноситъ надъ головой его саблю, но въ ту же минуту останавливается — онъ очнулся!

Можетъ-быть, старымъ ветеранамъ покажется смѣшной такая излишняя чувствительность въ офицерѣ, но зато какъ человѣчно, какъ трогательно! — и если смотрѣть на войну съ этой точки зрѣнія, то увидишь ясно, что война что-то отвратительное и противоестественное.

Войска продолжаютъ отступать внутрь Россіи. Театръ военныхъ операцій приближается къ Москвѣ. Во то время ею командовалъ генералъ-губернаторъ графъ Растопчинъ. Самъ государь тоже спѣшитъ въ первопрестольную столицу, что̀ возбуждаетъ народный патріотизмъ.

Событія быстро идутъ на смѣну одно другому. Смоленскъ сожженъ и взятъ, русская армія, тѣснимая французской, спѣшитъ отступленіемъ. Генералы спорятъ, взваливая неудачи другъ на друга. Вся Россія въ сильномъ волненіи и съ восторгомъ привѣтствуетъ назначеніе главнокомандующимъ Кутузова, — назначеніе, почти силой вырванное у императора Александра, несмотря на происки враждебной придворной партіи.

Съ назначеніемъ Кутузова со всѣхъ сторонъ откликнулась Русь, воодушевленіе громадное, надежда и довѣріе къ арміи возрастаютъ. Здѣсь не лишнимъ будетъ привести эпизодъ, самъ по себѣ не важный, но послѣдствія котораго имѣли большое значеніе на судьбу нѣкоторыхъ главныхъ лицъ романа.

Николай Ростовъ, командированный за фуражомъ, заѣзжаетъ по дорогѣ въ имѣніе князя Болконскаго, какъ разъ во дни его кончины.

Дочь его, княжна Марія, въ послѣдній разъ поклонившись могилѣ покойнаго отца, собирается ѣхать въ Москву; но дворовые и крестьяне, узнавъ объ этомъ рѣшили не выпускать своей молодой госпожи изъ родового имѣнія, грозя, въ противномъ случаѣ, отпрячь лошадей.

Въ эту фатальную минуту появляется Н. Ростовъ, и на его грозный окрикъ вся толпа мгновенно отхлыниваетъ отъ господскаго дома, и княжна безпрепятственно выѣзжаетъ изъ своихъ владѣній въ Москву.

Ростовъ предлагаетъ княжнѣ свои услуги и сопровождаетъ верхомъ за 12 верстъ отъ ея имѣнія. Тронутая до глубины души рыцарскимъ поступкомъ Николая и его любезностью, она кидаетъ на молодого офицера одинъ изъ тѣхъ кроткихъ, задушевныхъ взглядовъ, которые такъ преображаютъ ея лицо.

Этотъ взоръ глубоко проникаетъ въ сердце Ростова и оставляетъ въ немъ пріятное воспоминаніе о романической встрѣчѣ.

Вслѣдъ за этимъ приключеніемъ мы снова въ главной квартирѣ генерала Кутузова у Царева-Займища.

Такимъ образомъ и мирные жители Москвы принесли жертву на алтарь отечества — для спасенія Россіи!

Всякій, конечно, старался вывезти, что̀ было болѣе цѣннаго, и Ростовы, уложивъ на нѣсколько подводъ мебель, посуду, картины и другія вещи, готовились отправиться въ имѣніе. Много раненыхъ собралось у воротъ дома, умоляя взять ихъ съ собою.

Наташа, растроганная мольбами и стонами несчастныхъ, просила убѣдительно отца и даже сердилась — отдать имъ подводы. Графъ, хотя и неохотно, сдался на просьбы дочери, и вещи пришлось бросить въ жертву врага, а на подводы уложили раненыхъ. Между послѣдними находился и князь Андрей, но Наташа узнала объ этомъ позже.

2-го сентября Наполеонъ подступилъ къ Москвѣ и остановился на Поклонной горѣ, откуда открывается чудный видъ на всю Москву и окрестности.

Долго наслаждался Наполеонъ красивымъ мѣстоположеніемъ Москвы въ своемъ гордомъ величіи. Затѣмъ медленно продолжалъ путь верхомъ по улицамъ Москвы, чтобы дать время депутаціи „бояръ“ поднести ему городскіе ключи на бархатной подушкѣ, какъ то было въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Онъ уже готовилъ рѣчь къ дворянамъ. Милостиво и кротко встрѣтитъ онъ депутатовъ.

И вдругъ ему доносятъ, къ его крайнему изумленію, что Москва „пуста“: значитъ, ни торжественной встрѣчи ни депутацій при восторженныхъ кликахъ напуганной черни!!...

Французскія войска входятъ въ городъ и расходятся по квартирамъ. Высочайшее повелѣніе — предупредить грабежъ — оказывается невозможнымъ: искушеніе слишкомъ велико среди роскоши и богатствъ столицы, брошенныхъ на произволъ врага.

Не прошло десяти минутъ съ размѣщенія войскъ по квартирамъ, какъ арміи не существовало.

Можно сказать, говоритъ авторъ, что армія, голодная и истощенная войною, вмѣстѣ съ разрушеніемъ богатой столицы распалась, забывъ всякую дисциплину: солдатъ обратился въ мародера.

Затѣмъ Толстой останавливаетъ вниманіе на причинѣ сожженія Москвы.

Уже ранѣе мы говорили, что авторъ „Войны и мира“, вопреки гр. Растопчину, отрицаетъ, что Москва сожжена по его приказу, да и русскій народъ никогда не приписывалъ ему этой иниціативы, не ставя ни въ заслугу ни въ упрекъ.

Вѣрнѣе, что народъ приписывалъ ея сожженіе варварству французовъ. А по мнѣнію самого Толстого, ни русскимъ ни французамъ — нельзя поставить этого въ упрекъ.

Просто, Москва сгорѣла, какъ городъ преимущественно деревянный, какъ горятъ фабрики, деревни, домъ, брошенный хозяевами и занятый какимъ-нибудь проходимцемъ.

Всѣ отдѣльныя сцены — какъ занятіе Москвы французами, разграбленіе — описаны мастерски, полны самаго высокаго драматизма

и разнообразны подробностями, весьма необыкновенными. Пьеръ Безуховъ играетъ въ этомъ случаѣ весьма значительную роль. Онъ остается въ Москвѣ послѣ занятія ея французами, готовый принять участіе въ ея защитѣ, — чтобъ явиться достойнымъ имени „человѣка"; но узнавъ, что Москву не будутъ защищать, чувствуетъ необходимость пожертвовать собой на пользу родины и задумываетъ собственноручно убить Наполеона и тѣмъ избавить Россію и всю Европу отъ главнаго виновника всѣхъ народныхъ бѣдствій. Чѣмъ предпріятіе опаснѣе, тѣмъ оно заманчивѣе для Пьера.

И вотъ онъ бродитъ въ горящей Москвѣ, изъ одной улицы въ другую, спрятавъ кинжалъ подъ плащемъ, выжидая благопріятной минуты для встрѣчи съ грознымъ императоромъ, окруженнымъ свитой.

Вдругъ раздается отчаянный крикъ. Обрушился горящійся домъ, увлекая съ собой подъ развалинами трехлѣтняго ребенка, спавшаго въ колыбели, на глазахъ у матери, обезумѣвшей отъ горя. Забывъ о своемъ грандіозномъ, отважномъ планѣ возмездія, честный Пьеръ бросается въ горящій домъ, и вскорѣ появляется снова хотя съ обгорѣлой бородой и волосами, но съ маленькой дѣвочкой на рукахъ.

Скоро его вниманіе привлекаетъ другая, не менѣе драматичная сцена. На углу Поварской и сада Гронцискихъ пріютилась семья армянъ, успѣвшая кое-что спасти отъ пожара и сторожившая свои пожитки; но цѣлая толпа французскихъ мародеровъ окружила несчастныхъ, желая поживиться. Имъ особенно хотѣлось овладѣть богатымъ ожерельемъ на шеѣ у молодой армянки, — которое ужъ одинъ изъ негодяевъ срываетъ съ нея силой.

Пьеръ, увидѣвъ въ чемъ дѣло, бросается на негодяевъ и обращаетъ ихъ въ бѣгство. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ они снова вернулись съ товарищами, окружили Пьера и арестовали его. Первымъ дѣломъ его обыскиваютъ и, найдя при немъ кинжалъ, принимаютъ за убійцу, поджигателя или бунтовщика, связываютъ ему руки назадъ и ведутъ въ тюрьму.

Въ то время какъ эти событія, полныя драматизма, происходятъ въ Москвѣ, посмотримъ, что̀ дѣлаетъ Николай Ростовъ.

Онъ не участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, такъ какъ былъ посланъ въ Воронежъ закупить лошадей для своей дивизіи. Въ городѣ онъ застаетъ княжну Марію Болконскую, которая встрѣчаетъ съ восторгомъ своего бывшаго избавителя.

При воспоминаніи о романической встрѣчѣ въ имѣніи, некрасивое лицо княжны освѣщается такой лучезарной улыбкой, что все лицо преображается, она кажется скорѣе красивой, чѣмъ дурной. „Подобно тому, — говоритъ авторъ, — какъ зажигается свѣтъ внутри рѣзного расписного фонаря, и съ неожиданно поражающей красотою выступаетъ на стѣнкахъ сложная художественная работа, казавшаяся прежде темной и безсмысленной".

Николай любезно отвѣчаетъ на радушный пріемъ княжны. Тонкія черты ея блѣднаго меланхолическаго лица, лучезарный взглядъ, вро-

Поспѣшное, „почти стремительное“ бѣгство французской арміи дѣлало невозможнымъ какія бы то ни было соображенія комбинацій.

Къ тому же припомнимъ, что и тѣ и другіе (охотники и дичь) были въ довольно плачевномъ состояніи. Одно достовѣрно извѣстно, что русская армія отъ Тарутина до Краснаго потеряла до 50.000 съ отставшими. Нужно прибавить къ тому же, — жестокіе морозы причиняли большія опустошенія въ войскахъ, бѣдные солдаты по колѣно въ снѣгу при 15° мороза терпѣли невыразимыя страданія.

У кого хватитъ духа упрекнуть этихъ несчастныхъ, — тысячами умиравшихъ за родину, — будто они не постояли за честь своей земли, такъ какъ не выполнили невыполнимыхъ плановъ, надуманныхъ военными теоретиками, сидя въ тепломъ кабинетѣ?

Все, что возможно было выполнить, — все было сдѣлано. Если партизанскіе отряды не остановили отступленія французскихъ войскъ, то единственно потому, что это было не въ ихъ власти.

Что касается значенія партизанской войны, то, кажется, авторъ нѣсколько преувеличиваетъ ихъ военныя заслуги, представляя маленькія стычки большими дѣлами.

Въ одной изъ такихъ стычекъ, вблизи деревни Шамшево, мы встрѣчаемъ уже знакомыхъ читателю Денисова и Долохова.

Каждый изъ нихъ командуетъ двумя сотнями партизановъ. Они сговариваются напасть на транспортъ раненыхъ, слѣдующій за корпусомъ Даву. Подъ командой Денисова въ отрядѣ находится Петя Ростовъ.

Ему уже разъ случилось быть въ огнѣ подъ Вязьмой, а теперь онъ страстно желаетъ принять участіе въ болѣе серіозной стычкѣ. Увы! желаніе бѣднаго юноши услышано слишкомъ скоро. Едва показался транспортъ плѣнныхъ, какъ онъ, очертя голову, бросается впередъ, и въ ту же минуту падаетъ, пораженный пулей въ голову. Вмѣстѣ съ другими плѣнными Долоховъ и Денисовъ отбиваютъ у французовъ и Пьера Безухова, находившагося въ транспортѣ.

V.

Часть романа, посвященная войнѣ, оканчивается этимъ эпизодомъ и смертью Кутузова въ Вильнѣ, куда старый герой удалился послѣ изгнанія французовъ.

Онъ умираетъ покойно, вполнѣ довольный, что его единственное желаніе исполнилось, и дальнѣйшія событія меньшей важности мало его интересуютъ. Сознаніе честно выполненнаго долга относительно горячо любимой имъ родины служило достаточнымъ утѣшеніемъ въ непріязни, съ которой на него смотрѣли въ офиціальномъ кругу; эта опала тѣмъ болѣе незаслуженная и несправедливая, что моральное и физическое утомленіе во время битвы сильно потрясли и безъ того уже престарѣлаго фельдмаршала.

Отъ тяжелыхъ и мрачныхъ картинъ войны — во второй части романа „миръ“ переносимся мы къ болѣе свѣтлымъ и мирнымъ картинамъ частной и семейной жизни, кромѣ одной раздирающей душу

сцены въ домѣ Ростовыхъ, когда съ театра военныхъ дѣйствій получено извѣстіе о трагической смерти несчастнаго Пети.

Наташа еще не оправилась отъ тяжелаго потрясенія со смерти князя Андрея, какъ новый ударъ разразился въ семьѣ. Она все время находилась въ какомъ-то тупомъ отчаяніи, оцѣпенѣніи, цѣлыми часами сидя въ бездѣйствіи, опустивъ безсильно руки, устремивъ неподвижный взоръ въ пространство. Иногда ей казалось, что передъ ней встаетъ блѣдное лицо несчастнаго жениха, — какимъ она видѣла его на смертномъ одрѣ, — тогда ею овладѣвало полное отчаяніе, затѣмъ она плакала по цѣлымъ часамъ, до полнаго изнеможенія.

Смерть Пети вывела ее изъ этого оцѣпенѣнія, а также и отчаяніе матери, — графини Ростовой. Наташа поняла, что ей нужно забыть себя, свое личное горе, — и всю любовь, на которую способно ея сердце, отдать своимъ близкимъ. Природный живой характеръ взялъ верхъ, заговорила любовь къ жизни, и она даже стыдилась, что не подурнѣла за время болѣзни.

Конечно, она не отдавала себѣ отчета, что рана начинаетъ заживать, что моральное исцѣленіе — только вопросъ времени, особенно если явится къ тому поводъ. Случай не заставилъ себя ждать въ лицѣ нашего друга, Пьера Безухова, и какъ разъ во-время и совершенно при неожиданныхъ обстоятельствахъ.

Освобожденный изъ плѣна Пьеръ вернулся въ Москву. Здѣсь онъ узналъ о смерти своего друга, князя Андрея, а также и о смерти жены своей Элены Безуховой, умершей отъ такой страшной болѣзни. Къ послѣднему онъ отнесся довольно спокойно: послѣ того, что было между нимъ и женой, эта смерть не могла поразить его; несравненно тяжелѣе отозвалась на немъ смерть друга. Узнавъ о пріѣздѣ въ Москву сестры послѣдняго, княжны Маріи, онъ немедленно ѣдетъ къ ней.

Здѣсь, въ домѣ княжны, происходитъ его встрѣча съ Наташей, которую родители прислали лѣчиться въ Москву. Въ первую минуту Пьеръ не узналъ молодой графини, сильно похудѣвшей, блѣдной, въ глубокомъ траурѣ, совсѣмъ не такой, какой видѣлъ ее раньше. А между тѣмъ образъ молодой дѣвушки неотступно преслѣдовалъ его все время съ той самой минуты, какъ онъ увидѣлъ ее въ тоскѣ и мрачномъ отчаяніи послѣ измѣны Андрею.

Только тогда, когда въ разговорѣ Наташа улыбнулась, глаза Пьера открылись, онъ сразу понялъ, кого онъ видитъ. Онъ такъ смѣшался, такое волненіе охватило его, что и княжна и Наташа не могли ошибиться насчетъ его чувствъ.

Но въ первую минуту этому открытію молодая графиня не придала значенія. Только, когда Пьеръ все чаще и чаще сталъ заглядывать къ княжнѣ Маріи, Наташа поняла его чувства, и глубокая почтительность и горячая любовь покорили сердце молодой дѣвушки. Въ пользу Пьера говорило еще одно: сердце Наташи жаждало привязанности, требовало отвѣта. Она не заставила ждать своего поклонника. Жажда къ жизни проснулась помимо воли и безъ борьбы овладѣла всѣмъ ея существомъ.

Походка, выраженіе лица — все поразительно измѣнилось.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Пьеръ и Наташа стали мужемъ и женой.

Не такъ скоро пришелъ къ развязкѣ романъ Николая Ростова съ княжной Маріей.

Незадолго до этого умеръ графъ Ростовъ, оставя дѣла въ самомъ плачевномъ положеніи, такъ что по ликвидаціи движимаго имущества пришлось тронуть и часть недвижимаго.

Однако, Николай Ростовъ, какъ благородный человѣкъ, не отказался отъ оцовскихъ долговъ, принявъ ихъ уплату на себя.

Пьеръ одолжилъ ему тридцать тысячъ для расчета съ кредиторами, настоятельно требовавшими уплаты, а другіе согласились на отсрочку; и самъ Николай, несмотря на то, что въ недалекомъ будущемъ могъ получить командованіе полкомъ, отказался отъ военной карьеры, вышелъ въ отставку и, взявъ гражданское мѣсто, поселился въ Москвѣ въ небольшой квартирѣ вмѣстѣ съ матерью и Соней.

Понятно, что мечты старой графини женить сына на богатой наслѣдницѣ разбились впухъ и прахъ, да и самъ Николай, любившій княжну и мечтавшій на ней жениться, какъ честный и благородный человѣкъ, не смѣлъ подумать предложить руку одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Россіи — при своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Да и княжна, пріѣхавшая навѣстить графиню послѣ понесенной утраты, встрѣтивъ непонятно холодный пріемъ со стороны Николая, уѣхала съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Но, къ счастью, недоразумѣніе вскорѣ объяснилось. Княжна поняла все благородство молодого графа и тѣмъ болѣе полюбила его. Осенью состоялась свадьба, и молодые супруги уѣхали въ „Лысыя горы“ въ сопровожденіи матери-графини и бѣдной Сони, — безъ зависти, упрековъ, вполнѣ покорной своей злополучной судьбѣ, — счастливой счастіемъ любимаго ею Николая.

VI.

Романъ Толстого „Война и миръ“ такой богатый по содержанію и въ то же время весьма простой. Сколько художественно написанныхъ картинъ, сколько прелестныхъ очерковъ съ самымъ нѣжнымъ колоритомъ!

Не знаемъ, удалось ли намъ дать вѣрное представленіе объ его научномъ значеніи, а особенно дать почувствовать читателю всю прелесть этого выходящаго изъ ряда произведенія.

Разборъ романа „Война и миръ“ представляетъ не маловажный трудъ, такъ какъ обѣ части романа, на которыя онъ дѣлится по своему заглавію, близко связаны одна съ другой, хотя совершенно различны по содержанію. Да если внимательно слѣдить за ходомъ развитія романа, то и нежелательно разъединять ихъ. Первая часть, „Война“, трактующая о военныхъ событіяхъ и, вторая, „Миръ“, рисующая жизнь отдѣльныхъ личностей, семьи, — обѣ эти части представляютъ

одно цѣлое отъ начала до конца, но не смѣшиваясь ни одна съ другою.

Каждая часть носитъ лично ей присущій характеръ, форму, колоритъ, подобно тому какъ орнаментъ, украшающій колонну, на первый взглядъ представляетъ одно цѣлое сложное, но на дѣлѣ каждая часть его имѣетъ свой собственный стиль и узоръ, или подобно металлической проволокѣ, которая, безконечно свиваясь, въ то же время ни одинъ рядъ ея не смѣшивается съ другимъ.

Можетъ-быть, если разбирать романъ до тонкости, найдемъ, что первая часть (Война) превосходитъ вторую (Миръ) красотой изображеній, грандіозностью и живостью картинъ, яркостью колорита.

Одно не подлежитъ сомнѣнію, насколько намъ извѣстно, что до сихъ поръ не приходилось встрѣчать такихъ полныхъ и вѣрныхъ дѣйствительности описаній сраженій, каковы: Аустерлицкая и Бородинская.

А что̀ за чудная картина — пожаръ Москвы! А отступленіе французовъ изъ стѣнъ древней первопрестольной столицы къ границамъ Россіи? Случалось ли читать болѣе грандіозную, научно изложенную драму и съ такой поразительной реальностью?

Но мы, несмотря на все, отдаемъ предпочтеніе второй части (Миръ): такъ поразительно дѣйствуютъ на насъ своей мягкостью, изяществомъ эскизы семейной жизни, переданные авторомъ съ необычайной силой. Предъ нами живые люди, — мы переживаемъ ихъ радости и горе. Въ этой части произведенія Толстой особенно показалъ себя даровитымъ художникомъ-романистомъ и съ философской тенденціей.

Этимъ мы хотимъ сказать, что онъ глубокій психологъ, обладающій даромъ прозрѣнія, его всегда влечетъ къ гуманности и символическому. Онъ такъ глубоко изучаетъ характеръ дѣйствующихъ лицъ, разбираетъ ихъ такъ тонко, что рискуетъ сдѣлать несимпатичными. Ему не довольно представить ихъ въ главныхъ чертахъ, съ обыденной физіономіей, — онъ выставляетъ ихъ со всѣми ихъ достоинствами, недостатками, противорѣчіями.

Толстой — страшно суровый психологъ, отъ котораго ничто не укроется, онъ насквозь видитъ измѣнчивую разновидную человѣческую натуру. Какъ безжалостно, но вѣрно обнажаетъ предъ читателемъ даже самыхъ излюбленныхъ своихъ героевъ, каковы: Пьеръ Безуховъ, Наташа, Кутузовъ!

И странно! чѣмъ болѣе лица его произведеній подвержены человѣческимъ слабостямъ, чѣмъ болѣе подходятъ къ намъ своими ошибками, недостатками, тѣмъ болѣе вызываютъ наше участіе, тѣмъ ближе намъ.

Возьмемъ, напр., честнаго, прекраснаго Пьера Безухова — это нѣжное золотое сердце, — готоваго на всякія самопожертвованія. Но автору какъ будто нравится, при всѣхъ его добрыхъ качествахъ, представить своего героя подчасъ грубымъ и вульгарнымъ. Геркулесъ видомъ, въ зеленомъ кафтанѣ, бѣлой шляпѣ, въ очкахъ, мѣшковатый, неловкій, онъ просто смѣшонъ. И не то же ли съ нравственной стороны; нерѣшительный, апатичный, неэнергичный или доходящій до дикихъ вспышекъ гнѣва — развѣ это не жалкій подчасъ человѣкъ?

Это въ нѣкоторомъ родѣ наивный, разсѣянный, мечтательный ребенокъ, застѣнчивый въ обществѣ, теряющій время по пустякамъ, безъ пользы для себя и другихъ, — допускаетъ женить себя противъ воли, не зная зачѣмъ, на женщинѣ недостойной, утѣшается масонствомъ, мистицизмомъ, и опять-таки на короткое время. Наконецъ, въ концѣ концовъ ищетъ забвенія въ неблагородныхъ развлеченіяхъ — попойкахъ, разгулѣ, пока несчастное приключеніе не приводитъ къ полному познанію жизни, и вотъ онъ обращенъ на истинный путь.

Развѣ не поразительно глубоко очерченъ этотъ характеръ и не достаточно разоблачаетъ его авторъ? А между тѣмъ мы готовы извинить Пьеру всѣ его странности и даже недостатки за его простодушіе, за его нѣжное сердце.

А бѣдная Наташа, — поразительныя противорѣчія представляетъ ея характеръ!

Ей предлагаетъ руку человѣкъ высокаго званія, богатый, умный, а у невѣсты не хватаетъ терпѣнія на годъ подождать возвращенія жениха, которому она отдала руку и сердце.

И вдругъ, въ оперѣ, въ случайной встрѣчѣ, страстно влюбляется въ какого-то бездушнаго красиваго щеголя.

Благодаря только любви и предусмотрительности подруги, ей не удается бѣжать изъ родительскаго дома. Затѣмъ снова невѣста терзается любовью къ жениху, узнавъ, что онъ смертельно раненъ. Смерть жениха повергаетъ ее въ самое мрачное отчаяніе, а затѣмъ снова — почти что въ третій разъ — дѣлается невѣстой и выходитъ за Пьера Безухова.

Но чѣмъ же такое странное и легкомысленное существо, какъ Наташа, вызываетъ нашу симпатію? Почему насъ такъ трогаютъ, волнуютъ ея страданія, хоть она страдаетъ по собственной винѣ?

Что касается князя Андрея, — человѣка весьма умнаго, съ либеральными взглядами, кончающаго такой геройской смертью, — для чего же авторъ представляетъ его такимъ спесивымъ, суровымъ, нетерпѣливымъ? Для чего приписываетъ ему такой тяжелый, странный характеръ, розочарованность, что̀ дѣлаетъ его несимпатичнымъ и сухимъ.

Но если, согласно изображенію автора, это лицо не вызываетъ сильной симпатіи, тѣмъ не менѣе мы не можемъ не уважать его.

Что̀ сказать о несчастной княжнѣ Марьѣ Болконской — этомъ ангелѣ доброты, покорности, самоотреченія? Однако Толстой имѣетъ жестокость представить ее некрасивой, почти безобразной, а набожность — нѣсколько странной, доходящей до мистицизма и даже до ханжества.

Что̀ сказать о старомъ князѣ Болконскомъ — этомъ суровомъ деспотѣ, эгоистѣ, своенравномъ сумасбродѣ, нерѣдко жестокомъ — находившемъ особенное удовольствіе мучить покорную дочь?

Даже и своего любимаго героя — Кутузова — „великаго человѣка“, по словамъ Толстого, представляешь мрачнымъ, ворчливымъ, вспыльчивымъ и въ то же время нѣсколько пошлымъ въ присутствіи государя.

Но всѣ эти главныя лица романа — съ перваго до послѣдняго — имѣютъ одно достоинство, высшее достоинство каждаго разумнаго существа; они живутъ — и живутъ полной жизнью!

Если мѣстами авторъ выставляетъ темныя стороны своихъ героевъ, то тѣмъ рельефнѣй и правдивѣй являются эти изображенія.

Толстой въ своемъ романѣ вводитъ насъ въ особый міръ, — въ эпоху, богатую великими событіями, великими людьми, когда въ атмосферѣ чуялась гроза.

Для французовъ эта эпоха явилась откровеніемъ „русской жизни", и глубоко поразило ихъ. Не ошибемся, сказавъ, что ни одно изъ всѣхъ имѣющихся сочиненій по исторіи и этнографіи не давало такого полнаго и вѣрнаго понятія о характерѣ русскихъ, какъ эти три тома „Войны и мира".

Что бы ни рисовалъ авторъ, русскую ли аристократію начала XIX стол., — легкомысленную, поверхностную аристократію еще подъ вліяніемъ Екатерининской эпохи, — говорящей не иначе, какъ по-французски, растягивая слова (что̀ считалось признакомъ хорошаго тона); или въ противоположность утонченной придворной аристократіи авторъ вводитъ насъ въ кругъ гвардейской молодежи, гдѣ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ обнаруживаются во всей наготѣ дурныя стороны русскаго человѣка; или изъ Петербурга переноситъ въ Москву — городъ болѣе тихій и мирный, — гдѣ меньше „французятъ"; или изъ Москвы въ деревню, гдѣ знакомитъ съ патріархальной обстановкой помѣщиковъ-землевладѣльцевъ, живущихъ на широкую ногу; или въ солдатскій лагерь, въ избу, служащую главной квартирой главнокомандующему — всюду онъ знакомитъ насъ съ различными типами русской національности, во всѣхъ слояхъ общества, набросанными широкими штрихами, съ удивительнымъ умѣніемъ быстро переноситъ читателя отъ одного къ другому.

Это настоящая Россія, — Россія здѣсь вся налицо въ этомъ прекраснѣйшемъ романѣ!

И съ философской точки зрѣнія романъ „Война и миръ" — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній литературы.

Не говоря о нѣкоторыхъ странныхъ оцѣнкахъ міровыхъ событій, о нѣсколько подчасъ длинныхъ разсужденіяхъ гр. Толстого на почвѣ его своеобразныхъ идей, а именно „о значеніи человѣческой воли въ міровыхъ событіяхъ", нельзя не отнестись съ похвалою къ его энергичнымъ возраженіямъ противъ войны, когда онъ съ такимъ поразительнымъ умѣньемъ доказываетъ, какъ личная воля, индивидуальная сила, разумъ — все отступаетъ передъ грубой животной силой.

Наконецъ, напрашивается еще вопросъ: таковъ ли Пьеръ Безуховъ въ дѣйствительности, какимъ онъ намъ представляется съ перваго взгляда, не болѣе ли онъ сложная натура?

Не хотѣлъ ли Толстой показать въ лицѣ этого взрослаго ребенка съ честными, но нѣсколько смутными понятіями о жизни, который,

получивъ воспитаніе во Франціи, вернулся оттуда, вкусивъ передовыхъ идей, — человѣка переходной эпохи и какъ типъ русскаго общества на грани новой эры?

Попавъ въ плѣнъ къ французамъ, Пьеръ приходитъ къ „познанію жизни“, слушая теоріи простого солдата, своего товарища по заключенію. Развѣ это не аллегорія? Можетъ-быть, авторъ хотѣлъ доказать, что все спасеніе, вся будощность молодого поколѣнія этой эпохи зависитъ оттого, сумѣетъ ли она отказаться отъ всѣхъ традицій прошлаго вѣка и сблизиться съ народною средой.

Какъ бы то ни было, но мы никогда не закончили бы нашей статьи, если бы хотѣли воздать должное этому чудному роману, размѣрамъ котораго нельзя не удивляться.

Планъ романа обширный: онъ захватываетъ цѣлую часть Россіи, безчисленное множество лицъ, однихъ коронованныхъ особъ трое съ ихъ маршалами, генералами, офицерами, солдатами, дворянами и крестьянами.

Тысячи самыхъ разнообразныхъ, быстро смѣняющихся картинъ проходятъ предъ нашими глазами, одинаково прекрасныхъ, поразительныхъ, имѣющихъ связь одна съ другою, но всѣмъ понятныхъ, несбивчивыхъ. Есть нѣкоторые эпизоды, такіе богатые содержаніемъ, что каждый, отдѣльно взятый, могъ бы составить цѣлый томъ.

Ни въ современной французской литературѣ ни въ какой другой нѣтъ произведенія, равнаго этому замѣчательному роману.

Трудно сказать, какому писателю слѣдуетъ Толстой. Его манера писать совсѣмъ оригинальная, своеобразная. Иногда въ своей эпопеѣ онъ, какъ будто, напоминаетъ Вальтеръ-Скотта, но у него нѣтъ такихъ длинныхъ описаній, мысли точнѣе и дѣйствительнѣй. Иногда онъ нѣсколько напоминаетъ Диккенса прелестью и глубокой чувствительностью семейныхъ сценъ или Меримэ — по живости и опредѣленности изображеній.

Но скорѣе всего онъ вѣренъ самъ себѣ.

Авторъ „Войны и мира“ до мозга костей русскій писатель.

Чтобы закончить нашъ очеркъ, оставимъ слово за И. С. Тургеневымъ, который, какъ національный писатель и притомъ глубоко даровитый, больше всѣхъ вправѣ произнесть сужденіе:

„Война и миръ“, — говоритъ онъ — великое произведеніе великаго писателя. Это настоящая Россія!“

Баденъ.

Русское образованное общество въ романѣ „Война и миръ“.

На страницахъ, отведенныхъ „миру“, мы видимъ, какъ жило въ это страшное время русское образованное общество первой четверти прошедшаго столѣтія. Тутъ дѣйствіе размѣщается въ трехъ пунктахъ. Съ первыхъ страницъ авторъ вводитъ читателя въ салонъ

петербургской фрейлины Шереръ. Это — салонъ большого свѣта, гдѣ сплетни мѣшались съ тщеславіемъ и ничтожество дѣлало себѣ карьеру. Тутъ выступаетъ наружу вся фальшь жизни высшихъ слоевъ общества, нравственно обанкрутившагося и несостоятельнаго.

Вторымъ центромъ является имѣнье князя Болконскаго. Это — убѣжище непримиримаго недовольства, сознательной оппозиціи существующему порядку или, вѣрнѣе, безпорядку, убѣжище вельможной гордости, знающей цѣну себѣ. Третій центръ — домъ Ростовыхъ. Здѣсь царитъ московское хлѣбосольство и гостепріимство съ несмолкаемымъ весельемъ, съ непрерывными пирами. Къ каждой изъ этихъ сферъ причастно главное лицо „Войны и миръ“ — Пьеръ Безухій, типически воплощающее въ себѣ сильныя и слабыя стороны русскаго человѣка. Онъ — мягкосердечный, открытой души до наивности, отзывчивый на всякое добро, увлекающійся, впечатлительный, но слабохарактерный и непостоянный. Онъ полонъ энергіи, но неустойчивъ въ своихъ влеченіяхъ, пытливъ и любознателенъ до комизма, и ни въ чемъ не обнаруживаетъ иниціативы; онъ разсѣянъ до того, что способенъ забыть о своемъ честномъ словѣ, и рѣшителенъ до истинно-геройской отваги.

По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ онъ воспитывался, Пьеръ Безухій въ Петербургѣ очутился въ положеніи человѣка, не знавшаго, куда себя дѣвать. Въ салонѣ Шереръ его медвѣжья неуклюжесть и неотполированный демократизмъ выказались во всей своей дикости. Онъ не скрывалъ своего либерализма, вывезеннаго изъ-за границы, мечталъ о республикѣ въ Россіи, о побѣдѣ надъ Наполеономъ, о перерожденіи порочнаго рода человѣческаго и тому подобныхъ несбыточныхъ фантазіяхъ, а въ дѣйствительности жизнь его протекала въ попойкахъ, скандальныхъ забавахъ, въ какомъ-то опьяненіи пустотой и бездѣльемъ. Чопорный высшій кругъ шокировался близостью такого камергера. Но это не помѣшало одному изъ главныхъ представителей этого круга почти насильно повѣнчать Пьера съ своей дочерью сомнительной репутаціи. Бракъ этотъ не могъ наполнить жизнь Пьеру. Безсердечная Эленъ, по отцу Курагина (жена его), никогда ничего не любила въ свѣтѣ, кромѣ собственнаго тѣла. И Пьеръ отрезвился. При всей своей покладистости, онъ энергически покончилъ счеты съ женою, при первомъ же оскорбленіи, нанесенномъ ею.

Тутъ опять онъ очутился совершенно свободнымъ человѣкомъ, не знающимъ, что съ собой дѣлать, на что обратить непочатый запасъ кипучей жизни, какъ разрѣшить сомнѣнія, появившіяся въ его душѣ подъ дѣйствіемъ семейной бури. Его сильнѣе прежняго стали тревожить вопросы о цѣли жизни вообще и его собственной въ частности. „Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидѣть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляетъ всѣмъ? спрашивалъ онъ себя. И Пьеръ приходитъ къ тому заключенію, что знать мы можемъ только то, что ничего не знаемъ. И это высшая степень человѣческой премудрости. Такія

же сомнѣнія, почти буквально, долго тревожили и самого автора „Войны и миръ“. Въ его признаніяхъ читаемъ: „я искалъ во всѣхъ знаніяхъ, и не только не нашелъ, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые такъ же, какъ и я, искали въ знаніи, точно такъ же ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня въ отчаяніе, — безмыслица жизни, — есть единственное, несомнѣнное знаніе, доступное человѣку“.

Случайная встрѣча Пьера съ масономъ втянула его въ масонство. Онъ рѣшилъ служить дѣлу религіи и добродѣтели. Темное небо какъ будто прояснилось на время. Волны душевныя улеглись, въ сердцѣ ощущалась тишина. Теперь какъ будто не оставалось и тѣни сомнѣній. Прошлое съ его ошибками было позади. Будущее представлялось Пьеру счастливымъ и полнымъ добродѣтели. Призваніе свое онъ видѣлъ въ служеніи благу человѣчества.

Первой заботой Пьера, по пріѣздѣ въ его кіевское имѣніе, было желаніе какъ можно скорѣе освободить крестьянъ, улучшить ихъ участь, уничтожить тѣлесныя наказанія, облегчить барщину, понастроить школъ и больницъ. Управляющіе только дивились всѣмъ этимъ затѣямъ праздного барина, и надували этого чудака наружнымъ исполненіемъ его распоряженій. Пьеръ радовался видимому довольству крестьянъ, благодарившихъ барина по настоянію приказчиковъ, его стремленіе дѣлать добро людямъ удовлетворялось, онъ чувствовалъ миръ въ своей душѣ, какъ человѣкъ, славно пообѣдавшій послѣ продолжительнаго голода.

Дѣйствительно, все это оказалось миражемъ. Пьеръ мало-по-малу присмотрѣлся къ масонству, которое въ дѣлахъ добродѣтели и нравственнаго самосовершенствованія оставляло желать многаго. Отъ него не ускользнуло то, что и тутъ подъ благородной личиной скрывались суета мірская, гора честолюбій, взаимныя интриги. Масоны преисправно занимались балами, обѣдами и фестивалями. „Братья мои масоны, — размышляетъ Пьеръ въ минуты хандры, — клянутся кровью въ томъ, что они всѣмъ готовы жертвовать для ближняго, а не платятъ по одному рублю на сборы для бѣдныхъ, интригуютъ Астрея противъ ищущихъ манны, и хлопочутъ о настоящемъ шотландскомъ коврѣ и объ актѣ, смысла котораго не знаетъ и тотъ, кто писалъ его, и котораго никому не нужно. Всѣ мы исповѣдуемъ христіанскій законъ прощенія обидъ и любви къ ближнему, — законъ, вслѣдствіе котораго мы воздвигли въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей, а вчера засѣкли кнутомъ бѣжавшаго человѣка, и служитель того же самаго закона любви и прощенія, священникъ, давалъ цѣловать солдату крестъ передъ казнью“. Съ подобной ложью и путаницей Пьеръ никакъ не въ силахъ былъ примириться и, чтобы забыть гнетущія сомнѣнія и неразрѣшимые вопросы жизни, отдавался всевозможнымъ увлеченіямъ.

Уже изъ сказаннаго видно, что Толстой въ типѣ Безухаго достаточно ясно показалъ испытанную имъ самимъ борьбу вѣры въ возможность добра и правды съ ложью и зломъ дѣйствительной жизни. Но скептицизмъ, какъ плодъ разочарованій, вынесенныхъ изъ наблю-

деній этой лжи и зла, все-таки не восторжествовалъ въ Пьерѣ. Такое торжество досталось на долю его другу Андрею Болконскому.

Старикъ Болконскій и сынъ его Андрей — типическіе представители нашей знати. Старикъ Болконскій — высокомѣренъ, суровъ, патріархаленъ и величественъ. Онъ одичалъ въ своей гордости. Онъ внушаетъ безграничный страхъ всѣмъ живущимъ съ нимъ, даже своей любящей дочери, которую тиранитъ вѣчнымъ своимъ гнетомъ и дикой любовью. Но она не впадаетъ въ отчаяніе. Жизнь княжны Марьи — настоящая каторга. Утѣшеніемъ служитъ ей религія. „Божьи люди", странницы, составляютъ ея сообщество. Она бесѣдуетъ съ ними о возвышенныхъ предметахъ, ихъ жизнь кажется ей идеальной. Оставить всѣ земныя затѣи и безъ всякихъ помысловъ о завтрашнемъ днѣ и его низменныхъ нуждахъ странствовать, вдохновляться высокими чувствами, отдаться молитвѣ за всѣхъ — вотъ какія стремленія увлекали княжну Марью. Но, вспоминая о престарѣломъ отцѣ, она убѣждалась, что не можетъ покинуть его, и горько плакала о томъ, что любитъ его болѣе, чѣмъ Бога. Совершенную противоположность ей составляетъ князь Андрей, типъ скептика, слѣдующаго только внушеніямъ холоднаго разсудка.

Князь Андрей исполненъ сознанія своего аристократизма, своего родовитаго превосходства надъ всякими рангами, достающимися обыкновеннымъ смертнымъ. Обладая такой гордостью и всѣмъ лоскомъ, потребнымъ для родовитости, онъ въ то же время отличается проницательнымъ умомъ, силой воли, пониманіемъ своего долга, непоколебимой твердостью и энергіей съ той минуты, когда призываютъ къ дѣятельности серіозные и реальные интересы отечества. Тогда онъ не имѣетъ времени думать о впечатлѣніи, какое произведетъ онъ на окружающихъ. Именно въ „Мирѣ" читатель видитъ князя Андрея вѣчно скучающимъ, не ладящимъ съ собою, жаждущимъ перемѣнъ, словно неспособнымъ отдаться никакимъ радостямъ жизни и всегда склоннымъ за все винить судьбу. Межъ тѣмъ на страницахъ „Войны" личность князя Андрея выступаетъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Заслуги его неоспоримы, сражается онъ съ отвагой, даже съ какимъ-то отчаяніемъ. Раненый при Аустерлицѣ и перенесенный во французскій госпиталь, князь Андрей сильно колеблется въ своемъ невѣріи. „Хорошо бы это было, ежели бы все было такъ ясно и просто, какъ оно кажется княжнѣ Марьѣ", подумалъ онъ при видѣ образка, который сестра уговорила его навѣсить на грудь. И тутъ же рѣшилъ: „ничего, ничего нѣтъ вѣрнаго, кромѣ ничтожества всего того, что мнѣ понятно, и величія чего-то не понятнаго, но важнѣйшаго!" Съ „ничтожествомъ всего" передъ лицомъ смерти раскрывается и ничтожество прежняго идеала князя Андрея. Такимъ идеаломъ былъ для него раньше Наполеонъ. Теперь при встрѣчѣ съ нимъ этотъ великій человѣкъ показался князю Андрею совсѣмъ маленькимъ съ его „безучастнымъ, ограниченнымъ и счастливымъ отъ несчастья другихъ взглядомъ". Тутъ онъ умомъ доходитъ до вѣры, но не знаетъ, какъ найти въ ней удовле-

твореніе. Въ жизни не оказывалось ничего заманчиваго. Казалось, не для чего было жить. Только встрѣча съ обольстительной дѣвушкой пробудила въ князѣ Андреѣ спасительную любовь къ жизни. То была Наташа Ростова.

Наташа — настоящая душа дома Ростовыхъ, гдѣ все вокругъ дышало привѣтомъ и радушіемъ. Старикъ Ростовъ былъ истиннымъ геніемъ хлѣбосольства. Графиня дополняла его своей любезностью и добротой. Старшій сынъ Николай какъ бы рожденъ былъ для военной жизни. Профессія военнаго казалась ему первой въ мірѣ. Въ лагерѣ онъ чувствовалъ себя какъ дома, грудью отстаивалъ свой долгъ и военную честь. Крѣпкій тѣломъ, здоровый духомъ, онъ всегда веселъ, доволенъ, потому что не знаетъ ни сомнѣній ни разочарованій. Это — типъ тѣхъ счастливцевъ, которые, не требуя отъ жизни невозможнаго, сразу попадаютъ въ свою колею и остаются въ ней натурами цѣльными и нравственно-безупречными. Николай Ростовъ нашелъ такое свое назначеніе въ гулѣ войны того времени. Если и приходилось ему видѣть неприглядныя стороны военной славы, въ родѣ сценъ при осмотрѣ госпиталя, то подобныя наблюденія бывали все-таки рѣдки. И въ общемъ итогѣ военная карьера доставила Николаю Ростову одни пріятныя впечатлѣнія, а по окончаніи ея онъ такъ же ровно и безмятежно счастливъ былъ въ своей семейной жизни съ княжной Марьей.

Сестра его, Наташа, восхитительна въ своей натуральной жизненности и веселости. Смѣхъ ея — молодой, искренній, что̀ называется, отъ души — читатель слышитъ на всѣхъ страницахъ, пока ея душа остается не пораненной житейскимъ зломъ. Своимъ весельемъ она одушевляетъ и заражаетъ всю семью. Она весело кокетничаетъ со своими поклонниками и вздыхателями, восторгающимися ея красотой. Она считаетъ себя влюбленной въ князя Бориса, въ друга отца ея, Денисова, и потомъ въ князя Андрея. Съ послѣднимъ дѣло зашло далеко. Наташа считалась невѣстой Болконскаго, но это не была настоящая любовь, ибо внезапно въ Наташѣ возгорѣлась страсть, сразу принявшая было ужасающіе размѣры. Встрѣтился красавчикъ-ловеласъ Анатолій Курагинъ и вскружилъ голову Наташѣ. Только случайность спасла ее отъ позорнаго паденія. Пьеръ Безухій во̀-время вмѣшался въ дѣло, обличивъ Курагина въ томъ, что онъ женатъ давно и подло обманываетъ Наташу. Она зачахла отъ стыда, и только въ религіозномъ экстазѣ нашла себѣ исцѣленіе ея пораненная душа.

Пьеръ Безуховъ былъ давнимъ другомъ Наташи. Горе и раскаяніе сдѣлали ее еще привлекательнѣе въ его глазахъ. Онъ даже чувствовалъ скоро небезопасными для себя посѣщенія дома Ростовыхъ. Теперь вѣчно мучившій его вопросъ о тщетѣ и безумности всего земного замѣнился для него представленіемъ ея. „Слышалъ ли онъ, или самъ велъ ничтожные разговоры, читалъ ли онъ, или узнавалъ про подлость и безсмысленность людскую, онъ не ужасался, какъ прежде, не спрашивалъ себя, изъ чего хлопочутъ люди, когда все такъ кратко и неизвѣстно, но вспоминалъ ее въ томъ видѣ, въ которомъ онъ ви-

дѣлъ ее въ послѣдній разъ, и всѣ сомнѣнія его исчезали, не потому что она отвѣчала на вопросы, которые представлялись ему, но потому, что представленіе о ней переносило его мгновенно въ другую, свѣтлую область душевной дѣятельности, въ которой не могло быть праваго или виноватаго, въ область красоты и любви, для которой стоило жить". Отъ посѣщенія Ростовыхъ, кромѣ того, отвлекало Пьера Безухаго и другое важное обстоятельство. Въ звѣриномъ числѣ Апокалипсиса онъ прочелъ имя Наполеона и „L'Russe Besuhof", и съ той минуты сталъ считать своимъ призваніемъ положить конецъ существованію антихриста. Онъ сталъ слѣдить съ величайшимъ интересомъ за событіями дня. Всеобщее одушевленіе, готовность жертвовать имуществомъ и жизнью охватило тогда всѣхъ русскихъ людей въ отпоръ французамъ. Пьеръ побывалъ въ русскомъ лагерѣ, и все, что увидалъ онъ тамъ, произвело на него глубокое впечатлѣніе. Религіозный жаръ, проявленный одинаково крестьянами, солдатами и офицерами, разогрѣлъ въ Пьерѣ желаніе, уже и раньше начинавшее волновать его, — желаніе принять участіе въ великой борьбѣ за родину, исполнить задачу, для которой Провидѣніе назначило его, связавъ его имя съ мистическимъ числомъ 666, съ антихристомъ, т.-е. Наполеономъ. И еще неотвратимѣе подчинился онъ этой маніи, попавъ въ центральный редутъ въ страшный день Бородинскаго сраженія.

Межъ тѣмъ, въ другой части театра военныхъ дѣйствій, полкъ князя Андрея стоялъ подъ непріятельскимъ огнемъ. Болконскій наканунѣ провелъ ночь въ думахъ о Наташѣ, пытаясь понять ее, и объ Анатоліи Курагинѣ, котораго онъ искалъ съ тѣхъ поръ, какъ до него дошли слухи о подлости его. На слѣдующій день князь Андрей получилъ смертельную рану. Его перенесли въ госпиталь, и по роковой случайности онъ очутился рядомъ съ своимъ соперникомъ, которому только что отняли ногу. Въ больномъ онъ узнаетъ Анатолія Курагина. Близость смерти, несчастіе ближняго озарили умъ скептика новымъ свѣтомъ. Тутъ только онъ понялъ высокій и глубокій смыслъ жизни: „Состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ насъ, любовь къ врагамъ, да, та любовь, которую проповѣдовалъ Богъ на землѣ, которой меня учила княжна Марья и которой я не понималъ, вотъ отчего мнѣ жалко было жизни, вотъ оно то, что еще оставалось мнѣ, ежели бы я былъ живъ. Но теперь уже поздно. Я знаю это!" Въ этомъ отношеніи князя Андрея уже слышится голосъ нашего писателя, указывающій изстрадавшимся душамъ на сферу религіи, какъ на единственную точку опоры для мысли, пораженной измѣнчивостью всѣхъ человѣческихъ благъ. Этотъ взглядъ Толстого прекрасно разъясненъ Страховымъ въ его статьяхъ о „Войнѣ и мирѣ". Критикъ сопоставляетъ съ такимъ открытіемъ князя Андрея обращеніе къ религіи княжны Марьи, Пьера послѣ измѣны жены, Наташи послѣ обмана Курагина. „Душа, отрекающаяся отъ міра", замѣчаетъ Страховъ, „становится выше міра и обнаруживаетъ новую красоту — всепрощеніе и любовь".

Самъ Толстой еще яснѣе говоритъ о томъ же въ своихъ признаніяхъ: „Вѣра есть сила жизни. Если человѣкъ живетъ, то онъ во что-нибудь да вѣритъ. Если бъ онъ не вѣрилъ, что для чего-нибудь надо жить, то онъ бы не жилъ. Если онъ не видитъ и не понимаетъ призрачности, конечности, онъ вѣритъ въ это конечное; если онъ понимаетъ призрачность конечнаго, онъ долженъ вѣрить въ безконечное. Безъ вѣры нельзя жить“.

Князь Андрей, смертельно раненый, также пересталъ ощущать свои прежнія тревоги и мученія душевныя; недовольства жизнью и боязни смерти какъ бы не существовало. Онъ умеръ на рукахъ Наташи и княжны Марьи. Судьба Пьера была иная.

По прибытіи французовъ въ Москву начались пожары. Пьеръ во время одного изъ такихъ пожаровъ спасъ ребенка, возбудилъ подозрѣніе и былъ забранъ въ тюрьму. Оттуда онъ, вмѣстѣ съ другими плѣнными, сопровождалъ французскую армію. Подвергаясь лишеніямъ всякаго рода, перенося стужу и голодъ, онъ не только остается живъ, но едва ощущаетъ всѣ подобныя тягости, отъ которыхъ умираютъ его товарищи. И это объясняется нашимъ писателемъ. Пьеръ испыталъ тамъ впервые успокоеніе души, онъ впервые ощутилъ довольство собою, какого искалъ давно. При видѣ сожженныхъ и разоренныхъ селеній, при видѣ страданій людей кругомъ, его личныя тревоги исчезали совсѣмъ. Вѣра его въ апокалипсическое число, намѣреніе его убить Наполеона, прежняя ненависть къ безсердечной женѣ — все это казалось какимъ-то давнишнимъ сновидѣніемъ. Лживые взгляды на жизнь и счастье, какіе высказывалъ онъ раньше, когда жилъ въ роскоши, замѣнились болѣе вѣрными понятіями о цѣляхъ и предѣлахъ человѣческаго существованія.

Словомъ, съ Пьеромъ случилось совершенно то же, что и съ самимъ авторомъ „Войны и мира“. „Спасло меня, — говоритъ онъ, — только то, что я успѣлъ вырваться изъ своей исключительности и увидать жизнь настоящую простого рабочаго народа и понять, что это только есть настоящая жизнь. Я понялъ, что, если хочу понять жизнь и смыслъ ея, мнѣ надо жить не жизнью паразита, а настоящей жизнью и, принявъ тотъ смыслъ, который придаетъ ей настоящее человѣчество, слившись съ этою жизнью, провѣрить его“.

Наши гусары отбили плѣнныхъ у французскаго конвоя, сопровождавшаго Пьера и его товарищей. Когда Москва начала оправляться отъ бѣдствій, Пьеръ вернулся туда и нашелъ тамъ княжну Марью съ Наташей Ростовой. Онъ уже былъ вдовцомъ. Жена его умерла. Опытъ жизни измѣнилъ его. Даже наружность стала не та. Остались только благородныя черты его характера несглаженными. Онъ какъ будто вышелъ изъ нравственной бани, по словамъ Наташи, которая сдѣлалась его женой.

Въ эпилогѣ „Войны и мира“ описывается тихая, гармоничная и счастливая жизнь Наташи съ Пьеромъ и Николая Ростова съ княжной Марьей. Кромѣ Николая Ростова, не завшаго разладицы съ са-

мимъ собою, всѣ они вышли обновленными изъ личныхъ невзгодъ и несчастій. Послѣ различныхъ превратностей, послѣ всякихъ отрицательныхъ сомнѣній въ смыслѣ жизни, они достигли твердой и положительной цѣли въ семьѣ, гдѣ нѣтъ мѣста терзающимъ душу отчаяніямъ, гдѣ всѣ свѣтлыя стороны человѣческаго сердца находятъ себѣ плодотворное примѣненіе. Это и есть та область красоты и любви, въ которой, по словамъ Толстого, нѣтъ ни праваго ни виноватаго. Пьеръ Безухій, прежде искавшій спасенія отъ хандры и отвращенія къ жизни въ кутежахъ и опьяняющихъ развлеченіяхъ, въ европейскихъ доктринахъ и въ масонствѣ, послѣ несчастій, перенесенныхъ вмѣстѣ съ народомъ, понялъ истинное значеніе трудовой жизни и научился цѣнить ея радости въ любящей и любимой семьѣ.

Цабель.

Смыслъ произведенія Толстого „Война и миръ“.

Всего яснѣе, намъ кажется, смыслъ „Войны и мира“ выражается въ тѣхъ словахъ автора, которыя мы поставили эпиграфомъ: „Нѣтъ величія“, говоритъ онъ, „тамъ, гдѣ нѣтъ *простоты, добра* и *правды*“.

Задача художника состояла въ томъ, чтобы изобразить истинное величіе, какъ онъ его понимаетъ, и противопоставить его ложному величію, которое онъ отвергаетъ. Эта задача выразилась не только въ противопоставленіи Кутузова и Наполеона, но и во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ борьбы, вынесенной цѣлой Россіею, въ образѣ чувствъ и мыслей каждаго солдата, во всемъ нравственномъ мірѣ русскихъ людей, во всемъ ихъ бытѣ, во всѣхъ явленіяхъ ихъ жизни, въ ихъ манерѣ любить, страдать, умирать. Художникъ изобразилъ со всею ясностью, въ чемъ русскіе люди полагаютъ человѣческое достоинство, въ чемъ тотъ идеалъ величія, который присутствуетъ даже въ слабыхъ душахъ, и не оставляетъ сильныхъ даже въ минуты ихъ заблужденій и всякихъ нравственныхъ паденій. Идеалъ этотъ состоитъ, по формулѣ, данной самимъ авторомъ, въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Простота, добро и правда побѣдили въ 1812 году силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши. Вотъ смыслъ „Войны и мира“.

Другими словами, художникъ далъ намъ новую русскую формулу *героической жизни*, ту формулу, подъ которую подходитъ Кутузовъ и подъ которую никакъ не можетъ подойти Наполеонъ. О Кутузовѣ авторъ прямо говоритъ: „*Простая, скромная* и потому *истинно величественная* фигура эта не могла улечься въ ту лживую форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія“ (т. VI, стран. 88). Но то же самое слѣдуетъ разумѣть обо всѣхъ русскихъ людяхъ, обо всѣхъ фигурахъ, выведенныхъ въ „Войнѣ и мирѣ“. Ихъ чувства, мысли и желанія, насколько въ нихъ есть героическаго, насколько въ нихъ проявляется стремленіе къ героическому и пониманіе героическаго, не укладываются въ тѣ чужія и

лживыя формы, которыя созданы Европою. Весь русскій душевны строй *проще, скромнѣе,* представляетъ ту гармонію, то равновѣсіе силъ, которыя одни согласны съ истиннымъ величіемъ и нарушеніе которыхъ мы ясно чувствуемъ въ величіи другихъ народовъ. Обыкновенно насъ плѣняютъ и долго еще будутъ плѣнять блескъ и мощь тѣхъ формъ жизни, которыя создаются силами, не соблюдающими гармоніи, вышедшими изъ взаимнаго равновѣсія. Этихъ яркихъ формъ всякаго рода страстей, всякаго рода душевныхъ напряженій, разрастающихся до ослѣпляющаго величія, — много создала Европа, много создалъ древній міръ. Мы, младшій изъ великихъ народовъ, невольно увлекаемся этими формами чуждой жизни; но въ глубинѣ души у насъ хранится другой, своеобразный идеалъ, въ сравненіи съ которымъ часто меркнутъ и являются безобразіемъ — воплощенія въ дѣйствительности и въ искусствѣ идеаловъ, несогласныхъ съ нашимъ душевнымъ строемъ.

Чисто-русскій героизмъ, чисто-русское героическое во всевозможныхъ сферахъ жизни — вотъ что далъ намъ гр. Л. Н. Толстой, вотъ главный предметъ „Войны и мира". Если мы оглянемся на нашу прошлую литературу, то намъ будетъ яснѣе, какую огромную заслугу оказалъ намъ художникъ, и въ чемъ состоитъ эта заслуга. Основатель нашей самобытной литературы, Пушкинъ, одинъ только въ своей великой душѣ носилъ сочувствіе всѣмъ родамъ и видамъ величія, всѣмъ формамъ героизма, почему и могъ онъ постигнуть и русскій идеалъ, почему и могъ стать основателемъ русской литературы. Но въ его дивной поэзіи этотъ идеалъ проступалъ только чертами, только указаніями, безошибочными и ясными, но неполными и неразвитыми.

Явился Гоголь, и не совладалъ съ безмѣрною задачею. Раздался плачъ по идеалѣ, полились „сквозь видимый міру смѣхъ незримыя слезы", свидѣтельствовавшія, что художникъ не хочетъ отказаться отъ идеала, но и не можетъ достигнуть его воплощенія. Гоголь сталъ отрицать эту жизнь, которая такъ упорно не выдавала ему своихъ положительныхъ сторонъ. „Нѣтъ у насъ героическаго въ жизни; мы всѣ или Хлестаковы, или Поприщины" — вотъ заключеніе, къ которому пришелъ несчастный идеалистъ.

Задача всей литературы послѣ Гоголя состояла только въ томъ, чтобы отыскать русскій героизмъ, сгладить то отрицательное отношеніе, въ которое сталъ къ жизни Гоголь, уразумѣть русскую дѣйствительность болѣе правильнымъ, болѣе широкимъ образомъ, чтобы не могъ отъ насъ укрыться тотъ идеалъ, безъ котораго народъ такъ же не могъ бы существовать, какъ тѣло безъ души. Для этого требовалась тяжкая и долгая работа, и ее-то сознательно и безсознательно несли и совершали всѣ наши художники.

Но первый разрѣшилъ задачу гр. Л. Н. Толстой. Онъ первый одолѣлъ всѣ трудности, выносилъ и побѣдилъ въ своей душѣ процессъ отрицанія и, освободившись отъ него, сталъ творить образы, вопло-

щающіе въ себѣ положительныя стороны русской жизни. Онъ первый показалъ намъ въ неслыханной красотѣ то, что̀ ясно видѣла и понимала только безупречно-гармоническая, всему великому доступная душа Пушкина. Въ „Войнѣ и мирѣ“ мы опять нашли свое героическое, и теперь его уже никто отъ насъ не отниметъ.

Попробуемъ частнѣе и опредѣленнѣе указать, что̀ сдѣлано графомъ Л. Н. Толстымъ. Не вся задача рѣшена, не вся широкая область русской души исчерпана гр. Л. Н. Толстымъ, но та половина задачи, которая въ настоящую минуту была всего настоятельнѣе и важнѣе, получила въ „Войнѣ и мирѣ“ рѣшеніе, по своей силѣ и ясности не уступающее никакому другому созданію поэзіи, принадлежащее къ высшимъ ея проявленіямъ, какія только существуютъ и будутъ существовать.

Не весь русскій идеалъ воплотился у гр. Л. Н. Толстого, но съ неотразимою силою и прелестью у него раздался „голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго“. Этотъ голосъ въ первый разъ послышался у Пушкина, а смыслъ его въ первый разъ понятъ и засвидѣтельствованъ Ап. Григорьевымъ, употребившимъ и приведенное нами въ кавычкахъ выраженіе. Замѣчательно то буквальное сходство, которое оказывается въ формулѣ Григорьева и въ опредѣленіи гр. Л. Н. Толстымъ истиннаго величія. Это величіе должно совмѣщать *простоту, добро* и правду, т.-е. быть чуждо всего *ложнаго*.

Голосъ за простое и доброе противъ ложнаго и хищнаго — вотъ существенный, главнѣйшій смыслъ „Войны и мира“. Это тотъ прекрасный и своеобразный элементъ нашей литературы, который былъ открытъ въ ней и прослѣженъ съ великою чуткостью Ап. Григорьевымъ. Но критикъ, столь вѣрно понимавшій глубочайшія струны нашей поэзіи, едва ли предвидѣлъ и ожидалъ, что этотъ голосъ послѣ его смерти раздастся несравненно сильнѣе, чѣмъ онъ когда-либо его слышалъ, что могучій звукъ этого прекраснаго голоса нѣкогда покроетъ весь гамъ нашей литературы и примкнетъ по своей несравненной чистотѣ и силѣ къ дивнымъ звукамъ Пушкинской поэзіи.

Особенный смыслъ этого голоса — вотъ что намъ слѣдуетъ опредѣлить. Если мы для этого прослѣдимъ всѣ лица и событія „Войны и мира“, то мы ясно увидимъ, что симпатіи автора имѣютъ нѣкоторую односторонность, выкупаемую тѣмъ большею проницательностью и глубиною относительно той стороны, въ которую обращены эти симпатіи. Существуетъ на свѣтѣ какъ будто два рода героизма: одинъ — дѣятельный, тревожный, порывающійся, другой — страдательный, спокойный, терпѣливый. Ап. Григорьевъ замѣтилъ въ нашей литературѣ появленіе лицъ, представляющихъ въ своей натурѣ это различіе, и называлъ ихъ двумя различными типами: *хищнымъ* и *смирнымъ*. Гр. Л. Н. Толстой, очевидно, съ величайшимъ сочувствіемъ относится къ страдательному или смирному героизму и, очевидно же, мало питаетъ сочувствія къ ге-

роизму дѣятельному и хищному. Въ пятомъ и шестомъ томѣ эта разница въ симпатіи выступила еще рѣзче, чѣмъ въ первыхъ томахъ. Къ категоріи дѣятельнаго героизма относятся не только французы вообще и Наполеонъ въ особенности, но и множество русскихъ лицъ, напр. Растопчинъ, Ермоловъ, Милорадовичъ, Долоховъ и пр. Къ категоріи смирнаго героизма принадлежитъ прежде всего самъ Кутузовъ, величайшій образецъ этого типа, Тушинъ, Тимохинъ, Дохтуровъ, Коновицынъ, и пр., и пр.; вообще — вся масса нашихъ военныхъ и вся масса русскаго народа. Весь разсказъ „Войны и мира" какъ будто имѣетъ цѣлью доказать превосходство смирнаго героизма надъ героизмомъ дѣятельнымъ, который повсюду оказывается не только побѣжденнымъ, но и смѣшнымъ, не только безсильнымъ, но и вреднымъ. Самая ясная и живая фигура, въ которой гр. Л. Н. Толстой съ удивительной силою очертилъ типъ людей, думающихъ быть дѣятельными героями, есть Растопчинъ. Мы слышали, что это лицо угадано авторомъ совершенно вѣрно, что самыя подробныя и многолѣтнія историческія изысканія только подтверждаютъ поэтическую проницательность гр. Л. Н. Толстого [1]). Передъ величіемъ совершающихся событій, люди, подобные Растопчину, являются ничтожными и жалкими, не потому, чтобы это были личности очень слабыя сами по себѣ, а потому, что они порываются вмѣшаться въ ходъ событій, неизмѣримо превышающихъ собою размѣры ихъ силъ. Въ этомъ преувеличеніи своего значенія, въ этомъ нелѣпомъ и дерзкомъ самообольщеніи, у автора оказываются виновными не только отдѣльныя лица, но цѣлые народы, напримѣръ, французы, приведшіе на насъ Европу, и цѣлыя сферы въ самой Россіи, напримѣръ придворная сфера, сфера военныхъ штабовъ и т. д. Авторъ показываетъ, какъ повсюду — увѣренность въ своей силѣ, признаніе за своею личностью способности измѣнять и направлять событія ведетъ только къ ошибкамъ и неизбѣжно соединяется съ игрою самыхъ дурныхъ страстей, самолюбія, тщеславія, зависти, ненависти и пр.

Такимъ образомъ, по смыслу всего разсказа, у хищнаго типа отнято всякое поприще дѣйствія. Между тѣмъ вообще говоря, невозможно отрицать, чтобы люди рѣшительные, смѣлые не имѣли никакой важности въ ходѣ дѣлъ, чтобы русскій народъ не порождалъ людей, дающихъ просторъ своимъ личнымъ взглядамъ и силамъ. Совершенно справедливо, что при такомъ развитіи личности, она, большею частію, отличается весьма непривлекательными чертами; но несомнѣнно также, что въ этихъ людяхъ проявляются и прекрасныя свойства русской душевной силы.

Итакъ, есть сторона русскаго характера, которая не вполнѣ схвачена и изображена авторомъ. Нужно ждать еще художника, который бы сумѣлъ такъ отнестись къ этой сторонѣ, какъ, напримѣръ, Пушкинъ относился къ Петру I:

---

[1]) Такъ отзывался покойный Александръ Николаевичъ Поповъ.

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ,
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонъ!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?

(Мѣдный всадникъ.)

Но пока нѣтъ у насъ чистыхъ и ясныхъ образовъ дѣятельнаго героизма, пока этотъ героизмъ не нашелъ себѣ своего поэта-выразителя, мы должны смиренно преклониться передъ поэтомъ, прославившимъ и воплотившимъ передъ нами героизмъ смиренія. Мы только можемъ гадать и смутно прозрѣвать черты иного величія, также свойственнаго русской натурѣ, а то величіе, которое изображено гр. Л. Н. Толстымъ, мы уже видимъ воочію, въ ясномъ воплощеніи.

И въ существенномъ пунктѣ мы не можемъ не согласиться съ поэтомъ, т.-е. мы вполнѣ признаемъ превосходство смирнаго героизма надъ героизмомъ дѣятельнымъ. Гр. Л. Н. Толстой изобразилъ намъ если не самыя сильныя, то, во всякомъ случаѣ, самыя лучшія стороны русскаго характера, тѣ его стороны, которымъ принадлежитъ и должно принадлежать верховное значеніе. Какъ нельзя отрицать, что Россія побѣдила Наполеона не дѣятельнымъ, а смирнымъ героизмомъ, такъ вообще нельзя отрицать, что *простота*, *добро* и *правда* составляютъ высшій идеалъ русскаго народа, которому долженъ подчиняться идеалъ сильныхъ страстей и исключительно сильныхъ личностей. Мы сильны *всѣмъ народомъ*, сильны тою силою, которая живетъ въ самыхъ простыхъ и смиренныхъ личностяхъ, — вотъ что̀ хотѣлъ сказать гр. Л. Н. Толстой, и онъ совершенно правъ. Прибавимъ, что мы должны были бы преклониться передъ лучшими чертами нашего народнаго идеала и въ томъ случаѣ, если бы намъ не было доказано, что простота, добро и правда могутъ побѣдить всякую ложную, злую и неправую силу. Если вопросъ идетъ о силѣ, то онъ рѣшается тѣмъ, на какой сторонѣ побѣда; но простота добро и правда намъ милы и дороги сами по себѣ, все равно, побѣдятъ они, или нѣтъ.

Всѣ сцены частной жизни и частныхъ отношеній, выведенныя гр. Л. Н. Толстымъ, имѣютъ одну и ту же цѣль, — показать, какъ страдаетъ и радуется, любитъ и умираетъ, ведетъ свою семейную и личную жизнь тотъ народъ, высшій идеалъ котораго заключается въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Разница, столь ясно изображенная, между Кутузовымъ и Наполеономъ, та же самая разница существуетъ между Пьеромъ и капитаномъ Рамбалемъ, толкующими о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, между Бурьенкой и княжной Марьей и т. д. Тотъ же народный духъ, который проявился въ Бородинской битвѣ, проявляется и въ предсмертнахъ думахъ князя Андрея, и въ душевномъ процессѣ Пьера, и въ разговорахъ Наташи съ матерью, и въ складѣ вновь образовавшихся семействъ, — словомъ, во всѣхъ душевныхъ движеніяхъ частныхъ лицъ „Войны и мира“.

Вездѣ и повсюду или господствуетъ духъ простоты, добра и правды, или является борьба этого духа съ уклоненіями людей на иные пути, и рано или поздно — его побѣда. Въ первый разъ мы увидѣли несравненную прелесть чисто-русскаго идеала, смиреннаго, простого, безконечно-нѣжнаго и въ то же время незыблемо-твердаго и самоотверженнаго. Огромная картина гр. Л. Н. Толстого есть достойное изображеніе русскаго народа. Это дѣйствительно неслыханное явленіе, — эпопея въ современныхъ формахъ искусства. *Страховъ.*

„Война и миръ", какъ художественное цѣлое.

„Нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды".
Война и миръ. т. VI, стран. 62.

Наконецъ, великое произведеніе кончено. Наконецъ, оно передъ нами, оно навсегда наше, и исчезли всякія наши волненія. Въ то время какъ гр. Л. Н. Толстой какъ будто замедлилъ окончаніемъ своего труда мы невольно мучились страхомъ и надеждой. Художникъ, какъ мы видимъ теперь, спокойно и увѣренно продолжалъ свою работу; твердою рукою онъ доканчивалъ ея послѣднія части; но мы, простые смертные, съ невольнымъ замираніемъ сердца ждали совершенія таинственнаго дѣла. Мы дивились до изумленія, какъ могла творческая сила, не ослабѣвая ни на минуту, дѣйствовать въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, и, еще не сумѣвъ понять всего величія открывшихся передъ нами силъ, не успѣвъ привыкнуть къ этому величію, малодушно страшились за окончаніе великаго и безцѣннаго дѣла. Самыя нелѣпыя опасенія приходили намъ въ голову.

Но, наконецъ, картина готова, и вся передъ нами. Красота ея открывается съ новою, съ поразительною силою. Только теперь всѣ подробности заняли свое надлежащее мѣсто, ясно обозначился центръ, ясно выступилъ колоритъ отдѣльныхъ частей, и, обнимая картину однимъ взглядомъ, мы можемъ отчетливо видѣть ея общее освѣщеніе, связь всѣхъ ея фигуръ и неотразимую мысль, которая составляетъ душу всего произведенія, которая даетъ ему полное единство, полную жизнь. Всмотритесь, вчитайтесь, попробуйте обозрѣть весь разсказъ какъ одно цѣлое, — впечатлѣніе будетъ усиливаться и возрастать по мѣрѣ вашего вниманія и изученія.

Какая громада и какая стройность! Ничего подобнаго не представляетъ намъ ни одна литература. Тысячи лицъ, тысячи сценъ, всевозможныя сферы государственной и частной жизни, исторія, война, всѣ ужасы, какіе есть на землѣ, всѣ страсти, всѣ моменты человѣческой жизни, отъ крика новорожденнаго ребенка до послѣдней вспышки чувства умирающаго старика, всѣ радости и горести, доступныя человѣку, всевозможныя душевныя настроенія, отъ ощущеній вора, укравшаго червонцы у своего товарища, до высочайшихъ движеній героизма и думъ внутренняго просвѣтленія — все есть въ этой

картинѣ. А между тѣмъ, ни одна фигура не заслоняетъ другой, ни одна сцена, ни одно впечатлѣніе не мѣшаютъ другимъ сценамъ и впечатлѣніямъ, все на мѣстѣ, все ясно, все раздѣльно и все гармонируетъ между собою и съ цѣлымъ. Подобнаго чуда въ искусствѣ, притомъ чуда, достигнутаго самыми простыми средствами, еще не бывало на свѣтѣ. Эта простая и въ то же время невообразимо искусная группировка не есть дѣло внѣшнихъ соображеній и прилаживаній; она могла быть только плодомъ геніальнаго прозрѣнія, которое однимъ взглядомъ, простымъ и яснымъ, объемлетъ и проникаетъ все многообразное теченіе жизни.

Ревниво осматриваемъ мы наше сокровище, это неожиданное богатство нашей литературы, честь и украшеніе ея современнаго періода: нѣтъ ли гдѣ недостатковъ! Нѣтъ ли пропусковъ, противорѣчій? Нѣтъ ли какихъ-нибудь важныхъ несовершенствъ, за которыя мы, конечно, съ избыткомъ были бы вознаграждены сильными сторонами „Войны и мира“, но которыя намъ все-таки больно было бы видѣть въ этомъ произведеніи? Нѣтъ, нѣтъ, ничего, что̀ могло бы помѣшать полной радости, что̀ смущало бы нашъ восторгъ. Всѣ лица выдержаны, всѣ стороны дѣла схвачены, и художникъ до послѣдней сцены не отступилъ отъ своего безмѣрно-широкаго плана, не опустилъ ни одного существеннаго момента, и довелъ свой трудъ до конца безъ всякаго признака измѣненія въ тонѣ, взглядѣ въ пріемахъ и силѣ творчества. Дѣло поистинѣ изумительное! Для ясности попробуемъ сдѣлать коротенькій очеркъ двухъ послѣднихъ томовъ.

Пятый томъ содержитъ занятіе Москвы французами и все время ихъ пребыванія въ ней. Шестой — бѣгство французовъ и эпилогъ — развязку всѣхъ событій, государственныхъ и частныхъ. Надъ пятымъ томомъ царитъ ужасъ, а надъ шестымъ, несмотря на всѣ его мрачныя картины, уже носится вѣяніе мира, уже ясно что все стихаетъ, борьба кончена, и скоро наступитъ обыкновенное теченіе жизни. Пятый томъ, начинающійся совѣтомъ въ Филяхъ, на которомъ рѣшено было отдать Москву и оканчивающійся сценою, когда Кутузовъ получаетъ извѣстіе о выступленіи французовъ изъ столицы, поразителенъ изображеніемъ того страшнаго удара, который былъ нанесенъ русскимъ душамъ потерею Москвы. Люди, потерялись, ошалѣли, обезумѣли отъ жестокаго потрясенія. Растопчинъ, Пьеръ, посѣтители питейнаго дома на Варваркѣ — всѣ потеряли голову, всѣ чувствовали и дѣйствовали подъ давленіемъ неописаннаго ужаса. Самъ Кутузовъ, до конца вѣрившій и ни разу не колебавшійся, задумался, какъ никогда онъ не задумывался. Главное лицо пятаго тома, Пьеръ, на которомъ всего яснѣе отражается нравственный процессъ, совершавшійся въ русскихъ душахъ, своими похожденіями всего лучше изображаетъ чувства, овладѣвшія тогда всѣми. Его бѣгство изъ своего дворца, переодѣваніе, попытка убить Наполеона, и прочее — все свидѣтельствуетъ о глубокомъ душевномъ потрясеніи, о страстномъ желаніи такъ или иначе раздѣлить бѣдствія своей родины, страдать

тогда, когда всѣ страдаютъ. Онъ, наконецъ, добивается своего, и въ плѣну — успокоивается. Въ плѣну онъ сливается съ массою простонародныхъ лицъ и въ этой массѣ встрѣчаетъ человѣка, который всего яснѣе, всего глубже показываетъ ему силу и красоту русскаго народа, — Платона Каратаева. Убѣжавши съ Бородинскаго поля, Безухій размышлялъ такъ: „Какъ ужасенъ страхъ, и какъ позорно я отдался ему! А они... они все время до конца были тверды, спокойны“... *Они* въ понятіи Пьера были солдаты, тѣ, которые были на батареѣ, и тѣ, которые его кормили, и тѣ которые молились на икону. *Они — эти странные, невѣдомые ему доселѣ, они ясно и рѣзко отдѣлялись въ его мысли отъ другихъ людей* (стран, 35, т. V). Затѣмъ во снѣ ему видится масонъ-благодѣтель, говорящій о добрѣ, о возможности быть тѣмъ, чѣмъ были *они*. „И *они* со всѣхъ сторонъ, *съ своими простыми, добрыми лицами*, окружали благодѣтеля“. Такъ образъ народа съ неизгладимою силою отпечатлѣлся въ душѣ Пьера на Бородинскомъ полѣ. Но это впечатлѣніе еще разъ, съ большею силою, въ болѣе конкретныхъ формахъ, повторилось для Пьера тогда, когда онъ всего способнѣе былъ его принять, въ плѣну среди величайшихъ страданій. „Платонъ Каратаевъ“, говоритъ авторъ „остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго и круглаго“ (тамъ же, стран. 233). Въ лицѣ Каратаева Пьеръ видѣлъ то, какъ русскій народъ мыслитъ и чувствуетъ при самыхъ крайнихъ бѣдствіяхъ, какъ великая вѣра живетъ въ его простыхъ сердцахъ. Душевная красота Каратаева поразительна, выше всякой похвалы. Вспомнимъ, какъ долго наша литература занималась простымъ народомъ, сколько попытокъ было сдѣлано, чтобы уловить его духъ и силу, сколько подобныхъ попытокъ есть у самого гр. Л. Н. Толстого. Вся эта литература, всѣ эти попытки превзойдены и навсегда заслонены несравненною фигурою Каратаева, показывающею, какъ глубоко овладѣлъ художникъ труднѣйшими задачами, волновавшими цѣлый литературный періодъ и его самого вмѣстѣ съ другими.

Итакъ, внутренній смыслъ пятаго тома сосредоточенъ на Пьерѣ и Каратаевѣ, какъ на лицахъ, которыя, страдая вмѣстѣ со всѣми, но оставаясь безъ дѣйствія, имѣли возможность подумать и выносить въ душѣ впечатлѣніе великаго общаго бѣдствія. Для Пьера глубокій душевный процессъ окончился нравственнымъ обновленіемъ; Наташа говоритъ, что Пьеръ морально очистился, что плѣнъ былъ для него нравственною банею (т. VI, стран. 136). Каратаеву нечему было учиться; онъ словомъ и дѣломъ училъ другихъ и умеръ, завѣщавъ свой духъ Пьеру.

Рядомъ съ этими событіями внутренней духовной жизни стоятъ въ пятомъ томѣ всякаго рода внѣшнія событія. Отъѣздъ Ростовыхъ, хлопоты и порыванія Растопчина, убійство Верещагина, капитанъ Рамбаль со своими разсказами, Мишо, доносящій царю о взятіи Москвы, разстрѣливаніе русскихъ поджигателей и т. д. Всѣ эти сцены съ изу-

мительной живостью рисуютъ намъ ходъ всего дѣла въ эту тяжелую эпоху, тогдашнюю жизнь Москвы, Россіи, отъ царя до послѣдняго солдата.

Но творчество нашего художника достигаетъ своей высшей силы тамъ, гдѣ оно касается вѣчныхъ, непреходящихъ интересовъ души человѣческой. Участіе князя Андрея въ общихъ дѣлахъ кончилось на Бородинскомъ полѣ, гдѣ онъ былъ смертельно раненъ. Ему предстояли теперь уже одни частныя его дѣла — свиданіе съ Наташею и смерть. Изображеніе этого свиданія и внутренняго просвѣтленія, испытаннаго княземъ Андреемъ передъ смертью, есть верхъ художественнаго совершенства, дѣйствительное откровеніе тайнъ человѣческаго сердца, потрясающее насъ своею неизмѣримою глубиною. Другой разсказъ не менѣе поразителенъ. Въ пятомъ же томѣ разсказывается, какъ среди всеобщихъ бѣдствій завязалась любовь между княжною Марьею и Николаемъ Ростовымъ. Чистота и нѣжность этихъ отношеній невыразимы, безконечны. Невольно изумляешься тому, какъ просты и вмѣстѣ какъ чисты оба эти существа, какой ясный свѣтъ можетъ горѣть въ самыхъ обыкновенныхъ людяхъ. Итакъ, князь Андрей умираетъ, Николай Ростовъ влюбляется въ свою будущую жену, Пьеръ страдаетъ — вся гамма человѣческой жизни еще разъ взята художникомъ въ пятомъ томѣ.

Шестой томъ — развязка, — конецъ страшныхъ событій и начало новой жизни. Характеръ отступленія французской арміи и образъ дѣйствій нашихъ войскъ показанъ съ такою же ясностью и вѣрностью, какъ и смыслъ Бородинской битвы и значеніе гибели Москвы для насъ и для французовъ. Событія идутъ быстро, но не опущено ничего требуемаго полнотою картины. Обрисована партизанская война, положеніе бѣгущихъ французовъ, жестокость однихъ русскихъ, благодушіе другихъ, „чувство величественнаго торжества въ соединеніи съ жалостью къ врагамъ и сознаніемъ своей правоты“, какъ говоритъ авторъ (т. VI, стран. 91). Наконецъ, Кутузовъ, подобно тому какъ въ пятомъ томѣ, является въ началѣ, „когда уже стало ясно, что непріятель вездѣ бѣжитъ“, (стран. 88), и въ концѣ, когда онъ въ Вильнѣ выслушиваетъ выговоръ государя (стран. 107).

Мы видимъ при этомъ, какъ погибали юноши (смерть Пети Ростова), какъ невѣсты горевали о женихахъ и сестры о братьяхъ (Наташа и княжна Марья о князѣ Андреѣ), какъ матери убивались о дѣтяхъ (графиня Ростова о Петѣ). Когда же кончилась война, наступаютъ свиданія въ Москвѣ тѣхъ лицъ, которыя были разлучены войною, начинаются разсказы и разспросы, завязываются новыя отношенія, и начинается новая жизнь.

Внутренній смыслъ хроники заканчивается послѣдними поученіями, преподаваемыми Пьеру его собственными страданіями и предсмертными рѣчами и смертью Каратаева. Живо и глубоко изображаетъ художникъ обновленіе Пьера. Въ этомъ обновленіи олицетворено обновленіе всей Россіи, то раскрытіе духовныхъ силъ, которое должно было послѣдо-

вать за испытаніями и борьбою. Для Пьера, какъ и для Россіи, начался новый, лучшій періодъ. Очистившійся, укрѣпленный и просвѣтленный страданіемъ, Пьеръ заслуживаетъ любовь Наташи и испытываетъ все счастіе, къ какому только способенъ.

Тутъ опять художникъ вступаетъ въ область неизмѣнныхъ, непреходящихъ интересовъ человѣческой жизни, и опять поднимается до высоты удивительной и несравненной. Онъ рисуетъ намъ двѣ семьи, — двѣ новыя семьи, сложившіяся подъ вліяніемъ всѣхъ разсказанныхъ имъ событій и составляющія какъ бы вѣнецъ дѣла, какъ бы плодъ на одной изъ безчисленныхъ вѣтокъ дерева, выдержавшаго благотворную бурю, — Россіи. Никогда еще не было на свѣтѣ подобнаго описанія супружеской жизни, потому что не было описанія русской семьи, т.-е. самой лучшей изъ всѣхъ семей на свѣтѣ. Любовь между мужемъ и женою въ полномъ расцвѣтѣ ихъ силъ, чистая, нѣжная, твердая, незыблемо глубокая, — въ первый разъ изображена намъ во всей ея высокой силѣ и безъ единой прикрасы.

Картина двухъ новыхъ семействъ удивительно гармонически заканчиваетъ всю хронику. Когда начинался разсказъ, передъ нами открывались два семейства, уже давно сложившіяся, — семейство Болконскихъ, въ которомъ были взрослые сынъ и дочь, и семейство Ростовыхъ, въ которомъ Николай былъ еще только студентомъ, а Наташѣ было двѣнадцать лѣтъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ (такой періодъ, обнимаемый хроникою), передъ нами являются двѣ молодыя семьи съ маленькими дѣтьми. Съ геніальнымъ тактомъ художникъ началъ свою семейную хронику съ людей настолько взрослыхъ, что мы можемъ ими заинтересоваться, и кончилъ картинами, въ которыхъ даже грудныя дѣти намъ безконечно милы, такъ какъ принадлежатъ къ семействамъ, съ которыми мы сжились и сроднились во время разсказа.

Полная картина человѣческой жизни.

Полная картина тогдашней Россіи.

Полная картина того, что̀ называется исторіею и борьбой народовъ.

Полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастье и величіе, свое горе и униженіе.

Вотъ что̀ такое „Война и миръ“. *Страховъ.*

Художественность, объективность, образность и правдивость, какъ отличительныя черты романа „Война и миръ“.

Въ 1868 году появилось одно изъ лучшихъ произведеній нашей литературы, „Война и миръ“. Успѣхъ его былъ необыкновенный. Давно уже ни одна книга не читалась съ такою жадностью. Притомъ, это былъ успѣхъ самаго высокаго разряда. „Войну и миръ“ внимательно читали не только простые любители чтенія, до сихъ поръ восхищающіеся Дюма и Февалемъ, но и самые взыскательные читатели, — всѣ, имѣющіе основательное или неосновательное притязаніе

на ученость и образованность; читали даже тѣ, которые вообще презираютъ русскую литературу, и ничего не читаютъ по-русски. И такъ какъ кругъ нашихъ читателей, съ каждымъ годомъ возрастаетъ, то вышло, что ни одно изъ нашихъ классическихъ произведеній, — изъ тѣхъ, которыя не только имѣютъ успѣхъ, но и заслуживаютъ успѣха, — не расходилось такъ быстро и въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какъ „Война и миръ". Прибавимъ къ этому, что еще ни одно изъ замѣчательныхъ произведеній нашей литературы не имѣло такого большого объема, какъ новое произведеніе гр. Л. Н. Толстого.

Приступимъ же прямо къ анализу совершившагося факта. Успѣхъ „Войны и мира" есть явленіе чрезвычайно простое и отчетливое, не заключающее въ себѣ никакой ложности и запутанности. Этого успѣха нельзя приписать никакимъ побочнымъ, постороннимъ для дѣла причинамъ. Гр. Л. Н. Толстой не старался увлечь читателей ни какими-нибудь запутанными и таинственными приключеніями, ни описаніемъ грязныхъ и ужасныхъ сценъ, ни изображеніемъ страшныхъ душевныхъ мукъ, ни, наконецъ, какими-нибудь дерзкими и новыми тенденціями, — словомъ, ни однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыя дразнятъ мысль или воображеніе читателей, болѣзненно раздражаютъ любопытство картинами неизвѣданной и неиспытанной жизни. Ничего не можетъ быть проще множества событій, описанныхъ въ „Войнѣ и мирѣ". Всѣ случаи обыкновенной семейной жизни, разговоры между братомъ и сестрой, между матерью и дочерью, разлука и свиданіе родныхъ, охота, святки, мазурка, игра въ карты и пр., — все это съ такою же любовью возведено въ перлъ созданія, какъ и Бородинская битва. Простые предметы занимаютъ въ „Войнѣ и мирѣ" такъ же много мѣста, какъ, напримѣръ, въ „Евгеніи Онѣгинѣ" безсмертныя описанія жизни Лариныхъ, зимы, весны, поѣздки въ Москву и т. п.

Правда, рядомъ съ этимъ гр. Л. Н. Толстой выводитъ на сцену великія событія и лица огромнаго историческаго значенія. Но никакъ нельзя сказать, чтобы именно этимъ былъ возбужденъ общій интересъ читателей. Если и были читатели, которыхъ привлекло изображеніе историческихъ явленій или даже чувство патріотизма, то, безъ всякаго сомнѣнія, было не мало и такихъ, которые вовсе не любятъ искать исторіи въ художественныхъ произведеніяхъ, или же сильнѣйшимъ образомъ вооружены противъ всякаго подкупа патріотическаго чувства, и которые, однакоже, прочли „Войну и миръ" съ живѣйшимъ любопытствомъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что „Война и миръ" вовсе не есть историческій романъ, т.-е. вовсе не имѣетъ въ виду дѣлать изъ историческихъ лицъ романическихъ героевъ и, разсказывая ихъ похожденія, соединять въ себѣ интересъ романа и исторіи.

Итакъ, дѣло чистое и ясное. Какія бы цѣли и намѣренія ни были у автора, какихъ бы высокихъ и важныхъ предметовъ онъ ни касался, успѣхъ его произведенія зависитъ не отъ этихъ намѣреній и предметовъ, а оттого, что онъ сдѣлалъ, руководясь этими цѣлями и касаясь этихъ предметовъ, т.-е. отъ *высокаго художественнаго выполненія.*

Если гр. Л. Н. Толстой достигъ своихъ цѣлей, если онъ заставилъ всѣхъ вперить глаза на то, что занимало его душу, то только потому, что вполнѣ владѣлъ своимъ орудіемъ — искусствомъ. Въ этомъ отношеніи примѣръ „Войны и мира“ чрезвычайно поучителенъ. Едва ли многіе отдали себѣ отчетъ въ мысляхъ, руководившихъ и одушевлявшихъ автора, но всѣ одинаково поражены его творчествомъ. Люди, приступавшіе къ этой книгѣ съ предвзятыми взглядами, — съ мыслью найти противорѣчіе своей тенденціи, или ея подтвержденіе, — часто недоумѣвали, не успѣвали рѣшить, что имъ дѣлать, негодовать или восторгаться, но всѣ одинаково признавали необыкновенное мастерство загадочнаго произведенія. Давно уже художество не обнаруживало въ такой степени своего всепобѣднаго, неотразимаго дѣйствія.

Но художественность не дается даромъ. Да не подумаетъ кто-нибудь, что она можетъ существовать отдѣльно отъ глубокихъ мыслей и глубокихъ чувствъ, что она можетъ быть явленіемъ не серіознымъ, не имѣющимъ важнаго смысла. Въ этомъ случаѣ нужно отличать истинную художественность отъ ея фальшивыхъ и уродливыхъ формъ. Попробуемъ анализировать творчество, обнаружившееся въ книгѣ графа Л. Н. Толстого, и мы увидимъ, какая глубина лежитъ въ его основаніи.

Чѣмъ всѣ были поражены въ „Войнѣ и мирѣ“? Конечно, объективностью, образностью. Трудно представить себѣ образы болѣе отчетливые, краски болѣе яркія. Точно видишь все то, что описывается, и слышишь всѣ звуки того, что совершается. Авторъ ничего не разсказываетъ отъ себя; онъ прямо выводитъ лица и заставляетъ ихъ говорить, чувствовать и дѣйствовать; при чёмъ каждое слово и каждое движеніе вѣрно до изумительной точности, т.-е. вполнѣ носитъ характеръ лица, которому принадлежитъ. Какъ будто имѣешь дѣло съ живыми людьми, и притомъ видишь ихъ гораздо яснѣе, чѣмъ умѣешь видѣть въ дѣйствительной жизни. Можно различать не только образъ выраженій и чувствъ каждаго дѣйствующаго лица, но и манеры каждаго, любимые жесты, походку. Важному князю Василію пришлось однажды, въ необыкновенныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ, пройтись на цыпочкахъ; авторъ въ совершенствѣ знаетъ, какъ ходитъ каждое изъ его лицъ. „Князь Василій, — говоритъ онъ, — не умѣлъ ходить на цыпочкахъ, и неловко подпрыгивалъ всѣмъ тѣломъ“ (т. I, стран. 115). Съ такою же ясностью и отчетливостью авторъ знаетъ всѣ движенія, всѣ чувства и мысли своихъ героевъ. Когда онъ разъ вывелъ ихъ на сцену, онъ уже не вмѣшивается въ ихъ дѣла, не помогаетъ имъ, предоставляя каждому изъ нихъ вести себя сообразно со своею натурой.

Изъ того же стремленія соблюсти объективность, происходитъ, что у гр. Толстого нѣтъ картинъ или описаній, которыя онъ дѣлалъ бы отъ себя. Природа у него является только такъ, какъ она отражается въ дѣйствующихъ лицахъ; онъ не описываетъ дуба, стоящаго среди дороги, или лунной ночи, въ которую не спалось Наташѣ и князю Андрею, а описываетъ то впечатлѣніе, которое этотъ дубъ и эта ночь произвели на князя Андрея. Точно такъ, битвы и событія всякаго рода

разсказываются не по тѣмъ понятіямъ, которыя составилъ себѣ о нихъ авторъ, а по впечатлѣніямъ лицъ, въ нихъ дѣйствующихъ. Шенграбенское дѣло описано, большею частью, по впечатлѣніямъ князя Андрея; Аустерлицкая битва — по впечатлѣніямъ Николая Ростова; пріѣздъ императора Александра въ Москву изображенъ въ волненіяхъ Пети, и дѣйствіе молитвы о спасеніи отъ нашествія — въ чувствахъ Наташи. Такимъ образомъ, авторъ нигдѣ не выступаетъ изъ-за дѣйствующихъ лицъ и рисуетъ событія не отвлеченно, а, такъ сказать, плотью и кровью тѣхъ людей, которые составляли собою матеріалъ событій.

Въ этомъ отношеніи „Война и миръ“ представляетъ истинныя чудеса искусства. Схвачены не отдѣльныя черты, а цѣликомъ та жизненная атмосфера, которая бываетъ различна около различныхъ лицъ и въ разныхъ слояхъ общества. Самъ авторъ говоритъ о *любовной и семейной атмосферѣ* дома Ростовыхъ; но припомните другія изображенія того же рода: атмосфера, окружавшая Сперанскаго; атмосфера, господствовавшая около *дядюшки* Ростовыхъ; атмосфера театральной залы, въ которую попала Наташа; атмосфера военнаго госпиталя, куда зашелъ Ростовъ и пр. пр. Лица, вступающія въ одну изъ этихъ атмосферъ или переходящія изъ одной въ другую, неизбѣжно чувствуютъ ихъ вліяніе, и мы переживаемъ его вмѣстѣ съ ними.

Такимъ образомъ достигнута высшая степень объективности, т.-е мы не только видимъ передъ собою поступки, фигуру, движенія и рѣчи дѣйствующихъ лицъ, но и вся ихъ внутренняя жизнь предстаетъ передъ нами въ такихъ же отчетливыхъ и ясныхъ чертахъ; ихъ душа, ихъ сердце ничѣмъ не заслоняются отъ нашихъ взоровъ. Читая „Войну и миръ“, мы въ полномъ смыслѣ слова *созерцаемъ* тѣ предметы, кототрые избралъ художникъ.

Но что же это за предметы? Объективность есть общее свойство поэзіи, которое должно всегда въ ней присутствовать, какіе бы предметы она ни изображала. Самыя идеальныя чувства, самая высокая жизнь духа должны быть изображаемы объективно. Пушкинъ совершенно объективенъ, когда вспоминаетъ о нѣкоторой *величавой женѣ;* онъ говоритъ:

Ея чела я помню покрывало
И очи, свѣтлыя, какъ небеса.

Онъ слышалъ ея голосъ:

Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Точно такъ, онъ вполнѣ объективно изображаетъ ощущенія „Пророка“:

И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Объективность гр. Л. Н. Толстого, очевидно, обращена въ другую сторону, — не на идеальные предметы, а на то, что мы противополагаемъ идеалу — на такъ называемую дѣйствительность, на то, что не достигаетъ идеала, уклоняется отъ него, противорѣчитъ ему и, однакоже, существуетъ, какъ бы свидѣтельствуя о его безсиліи. Графъ Л. Н. Толстой есть *реалистъ*, т.-е. принадлежитъ къ давно господствующему и весьма сильному направленію нашей литературы. Онъ глубоко сочувствуетъ стремленію нашихъ умовъ и вкусовъ къ реализму, и его сила заключается въ томъ, что онъ умѣетъ вполнѣ удовлетворить этому стремленію.

Въ самомъ дѣлѣ, реалистъ онъ великолѣпный. Можно подумать, что онъ не только изображаетъ свои лица съ неподкупной вѣрностью дѣйствительности, а какъ будто даже умышленно совлекаетъ ихъ съ идеальной высоты, на которую мы, по вѣчному свойству человѣческой природы, такъ охотно и легко ставимъ людей и событія. Безжалостно, безпощадно гр. Л. Н. Толстой обнаруживаетъ всѣ слабыя стороны своихъ героевъ; онъ не утаиваетъ ничего, не останавливается ни передъ чѣмъ, такъ что наводитъ даже страхъ и тоску о несовершенствѣ человѣка. Многія чувствительныя души не могутъ, напр., переварить мысль объ увлеченіи Наташи Курагинымъ; не будь этого, — какой вышелъ бы прекрасный образъ, нарисованный съ изумительной правдивостью, но поэтъ-реалистъ безпощаденъ.

Если смотрѣть на „Войну и миръ“ съ этой точки зрѣнія, то можно принять эту книгу за самое ярое *обличеніе* александровской эпохи, — за неподкупное разоблаченіе всѣхъ язвъ, которыми она страдала. Обличены — своекорыстіе, пустота, фальшивость, развратъ, глупость тогдашняго высшаго круга; безмысленная, лѣнивая, обжорливая жизнь московскаго общества и богатыхъ помѣщиковъ, въ родѣ Ростовыхъ; затѣмъ, величайшіе безпорядки вездѣ, особенно въ арміи, во время войнъ; повсюду показаны люди, которые, среди крови и битвъ, руководятся личными выгодами и приносятъ имъ въ жертву общее благо; выставлены страшныя бѣдствія, происходившія отъ несогласія и мелочного честолюбія начальниковъ, — отъ отсутствія твердой руки въ управленіи; выведена на сцену цѣлая толпа трусовъ, подлецовъ, воровъ, развратниковъ, шулеровъ; ярко показана грубость и дикость народа (въ Смоленскѣ мужъ, бьющій жену; бунтъ въ Богучаровѣ).

Но гр. Л. Н. Толстой изображалъ темныя черты предметовъ не потому, что желалъ ихъ выставить на видъ, а потому, что хотѣлъ изображать предметы вполнѣ, со всѣми ихъ чертами, слѣдовательно, и съ темными. Цѣлью его была *правда* въ изображеніи, — неизмѣнная вѣрность дѣйствительности, и эта-то правдивость и приковывала къ себѣ все вниманіе читателей. Патріотизмъ, слава Россіи, нравственныя правила — все забывалось, все отходило на задній планъ передъ этимъ реализмомъ, выступившимъ во всеоружіи. Читатель жадно слѣдилъ за этими картинами; какъ будто художникъ, ничего не про-

повѣдуя, никого не обличая, подобно нѣкоторому волшебнику, переносилъ его изъ одного мѣста въ другое и давалъ ему самому видѣть, что̀ тамъ дѣлалось.

Все ярко, все образно и, въ то же время, все реально, все вѣрно дѣйствительности, какъ дагерротипъ или фотографія; вотъ въ чемъ сила гр. Л. Н. Толстого. Чувствуешь, что авторъ не хотѣлъ преувеличить ни темныхъ ни свѣтлыхъ сторонъ предметовъ, не хотѣлъ набросить на нихъ никакого особеннаго колорита или эффектнаго освѣщенія, — что онъ всею душою стремится передать дѣло въ его настоящемъ, дѣйствительномъ видѣ и свѣтѣ, — вотъ неодолимая прелесть, побѣждающая самыхъ упорныхъ читателей! Да, мы, русскіе читатели, давно уже упорны въ отношеніи къ художественнымъ произведеніямъ, давно уже вооружены сильнѣйшимъ образомъ противъ того, что̀ называется поэзіею, идеальными чувствами и мыслями; мы какъ будто потеряли способность увлекаться идеализмомъ въ искусствѣ, и упрямо упираемся противъ малѣйшаго соблазна въ эту сторону. Мы или не вѣримъ въ идеалъ, или (что̀ гораздо вѣрнѣе, такъ какъ не вѣрить въ идеалъ можетъ частное лицо, но не народъ) ставимъ его такъ высоко, что не вѣримъ въ силу художества, — въ возможность какого-либо воплощенія идеала. При такомъ положеніи дѣла, художеству осталась одна дорога — реализмъ; что̀ вы сдѣлаете, чѣмъ вооружитесь противъ правды, — противъ изображенія жизни, какъ она есть?

Но реализмъ реализму рознь; искусство, въ сущности, никогда не отказывается отъ идеала, всегда стремится къ нему; и чѣмъ яснѣе и живѣе слышно это стремленіе въ созданіяхъ реализма, тѣмъ они выше, тѣмъ ближе къ настоящей художественности. Не мало у насъ людей, которые понимаютъ это дѣло грубо, именно — воображаютъ, что они должны для наилучшаго успѣха въ искусствѣ превратить свою душу въ простой фотографическій приборъ, и снимать въ него тѣ картинки, какія попадутся. Наша литература представляетъ множество подобныхъ картинокъ: зато простодушные читатели, воображавшіе, что передъ ними выступаютъ дѣйствительные художники, не мало потомъ удивлялись, видя, что изъ этихъ писателей ровно ничего ни выходитъ. Дѣло, однакоже, понятное; эти писатели были вѣрны дѣйствительности не потому, чтобы она у нихъ ярко была озарена ихъ идеаломъ, а потому, что сами не видѣли дальше того, что̀ писали. Они стояли въ уровень съ тою дѣйствительностью, которую описывали.

Гр. Л. Н. Толстой не реалистъ-обличитель, но онъ и не реалистъ-фотографъ. Тѣмъ и дорого его произведеніе, въ томъ его сила и причина успѣха, что, удовлетворяя вполнѣ всѣмъ требованіямъ нашего современнаго искусства, онъ выполнилъ ихъ въ самомъ чистомъ ихъ видѣ, въ самомъ глубокомъ ихъ смыслѣ. Сущность русскаго реализма въ искусствѣ никогда еще не обнаруживалась съ такою ясностью и силою; въ „Войнѣ и мирѣ“ онъ поднялся на новую ступень, вошелъ въ новый періодъ своего развитія.

Сдѣлаемъ еще шагъ въ характеристикѣ этого произведенія, и мы уже будемъ близко къ цѣли.

Въ чемъ заключается особенная, ярко выступающая черта таланта гр. Л. Н. Толстого? Въ необыкновенно тонкомъ и вѣрномъ изображеніи душевныхъ движеній. Гр. Л. Н. Толстого можно назвать, по преимуществу, *реалистомъ-психологомъ*. По прежнимъ своимъ произведеніямъ онъ давно извѣстенъ, какъ изумительный мастеръ въ анализѣ всякаго рода душевныхъ перемѣнъ и состояній. Этотъ анализъ, разрабатываемый съ какимъ-то пристрастіемъ, доходилъ до мелочности, до неправильной напряженности. Въ новомъ произведеніи всѣ крайности его отпали, и осталась вся его прежняя точность и проницательность; сила художника нашла свои предѣлы, и улеглась въ свои берега. Все вниманіе его устремлено на душу человѣческую. У него рѣдки, кратки, и неполны описанія обстановки, костюмовъ, словомъ — всей внѣшней стороны жизни; но зато нигдѣ не упущено впечатлѣніе и вліяніе, производимое этою внѣшнею стороною на душу людей, а главное мѣсто занимаетъ ихъ внутренняя жизнь, для которой внѣшняя служитъ только поводомъ или неполнымъ выраженіемъ. Малѣйшіе оттѣнки душевной жизни и самыя глубокія ея потрясенія изображены съ одинаковой отчетливостью и правдивостью. Чувство праздничной скуки въ Отрадненскомъ домѣ Ростовыхъ и чувство всего русскаго войска въ самый разгаръ Бородинской битвы, молодыя душевныя движенія Наташи и волненія старика Болконскаго, теряющаго память и близкаго къ удару паралича, — все ярко, все живо и точно въ разсказѣ гр. Л. Н. Толстого.

Итакъ, вотъ гдѣ сосредоточивается весь интересъ автора, а въ силу того, и весь интересъ читателя. Какія бы огромныя и важныя событія ни происходили на сценѣ, — будетъ ли это Кремль, захлебнувшійся народомъ, вслѣдствіе пріѣзда государя, или свиданіе двухъ императоровъ, или страшная битва съ громомъ пушекъ и тысячами умирающихъ, — ничто не отвлекаетъ поэта, а вмѣстѣ съ нимъ и читателя, отъ пристальнаго взглядыванія во внутренній міръ отдѣльныхъ лицъ. Художника какъ будто вовсе не занимаетъ событіе, а занимаетъ только то, какъ дѣйствуетъ при этомъ событіи человѣческая душа, — что̀ она чувствуетъ и вноситъ въ событіе?

Спросите теперь себя, чего же ищетъ поэтъ? Какое упорное любопытство заставляетъ его слѣдить за малѣйшими ощущеніями всѣхъ этихъ людей, начиная отъ Наполеона и Кутузова до тѣхъ маленькихъ дѣвочекъ, которыхъ князь Андрей засталъ въ своемъ разореномъ саду?

Отвѣтъ одинъ: художникъ ищетъ слѣдовъ красоты души человѣческой, — ищетъ въ каждомъ изображаемомъ лицѣ той искры Божіей, въ которой заключается человѣческое достоинство и личности, — словомъ, старается найти и опредѣлить со всею точностью, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ идеальныя стремленія человѣка осуществляются въ дѣйствительной жизни. *Страховъ.*

Дворянская среда и ея разновидности по роману Толстого „Война и миръ“.

„Война и миръ“ — величайшее произведеніе Толстого и одно изъ величайшихъ произведеній въ міровой литературѣ XIX вѣка. Въ этой эпопеѣ художественный геній Толстого достигаетъ полнаго развитія, онъ удерживается почти на той же высотѣ еще въ „Аннѣ Карениной“, но затѣмъ падаетъ. „Война и миръ“ — типичное дворянское произведеніе, что нельзя забывать при оцѣнкѣ позднѣйшихъ явленій въ дѣятельности Толстого и позднѣйшаго отношенія его къ этому роману. Однако дворянская психологія автора здѣсь лишена той исключительности и замкнутости, когда родъ человѣческій распадается на comme il faut и плебеевъ. Большое знаніе жизни значительно расширяетъ умственный кругозоръ Толстого; время созданія „Войны и Мира“ было временемъ расцвѣта духовныхъ силъ Толстого и наиболѣе счастливымъ періодомъ въ его жизни. Этотъ моментъ расцвѣта въ личной жизни Толстого, когда онъ создавалъ „Войну и миръ“, счастливо совпадаетъ съ такимъ же значеніемъ избраннаго имъ періода въ жизни дворянскаго слоя въ Россіи.

Эпоха Александра I была періодомъ, когда дворянство было наиболѣе культурнымъ слоемъ, шло впереди всего народа, когда еще не обнаруживалось въ той мѣрѣ, какъ позже, разложеніе, приводящее къ уродливымъ формамъ. Дворянская эпопея времени Александра I являлась въ значительной степени всенародной эпопеей, такъ какъ дворянство въ эту эпоху какъ бы покрывало собой остальной народъ. Сознательно или безсознательно Толстой обращается къ эпохѣ расцвѣта дворянства въ Россіи, но, вѣроятно, именно дворянскій характеръ ея привлекаетъ его симпатіи.

„Я предполагаю, говоритъ Овсяннико-Куликовскій, что сюжетъ „Декабристовъ“ привлекалъ къ себѣ художническую пытливость Толстого не только своимъ историческимъ значеніемъ, своимъ драматизмомъ и выдающимися качествами дѣйствующихъ лицъ, *какъ характеровъ*, но также (а, можетъ быть и въ особенности) тѣмъ, что это столь яркое и единственное въ своемъ родѣ явленіе въ нашей исторіи было въ значительной мѣрѣ продуктомъ великосвѣтской психологической формы, что въ немъ аристократія происхожденія, воспитанія, карьеры, общественнаго положенія проявилась въ то же время, какъ аристократія ума, характера и нравственныхъ качествъ“...

Что это предположеніе Овсяннико-Куликовскаго вѣрно, лучше всего можетъ свидѣтельствовать, что Толстой бросилъ замыселъ „Декабристовъ“ и перешелъ къ „Войнѣ и миру“, то-есть, отказался отъ изображенія самаго движенія и его участниковъ, въ пользу изображенія аристократической среды въ ея болѣе обыденныхъ условіяхъ мира и исключительныхъ, но знакомыхъ ему, условіяхъ войны.

Аристократическая среда въ эпоху Александра I уже не была однородна по своему происхожденію, и эта разница, несмотря на тожде-

ство бытовыхъ условій, создавала внутри ея психологическія разновидности. Главными разновидностями является аристократія родовая исконная, и аристократія недавняго происхожденія, составившаяся изъ разнаго рода удачливыхъ людей и ихъ ближайшихъ потомковъ. Восемнадцатый вѣкъ въ Россіи богатъ такими головокружительными карьерами, и въ началѣ XIX вѣка дѣти этихъ удачниковъ составляли замѣтный элементъ среди русской аристократіи.

Этимъ двумъ разновидностямъ, соотвѣтствуютъ двѣ психологическія формы, и представителемъ первой изъ нихъ онъ считаетъ князя Андрея Болконскаго, представителемъ второй — Пьера Безухова.

Князь Андрей — ясно выраженный аристократъ, притомъ такого времени, когда аристократическая психологическая форма достигла на Руси наибольшей чистоты. Сравнительно съ нимъ аристократизмъ молодого Иртеньева, Оленина, Нехлюдова — уже вырожденіе психологической формы, но между ними есть много родственнаго. Точно также Андрей Болконскій не средній человѣкъ своей среды, а какъ Иртеньевъ— Оленинъ, выдающійся умомъ и душой, съ той только разницей, что Андрею Болконскому его среда представляетъ гораздо большій просторъ развитія и дѣятельности, чѣмъ его позднѣйшимъ преемникамъ.

„На всемъ протяженіи романа, говоритъ Овсяннико-Куликовскій, князь Андрей Болконскій неизмѣнно проявляется, какъ человѣкъ *очень умный, рѣдко серьезный и съ большими запросами живой общественной и даже государственной дѣятельности,* при чёмъ эти запросы — не пустыя претензіи, а основываются на соотвѣтствующихъ имъ способностяхъ. Это одна изъ тѣхъ натуръ, которыя смотрятъ на жизнь какъ на серьезное и отвѣтственное дѣло, а не времяпрепровожденіе, и понимаютъ это дѣло въ смыслѣ служенія общему благу, руководясь правиломъ „noblesse oblige“. Въ связи съ этимъ у князя Андрея мы видимъ проявленіе большого честолюбія и стремленіе къ власти, къ авторитарности. Но рядомъ съ этими мотивами у него въ душѣ властно, „категорически“ заправляетъ императивъ долга, самоотверженнаго безкорыстнаго подвига“.

Среда, въ которой приходится жить Андрею Болконскому, не помѣшала выработать эти черты, которыя значительно безформеннѣе, хотя потенціально, быть можетъ, не слабѣе у позднѣйшихъ представителей лучшихъ людей аристократической среды, изображенныхъ Толстымъ. Эта среда позволяетъ Андрею Болконскому и проявить эти черты значительно болѣе, чѣмъ среда позднѣйшей аристократіи, хотя бы изображенная въ „Аннѣ Карениной“. Но разладъ между Андреемъ Болконскимъ и средой есть и онъ выражается въ высокомѣрно пренебрежительномъ отношеніи князя Андрея къ средѣ. Это высокомѣріе всегда присуще князю Андрею. Съ людьми близкими онъ простъ, искрененъ и даже мягокъ.

„Встрѣчая вновь князя Андрея въ концѣ первой части 1 тома, говоритъ Овсяннико-Куликовскій, мы имѣемъ возможность наблюдать его дома, въ семьѣ, въ общеніи съ близкими и самыми дорогими для

него лицами (отцомъ и сестрой). Здѣсь прежде всего привлекаетъ наше вниманіе слѣдующая, не даромъ отмѣченная черта: князь Андрей (пріѣхавшій къ отцу въ его имѣніе Лысыя горы) входитъ въ комнату старика „не съ тѣмъ брезгливымъ выраженіемъ лица и манерами, которыя онъ напускалъ на себя въ гостинныхъ, а съ тѣмъ оживленнымъ лицомъ, которое у него было, когда онъ разговаривалъ съ Пьеромъ". Это мелкая, но мѣткая черта, важная для пониманія натуры князя Андрея. Въ „гостинныхъ", въ „салонахъ" онъ „щурится", онъ преувеличенно вялъ и апатиченъ, вообще держится манерно и съ брезгливостью, которая кажется фатовствомъ, и все это потому, что тамъ онъ чувствуетъ себя, хотя и въ своей средѣ, но скверно, что тамъ все или многое ему претитъ, даже возмущаетъ его. Онъ не Чацкій, чтобы тутъ же разразиться филиппиками. Взамѣнъ этого, онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи ту способность или ту слабость утрированнаго, манернаго демонстрированія своего превосходства, которое есть одно изъ слагаемыхъ психологической сословной формы аристократизма. Ею то онъ пользуется, пожалуй даже — злоупотребляетъ".

Весьма существеннымъ и тѣсно связаннымъ съ принадлежностью къ аристократической средѣ начала XIX вѣка является честолюбіе князя Андрея, которое развивается особенно сильно въ началѣ войны съ Наполеономъ, которая сыграла такую громадную роль въ подъемѣ общественныхъ настроеній русскаго дворянства.

„Къ этому же періоду жизни Болконскаго, говоритъ Овсянико-Куликовскій, когда онъ участвовалъ въ кампаніи 1805 года, относится крайнее развитіе въ немъ одной изъ основныхъ чертъ его сложной натуры—*честолюбія*. Князь Андрей лелѣялъ честолюбивыя мечты — отличиться такъ, чтобы обрѣсти свой „Тулонъ", т.-е., иронически замѣчаетъ генералъ Драгомировъ, „попасть въ Наполеоны". Когда онъ узналъ отъ дипломата Билибина (въ Брюннѣ, куда былъ посланъ съ рапортомъ къ австрійскому императору), что русская армія находится въ безнадежномъ положеніи, ему пришло въ голову, что ему то именно и предназначено вывести русскую армію изъ этого положенія, что вотъ онъ тотъ Тулонъ, который выведетъ его изъ рядовъ неизвѣстныхъ офицеровъ и откроетъ ему первый путь къ славѣ".

Это развитіе честолюбія князя Андрея — черта очень характерная для эпохи, въ которую онъ жилъ, и для его среды. Эпоха, въ которую совершалось такъ много великихъ событій, когда передъ глазами у всѣхъ стоялъ образъ Наполеона, въ нѣсколько лѣтъ превратившагося изъ скромнаго артиллерійскаго офицера въ императора чуть не всего міра, и, конечно, этотъ образъ будилъ честолюбивыя мечты во всѣхъ, кто къ нимъ сколько-нибудь склоненъ. Давала благопріятныя условія для развитія честолюбія и среда, къ которой принадлежалъ князь Андрей. Эта среда была близка къ власти, руководящей средой, и, что особенно важно, она не была такъ пропитана карьеризмомъ и чиновничьими правами, чтобы опошлить честолюбіе, какъ это случилось въ слѣдующемъ поколѣніи, когда путь къ почестямъ лежалъ уже

черезъ неизбѣжныя отрѣшенія отъ принциповъ, отъ самостоятельности личности, отъ всего, что составляетъ достоинство человѣческой личности, и безъ чего такая личность, какъ князь Андрей, не могла бы существовать. Нельзя конечно сказать, чтобы все это не играло никакой роли во времена князя Андрея, но оно не пріобрѣло еще значенія главнаго и неизбѣжнаго фактора успѣха. Князь Андрей и по условіямъ своей среды могъ еще надѣяться на достиженіе почестей при помощи подвиговъ, а не униженій. Когда Тулонъ не дается князю Андрею, и онъ возвращается съ войны, не совершивъ того подвига, о которомъ мечталъ, передъ нимъ условія среды открываютъ возможность другой дѣятельности—государственной. Онъ принимаетъ участіе въ законодательныхъ работахъ Сперанскаго и на время находитъ себѣ удовлетвореніе въ этой дѣятельности. Однако и здѣсь онъ испытываетъ разочарованіе, суть котораго яснѣе обнаруживаетъ положеніе его самого и того общественнаго слоя, къ которому онъ принадлежитъ. Дѣятельность его оказывается въ его собственныхъ глазахъ иллюзіей. Это совершенно соотвѣтствовало положенію культурнаго слоя аристократіи, которая, стоя близко къ власти, тѣмъ не менѣе была лишена проявить свою дѣятельность въ такомъ объемѣ, какъ требовали пробудившіеся запросы. Отсюда неизбѣжное столкновеніе этого слоя съ окружающей дѣйствительностью, которое и вылилось въ формѣ движенія декабристовъ. Князь Болконскій — очень характерный типъ тѣхъ людей, изъ которыхъ вскорѣ выработались декабристы, и если бы авторъ не заставилъ его погибнуть отъ раны, полученной въ Бородинскомъ сраженіи, и продолжилъ бы свое повѣствованіе до выполненія замысла „Декабристовъ“, то несомнѣнно князя Андрея пришлось бы видѣть среди вождей движенія.

Такова одна изъ главныхъ фигуръ „Войны и мира“. Князь Андрей Болконскій аристократъ чистой воды, богато одаренная натура съ большимъ запасомъ ума, энергіи, съ благороднымъ складомъ души. И какъ мы видѣли, въ немъ не только присутствуютъ, но очень сильно развиты именно тѣ свойства, которыхъ не достаетъ позднѣйшимъ героямъ изъ дворянской среды — энергія, сила воли, активность, способность къ практической работѣ. Разсматривая князя Андрея, какъ представителя дворянства начала XIX вѣка, нельзя не остановиться на сравненіи его съ представителями этого слоя въ литературѣ начала вѣка. На первый взглядъ получается какъ будто полное противорѣчіе. Мы видѣли какъ будто съ самаго появленія въ литературѣ героевъ изъ дворянской интеллигенціи черты противоположныя характеру князя Андрея, черты, позволяющія отнести этихъ героевъ къ длинной вереницѣ „лишнихъ людей“. Но анализъ соотношенія этихъ типовъ обнаруживаетъ иное положеніе. Князь Андрей гибнетъ въ 12-мъ году, когда еще художественной литературы, воспроизводившей дѣйствительность, у насъ не было. Тотъ слой людей, къ которому онъ принадлежалъ, сходитъ со сцены 14 декабря 1825 года. Только образъ Чацкаго успѣлъ уже къ этому времени сложиться въ душѣ его творца, и этотъ образъ не противорѣчитъ образу князя Андрея. Чацкій —

тоже активная волевая натура, жаждущая дѣятельности и способная къ ней. Разница между этими двумя лицами въ темпераментѣ, умѣ, выдержкѣ и, надо признаться, что все это гораздо характернѣе въ князѣ Андреѣ, чѣмъ въ Чацкомъ, который въ концѣ концовъ все же хорошій чудакъ въ своей средѣ, тогда какъ князь Андрей ея лучшій человѣкъ. Образъ Онѣгина былъ задуманъ до крушенія аристократической интеллигенціи, но задуманъ сначала какъ сатира, и только позже выработался въ тотъ типъ, который мы знаемъ уже, типъ представителя эпохи упадка. По темпераменту онъ далекъ отъ князя Андрея. Ближе къ послѣднему Печоринъ, и на немъ яснѣе всего можно видѣть, какъ сковываются новыми условіями жизни крупныя силы, которымъ эпоха князя Андрея давала еще относительный просторъ. Такимъ образомъ сопоставленіе съ данными литературы первой половины XIX вѣка приводитъ насъ къ выводу о полной характерности образа князя Андрея для его среды и позволяетъ разсматривать этотъ образъ какъ наивысшее художественное воспроизведеніе русской дворянской психологической формы въ періодъ ея наибольшей чистоты и наивысшаго развитія.

Другой представитель аристократической среды въ „Войнѣ и мирѣ“ во многомъ ближе къ позднѣйшимъ героямъ изъ этого общественнаго слоя, хотя носитъ на себѣ характерный отпечатокъ времени и мѣста. Опредѣливъ Пьера Безухова, какъ натуру, въ противоположность князю Андрею, неспособную къ практическому дѣлу, склонную къ мечтательному философствованію, со слабой волей и отсутствіемъ иниціативы, Овсяннико-Куликовскій ставитъ вопросъ, можно ли ихъ противопоставлять какъ типы общечеловѣческіе? — и находитъ, что оба они не являются таковыми, но въ особенности крѣпко къ условіямъ времени и мѣста привязанъ образъ Пьера Безухова.

„Князь Андрей, говоритъ онъ, все-таки въ извѣстной мѣрѣ доступенъ отвлеченію отъ увлеченій и красокъ мѣста, времени, націи и перенесенію на другую почву, между тѣмъ какъ Пьеръ Безуховъ рѣшительно этому сопротивляется, — нѣтъ возможности перенести его куда-нибудь въ Германію, Францію, Англію, — онъ мыслимъ и художественно интересенъ только въ Россіи и при томъ въ извѣстную эпоху, — ту, которую можно назвать переходной отъ XVIII вѣка къ XIX. Это различіе въ значительной мѣрѣ обусловлено тѣмъ, что кн. Андрей — аристократъ pur sang, человѣкъ породы и *рѣзко выраженной* сословной психологической формы, между тѣмъ какъ Пьеръ, сынъ „случайнаго“ человѣка, „плебей“ по происхожденію, является представителемъ той условно-аристократической формы, которая была явленіемъ специфически русскимъ. Въ старой Европѣ типичныя черты кн. Андрея, какъ аристократа, какъ человѣка чести и долга и съ призваніемъ къ широкой государственной дѣятельности, наконецъ, какъ дѣятеля оппозиціи, найдутся еще въ болѣе яркомъ и цѣльномъ выраженіи. Поэтому князь Андрей, со стороны сословно-психологической, можетъ *отчасти* служить *однимъ изъ представителей* этого общеевропейскаго, уже почти исчезнувшаго типа. Но не трудно видѣть, что, при

всемъ томъ, онъ отнюдь не могъ бы претендовать на роль широкаго художественнаго обобщенія, ибо странно было бы ходить за такимъ обобщеніемъ въ страну, гдѣ аристократическая форма осталась чѣмъ-то недоразвитымъ, лишь слабымъ намекомъ на то, что въ этомъ отношеніи представляла Западная Европа".

Такимъ образомъ разница между Пьеромъ Безуховымъ и кн. Андреемъ, поскольку она обусловливается ихъ происхожденіемъ, сводится къ тому, что князь Андрей выходитъ изъ слоя, наиболѣе опредѣлившагося въ классовомъ отношеніи, и эта опредѣленность создаетъ извѣстную опредѣленность психологіи представителей этого слоя; Пьеръ же Безуховъ, наоборотъ, выходитъ изъ слоя, только что слагающагося и потому создающаго очень неопредѣленную, расплывчатую психологическую форму. Принимая во вниманіе, что русская жизнь въ цѣломъ страдаетъ именно отсутствіемъ опредѣленныхъ формъ, ясно сложившихся классовыхъ отношеній, мы не можемъ удивляться, что Пьеръ — явленіе болѣе русское, чѣмъ князь Андрей. Далѣе, принимая во вниманіе, что высшій слой русской аристократіи терпитъ въ 1825 году пораженіе и руководящая роль въ культурной жизни переходитъ къ другому слою, въ классовомъ отношеніи менѣе чистому, постепенно переходящему въ разночинца, мы не можемъ удивляться и тому, что Пьеръ Безуховъ ближе позднѣйшимъ поколѣніямъ интеллигенціи, чѣмъ князь Андрей.

Но и самое содержаніе образа Пьера тоже связано съ его положеніемъ „новаго человѣка" въ аристократіи. Въ Пьерѣ чувствуется отсутствіе вліянія традицій направляющихъ дѣятельность въ опредѣленное русло, какъ направляются эти силы кн. Андрея въ традиціонное для кн. Болконскихъ русло военной и государственной дѣятельности. Въ Пьерѣ личность предоставлена самой себѣ, сама въ себѣ черпаетъ источникъ силы, сама отыскиваетъ руководящія вѣхи. Отсюда и слабость воли, парализуемой колебаніями и исканіями въ потемкахъ, и индивидуализмъ, и склонность отдаваться разсужденіямъ на этическія темы, такъ какъ личная жизнь за отсутствіемъ традицій среды является единственнымъ руководящимъ началомъ. Впослѣдствіи, при разложеніи аристократической среды, тѣ же явленія можно наблюдать и у ея исконныхъ представителей. Они близки и самому Толстому, который вкладываетъ въ Пьера кое-что свое. Но въ Пьерѣ эти черты — результатъ еще не сложившейся аристократической психологической формы, тогда какъ въ людяхъ позднѣйшаго времени, начиная съ 30-хъ годовъ, это — результатъ ея разложенія. Но каковъ ни былъ бы источникъ психологическаго склада Пьера, самъ по себѣ этотъ складъ очень характеренъ для русской интеллигенціи XIX вѣка, и Пьеръ Безуховъ является провозвѣстникомъ типа, впослѣдствіи широко распространеннаго.

„Если мы вникнемъ, говоритъ Овсянико-Куликовскій, въ сущность той черты, которую Толстой называетъ „мечтательнымъ философствованіемъ" Пьера, то убѣдимся, что она представляетъ собой

явленіе специфически русское. Прежде всего это „мечтательное философствованіе“ не есть игра празднаго ума, въ которомъ пробудились нѣкоторые теоретическіе интересы и который сегодня философствуетъ о войнѣ, о грядущемъ вѣчномъ мірѣ, завтра о Богѣ и истинной вѣрѣ и т. д. и находитъ удовлетвореніе въ самомъ процессѣ этого теоретированія. Для Пьера характерно то, что всѣ его умствованія вытекаютъ изъ глубокой потребности его натуры, что они не исключительно „головного“ происхожденія. По самому складу своего ума, Пьеръ менѣе всего теоретикъ и кабинетный мыслитель. Вопросы, надъ которыми онъ бьется, при всей отвлеченности нѣкоторыхъ изъ нихъ, суть въ сущности вопросы жизни, и самая постановка ихъ вытекаетъ изъ стремленія выработать себѣ такое міросозерцаніе и устроить свою жизнь такъ, чтобы въ результатѣ получился возможно полный покой совѣсти, возможное нравственное удовлетвореніе, основанное на сознаніи, что, мысля и живя такъ, онъ „дѣлаетъ благое дѣло среди царящаго зла“. Пьеръ типичный представитель, или, лучше, провозвѣстникъ, предтеча русскаго *идеализма*“.

Изъ этой характеристики Пьера ясно виденъ и источникъ его идеализма — необходимость самому безъ помощи среды и традиціи найти мѣрило справедливости, руководящія начала жизни, а эта необходимость вытекаетъ изъ положенія личности въ неопредѣлившейся, не вылившейся въ строгія рамки среды, личности, которой въ окружающей жизни не на что опереться и которая поэтому должна искать опору въ себѣ самой и въ абстрактномъ идеалѣ. Неопредѣленность общественныхъ формъ, столь характерная для русской жизни вообще, здѣсь ясно выступаетъ какъ источникъ русскаго идеализма. Въ противоположность Пьеру Безухову, князь Андрей, по мнѣнію Овсяннико-Куликовскаго, является реалистомъ, что вполнѣ естественно для человѣка сложившейся опредѣленной среды, въ традиціяхъ и условіяхъ которой онъ находитъ руководящія указанія для жизни.

„Я называю, говоритъ Овсяннико-Куликовскій, князя Андрея реалистомъ, потому что у него исходной точкой стремленія служитъ сама дѣйствительность, и онъ въ построеніи своихъ идей, въ исканіи идеала, въ программѣ жизни и дѣятельности всегда ищетъ точки опоры въ окружающей его жизни и въ ея исторически данныхъ условіяхъ. Я называю Пьера *идеалистомъ* потому, что у него отправнымъ пунктомъ мысли и стремленій является всегда система тѣхъ идей или дарованій, которыми онъ въ данное время увлекается, а дѣйствительность, среди которой онъ живетъ и дѣйствуетъ, представляется какъ бы выводомъ изъ этихъ идей: она окрашивается и мѣняетъ свой обликъ сообразно измѣненіямъ въ характерѣ и въ составѣ идей, занимающихъ Пьера“.

Въ источникѣ своего идеализма Пьеръ Безуховъ — родной братъ позднѣйшихъ идеалистовъ 30-хъ, 40-хъ, даже 50-хъ годовъ. Но въ немъ есть почти отличное отъ большинства изъ нихъ, принадлежащее эпохѣ. Прежде всего характеръ его идеализма обусловленъ временемъ: онъ мистикъ, масонъ. Другой характерной для эпохи чертой, перено-

сящей насъ въ конецъ XVIII вѣка, хотя не чуждой иногда и идеализму половины XIX вѣка, (напримѣръ, идеализмъ кн. Нехлюдова изъ „Утра помѣщика“) является примиреніе его съ нѣкоторыми чертами крѣпостничества, чего не было у реалистовъ въ родѣ кн. Андрея и декабристовъ его склада. Овсяннико-Куликовскій отмѣчаетъ одинъ характерный фактъ въ жизни Пьера — его поступокъ послѣ разрыва съ первой женой.

„А вотъ на счетъ десятковъ тысячъ рабовъ, (говоритъ Овсяннико-Куликовскій), Пьеру дѣйствительно слѣдовало признаться, что онъ виноватъ, очень и непростительно виноватъ, — въ особенности въ томъ, что послѣ исторіи съ Долоховымъ, онъ „отдалъ женѣ довѣренность на управленіе всѣми великорусскими имѣніями, что составляло большую часть его состоянія“. Ни откуда не видно, чтобы Пьеръ не только тогда, въ то первое время своихъ нравственныхъ и общественныхъ стремленій, но и впослѣдствіи сознавалъ всю безнравственность этого преданія крестьянъ на произволъ такой душевладѣлицы, какъ Hélène, этой расплаты съ развратной женщиной за учиненный ею скандалъ душами и трудами рабовъ“.

„Это сочетаніе филантропіи и идеализма съ крѣпостничествомъ очень характеризуетъ Пьера и то промежуточное положеніе, которое онъ занимаетъ, какъ представитель такого неопредѣленнаго слоя, какимъ является аристократія изъ вчерашнихъ случайныхъ людей“.

Большая примѣсь такихъ неопредѣленныхъ элементовъ опредѣляетъ и самый характеръ русской аристократической среды, не давая ей выработать законченныя психологическія формы, а эта неопредѣленность формы облегчала впослѣдствіи быстроту разложенія этихъ формъ. Разложеніе это было тѣмъ легче, что вся аристократическая культурная среда въ цѣломъ, объединяя и исконную родовую аристократію въ родѣ кн. Болконскихъ, и вчерашнюю аристократію въ родѣ графовъ Безухихъ, представляла собой очень тонкій слой; пожалуй, налетъ на болѣе мощномъ пластѣ усадебнаго дворянства, а послѣднее постепенно расплывалось въ общей русской безформенности патріархальнаго быта. И эта патріархальность проникала всю русскую жизнь, придавая особый спеціально русскій отпечатокъ даже какъ болѣе культурнымъ ея представителямъ, которые оказываются какъ-то особенно чуткими и воспріимчивыми. По этой патріархальности, когда съ ней встрѣчаются, чувствуется, что они слишкомъ недавно съ ней простились и слишкомъ недостаточно отъ нея освободились. Усадебное дворянство изображено въ „Войнѣ и мирѣ“ въ лицѣ семьи Ростовыхъ, типичной крупной помѣщичьей семьѣ начала вѣка, и въ лицѣ „дядюшки“, къ которому попадаютъ молодые Ростовы во время охоты. Дядюшка ихъ типичный мелкій помѣщикъ того времени, когда патріархальный укладъ жизни позволялъ благоденствовать и мелкому дворянству.

Изображеніе дворянскаго быта у Толстого въ „Войнѣ и мирѣ“ сильно идеализировано, хотя реально. Подчеркнуты въ немъ свѣтлыя, поэтичныя стороны. Идеализація эта отличается отъ идеализаціи дворянскаго быта Тургеневымъ: Толстой не груститъ объ уходящей по-

эзіи усадебъ, какъ Тургеневъ. Онъ всецѣло переносится думой въ эту поэзію, живетъ ею, восхищается и восхищаетъ. Сравнивая усадебную жизнь въ изображеніи Толстого съ великосвѣтской, ясно можно видѣть, что великосвѣтскіе элементы у него лишь наслоеніе и что въ основѣ его натуры лежитъ та же патріархальность, которой проникнуты отношенія изображаемой имъ среды. Эта патріархальность русской жизни, создаваемая ею психологическая форма и міросозерцанія идеализируются Толстымъ въ лицѣ Платона Каратаева — личности, которой критика Толстого обыкновенно придаетъ большое значеніе. Овсянико-Куликовскій видитъ въ Каратаевѣ національный типъ въ его проявленіи въ крестьянствѣ. Съ этимъ можно согласиться, если признать, что основной чертой русской жизни вообще, а крестьянской въ первую половину XIX вѣка въ исключительно чистой формѣ, является патріархальность. Вотъ съ представителемъ этой патріархальности, точнѣе лучшихъ, свѣтлыхъ сторонъ ея, какъ Андрей Болконскій, представитель лучшихъ сторонъ русскаго аристократизма, мы и имѣемъ дѣло въ лицѣ Платона Каратаева. Несомнѣнно лучшей стороной всякой патріархальности является непосредственная, безсознательная, но безхитростная и безкорыстная доброта. Эту черту мы находимъ во всей ея полнотѣ у Платона Каратаева.

„Фигура маленькаго солдатика, который пожалѣлъ и утѣшилъ Пьера, говоритъ Овсянико-Куликовскій, тронула насъ какимъ-то особымъ необычнымъ способомъ. Сперва намъ почудилось, что это было то же самое чувство, которое испыталъ Пьеръ: „такое выраженіе ласки и простоты было въ пѣвучемъ голосѣ человѣка, что Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, но у него задрожала челюсть, и онъ почувствовалъ слезы“. Но уже слѣдующая страница заставила насъ отвлечься отъ этой мысли, забыть эту трогательность состраданія и участія, проявленнаго Каратаевымъ, и сосредоточить вниманіе на другихъ чертахъ образа. Во-первыхъ, мы сейчасъ же узнали, что Каратаевъ жалѣетъ Пьера такъ же, какъ жалѣетъ онъ собаку: „Ишь шельма пришла! — услыхалъ Пьеръ въ концѣ балагана тотъ же ласковый голосъ“... Во-вторыхъ, тутъ же на той же и слѣдующей страницахъ мы убѣдились въ томъ, что передъ нами натура совершенно непосредственная, въ которой доброта, состраданіе и т. д.—не добродѣтели, не сознательныя проявленія души, а какъ бы родъ врожденнаго психическаго темперамента, — черты, аналогичныя такимъ физіологическимъ признакамъ личности, какъ, напримѣръ, ростъ, цвѣтъ глазъ, тембръ голоса и т. д. Это не заслуги, не преимущества, а *свойства*. Доброта Каратаева, если можно такъ выразиться, не въ „сердцѣ“ его, а въ его пѣвучемъ голосѣ, „круглыхъ“ и „скорыхъ движеніяхъ, во всей повадкѣ его“.

Каратаевъ заключаетъ въ себѣ въ очень ясно выраженной формѣ и другія хорошія стороны патріархальности — простоту и наивную правдивость. Что-то дѣтское есть въ этой фигурѣ и по-дѣтски прекрасное. Всматриваясь въ образъ Каратаева и ставя себѣ вопросъ, чѣмъ этотъ образъ привлекателенъ, не трудно замѣтить, что привлекательны въ немъ

именно черты патріархальности. Эта патріархальность является однако не въ своемъ обыденномъ видѣ. Она идеализирована при посредствѣ очищенія отъ темныхъ сторонъ и воплощенія въ русскую крестьянскую форму, которая и дѣлаетъ ее особенно дорогой автору и, надо думать, подавляющему большинству читателей. Передъ нами патріархальность, столь милая большинству русскихъ людей, но не простая патріархальность, а своя родная и притомъ просвѣтленная. Въ идеализаціи Карратаева заключается вся суть славянофильскаго ученія, хотя Толстой никогда не былъ славянофиломъ. Это происходитъ потому, что какъ славянофильство, такъ и цѣлый рядъ другихъ теченій, возникшихъ на дворянской почвѣ, имѣютъ своимъ источникомъ трудно преодолѣваемую привязанность усадебнаго дворянства къ патріархальности. Та же патріархальность, которая въ своемъ простонародномъ проявленіи изображена Толстымъ въ Каратаевѣ, въ другой формѣ — патріархальности государственной жизни, воспроизведена въ лицѣ Кутузова. Критика, въ лицѣ Овсяннико-Куликовскаго, отмѣчала уже связь, существующую между образами Кутузова и Каратаева. Дѣйствительно, это разныя проявленія въ разныхъ сферахъ одного и того же начала патріархальности. Кутузовъ изображается Толстымъ, какъ идеальный патріархъ: добрый, умудренный опытомъ старикъ, не вмѣшивающійся въ жизнь, не направляющій ее, а только регулирующій ея проявленія.

Толстой прямо говоритъ, что Кутузовъ „презираетъ умъ и знаніе, противопоставивъ имъ свою старость и опытность патріарха, и это руководство арміей старика патріарха оказывается лучшимъ, чѣмъ руководство геніальнаго стратега Наполеона“. Въ противопоставленіи Наполеона, къ которому Толстой относится отрицательно, не только съ этической точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія его военныхъ дарованій, и русскаго старика генерала Кутузова, котораго Толстой идеализируетъ, сказывается родственное славянофильству и почвенничеству противопоставленіе личнаго начала Запада началу патріархальному, хоровому, принимаемому Толстымъ, какъ и славянофилами, за коренное національное русское начало. Идеализація этого хорового начала и составляетъ основу историческихъ разсужденій Толстого, составляющихъ эпилогъ „Войны и мира“.

Такимъ образомъ въ своемъ величайшемъ созданіи Толстой даетъ картину прошлаго расцвѣта своего общественнаго слоя, идеализируетъ его бытъ, идеализируетъ то патріархальное начало, на которомъ зиждется старый бытъ дворянства. Въ слѣдующемъ большомъ романѣ отъ прошлаго онъ переходитъ къ настоящему и даетъ картину быта современнаго ему дворянства.

Коробка.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги,

составленныя В. И. ПОКРОВСКИМЪ:

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Григоровичъ, Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 25 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Жуковскій, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 25 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Новиковъ, Н. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Тургеневъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Тютчевъ, Ѳ. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Чеховъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ **В. Спиридонова и А. Михайлова.**
Москва. Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова. Телеф. 120—95.